СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ

ЭЛЕГИИ

ACCADEMIA PROPERZIANA
DEL SUBASIO DI ASSISI

SEXTI PROPERTI

Elegiarum libri quattuor

ACCADEMIA PROPERZIANA
DEL SUBASIO DI ASSISI

СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ

Элегии в четырех книгах

Перевод и примечания
А. И. Любжина

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ КАБИНЕТ
Ю. А. ШИЧАЛИНА
МОСКВА 2004

Книга выпущена при научной и финансовой поддержке
Accademia Properziana del Subasio di Assisi

© Accademia Properziana del Subasio di Assisi, 2004
© А. И. Любжин, перевод, примечания, 2004
© Греко-латинский кабинет® Ю. А. Шичалина, 2004

ISBN 5-87245-112-1

СОДЕРЖАНИЕ

Русскому читателю Проперция 7

SEXTI PROPERTI ELEGIARUM LIBRI QUATTUOR
СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ. ЭЛЕГИИ В ЧЕТЫРЁХ КНИГАХ

Liber primus. Monobiblos 14
Книга первая. Единокнижие 15

Liber secundus 52
Книга вторая 53

Liber tertius 124
Книга третья 125

Liber quartus 176
Книга четвёртая 177

Приложение 224

Примечания 240

Указатель имён и географических названий 262

Светлой памяти
Председателя Субасиевой Академии Проперция
профессора Джузеппе Катанцаро

РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ ПРОПЕРЦИЯ

Данный перевод поэтического корпуса Секста Проперция на русский язык будет представлен публике в рамках Международного конгресса *Проперций и элегический жанр: образцы, мотивы, исторические отражения* (*Properzio nel genere elegiaco: modelli, motivi, riflessi storici*). Прежде всего он обязан своим появлением на свет специалисту по латинской филологии к. ф. н. Алексею Любжину, сотруднику Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. Со своей стороны, Академия Проперция и Центр изучения латинской поэзии, написанной элегическими дистихами (Centro di Studi sulla Poesia latina in distici elegiaci), рады тому, что взяли новую высоту в своём проекте — в ознакомлении современных читателей с творчеством Поэта посредством перевода его элегий на распространённые языки современности. После китайской версии, исполненной доктором Ваном Хуаншэном и опубликованной в Пекине в 2000 году, и португальской, которая была подготовлена трудами А. Нашименто, М. К. Пименте-ля, П. Альберто и Х. Сегвардо Э Кампос и издана 2002 году, теперь выходит в свет и настоящий перевод. Судьбу этой книги принимал близко к сердцу покойный Председатель Академии, проф. Джузеппе Катанцаро, кому ещё выпало на долю объявить о подготовке издания на Конгрессе 2002 года — последнем, которым он руководил.

Полный перевод поэтического корпуса Проперция был исполнен на основании критического текста Паоло Федели (Stutgardiae 1994, Teubner), а также его переводов и комментариев к отдельным книгам Поэта (1980, 1985, 1988, 1994).

Способствовать распространению познаний о нашем Поэте в мире русского языка и русской культуры — достижение, за которое Академия благодарна как переводчику, так и профессору Карло Сантини, установившему связь с московским исследователем. Всеобщность, от которой Проперций отказался в своей личной судьбе, не желая покидать Рим вслед за своими знатными и влиятельными друзьями, направлявшимися в различные провинции пространной Империи, в высшей степени свойственна его творчеству, которое сохраняет свои жизненные силы далеко за пределами Августовой ойкумены.

Многоплановость и вытекающую из неё сложность понимания его стихов впервые отметил Квинтилиан: назвав среди представителей Римской элегии, могущих на равных вступить в состязание с поэтами Греции, Ти-

булла, которого он характеризует как *tersus et elegans* («выделяющийся отделкой и изяществом»), он сразу же затем добавляет — *sunt qui Propertium malint* («есть и такие, которые предпочитают Проперция»), подчёркивая, что стихи поэта из Умбрии — поэтический род не столь легкодоступный и требующий более значительного усилия от читателя. Георг Лук пишет, что, «по-видимому, Проперций — самый трудный из элегических поэтов, но, кроме того, единственный, кто способен не выпускать из-под власти своих чар нашего современника с его чувствами».

Присутствие Проперция в западной литературной традиции, безусловно, не было постоянным; однако в определённые эпохи на его счету и весьма значимые успехи — таково творчество Петрарки и итальянских гуманистов, таковы «Римские элегии» Гёте, а в XX веке — *Hommage to Sextus Propertius* Эзры Паунда и *A Thought from Propertius* Уильяма Батлера Йейтса, а также обращение к Поэту в творчестве Роберта Лауэлла. Драматичный и «краткий» век, только что завершившийся на наших глазах, воспринял как своего современника Поэта, который сделал своей программой опрокидывание образцов и традиционных положений; надеемся, что эта инициатива будет способствовать тому, что Проперций обретёт новую актуальность и вновь будет читаться в наступающем столетии.

Отметим и такое счастливое совпадение: в ходе нынешнего Конгресса научной общественности будут представлены новые археологические находки эпохи Августа, относящиеся к муниципию *Asisium* и в том числе затрагивающие благотворительную деятельность близкого родственника нашего Поэта, ставшего инициатором возведения важных общественных сооружений. Возникает целая цепочка связей с биографией Поэта, который писал как раз в годы непосредственно после битвы при Акциуме и принятия приёмным сыном Юлия Цезаря титула Августа. Новое подтверждение обретает преемственность градостроительных планов, архитектурных вкусов, интенсивное обращение между Римом и муниципиями в рамках Средиземноморья — что касается и вещей, и людей, ремесленников и художников; и в какой-то мере это обстоятельство подводит черту под узко местническими спорами о «родине» Проперция и заставляет иным образом оценить подтверждённую принадлежность его к муниципию *Asisium* (в его стихах *Asis*), ближайшему и связанному прочными узами с *Perusia*, которая в свою очередь граничит с *regio Etruria*.

Глубокое внимание, которое уже на Конгрессе 2002 года было приковано к биографической проблематике и историческому контексту Проперциевой поэзии, поддерживается и оживляется осознанием взаимозависимости и взаимодополняемости исследований жизни Проперция-человека и творчества Проперция-поэта, неотложной необходимости описать генезис стихотворного корпуса и наблюдений над его судьбой и распространением — а также трудами ради того, чтобы оно стало ещё значительней.

Проперций на самом деле жил в эпоху величайшего расцвета латинской литературы, отличительной чертой которой было политическое равновесие и стабильность на всей территории Империи, *pax Augusta*, но в молодости Поэту пришлось пережить тягостные превратности судьбы, выпавшие на долю его роду, *gens*, который был вовлечён в борьбу за Перуджу между Октавианом и консулом Луцием Антонием, братом триумвира Марка Антония, — *bellum Perusinum*, и стал жертвой земельных конфискаций.

До нас дошли четыре книги стихотворений Проперция; все они написаны элегическим дистихом — размером, в котором чередуются гекзаметрические стихи и более краткие пентаметры-пятистопники. Первая книга (*monobiblos*), вышедшая в свет около 28 г. до Р. Х., и следующие две, написанные вскоре, по большей части посвящены перипетиям любви Поэта к Кинфии — вплоть до решительного разрыва в последней элегии; впрочем, Кинфия — первое слово в стихах, и некоторые даже считали его заглавием первой книги. Четвёртая же книга, созданная более чем десятилетием позже, уделяет большое место учёным описаниям происхождения различных обрядов, празднеств и имён ещё молодого Рима.

Гражданской войне, в ходе которой Перуджа была подвергнута осаде, а Проперций утратил большую часть своего имущества, посвящены два последних стихотворения первой книги: торжественный и печальный ритм, формы, иногда отмеченные особой мрачностью, — так Поэт вспоминает смерть своего родственника Галла, попавшего в засаду при попытке спастись от оружия сподвижников Октавиана, и *Perusina sepulcra patriae*, «отечество, погребённое в Перудже»; эпитафия Отечеству, кроме того, стала и личной печатью Поэта во вступлении.

Monobiblos стяжал большой успех своей новизной — он открыл, как полагают некоторые, раньше того же самого Тибулла, великую эпоху латинской элегии. Новизна становится отличительной чертой творчества Проперция — оригинальной и непременной. И на самом деле Поэт представляет любовь к Кинфии как опыт, который вовлекает в себя всю его жизнь. При всём множестве вариаций в описании различных событий его элегии — единый по существу корпус; перед глазами читателя Проперций выказывает свою преданность и страсть к госпоже, ради которой он отказался от всех возможностей карьеры, открытых перед ним общественным положением и всадническим достоинством, которым он обладает.

Идеал Проперция — подчёркнуто антикомформистский; он отвергает ценности, значимые для Римского общества — богатство, военную славу, даже семейную жизнь как таковую. Отмечалось, что его образ жизни диаметрально противоположен образу жизни античных философов — сам Поэт утверждает, что он живёт рассеянно и не прикладывая усилий. Его самоуничижение приводит к тому, что он — человек свободнорож-

дённый — объявляет себя рабом своей возлюбленной-госпожи, *domina*. Он смотрит на Кинфию как на свою хозяйку, требующую от него и добивающуюся полного подчинения (*servitium*). На деле такое поведение является последовательным отрицанием основополагающих ценностей римской этики; с полным правом он утверждает, что то, как он живёт — *vivere nullo consilio*, то есть жизнь его безумна и воспроизводит в отрицательной форме весь опыт современного существования с бременем общественных связей. Проперций до конца переживает противоречия, свойственные тому, кто полностью отдаётся всепоглощающей любви, но, представая перед нами слабой добычей своей страсти, он не выказывает душевной слабости — характерного достояния других поэтов-элегиков.

Мы знаем, что на самом деле Кинфия — условное имя, которое Проперций даёт свободной и образованной женщине (*docta puella*), не связанной узами брака и склонной принимать его общество — как и общество других мужчин. Здесь нет недостатка в переживаниях, связанных с неверностью и любовным разрывом. Любовь Проперция несчастна, но в то же самое время это и нерв его поэзии. Однако же значимость этой поэзии не получит должной оценки, если читатель воспримет её как своего рода автобиографию и не озаботится тем, чтобы создать для её рассмотрения подобающий фон — литературный и поэтический, в зависимости от которого только и возможно повествование.

Единственная сила, которая может соперничать с преданностью возлюбленной — поэтическая страсть Проперция. Проперций — один из тех латинских поэтов, кто серьёзно размышлял о значимости и важности собственного творчества. Он заявляет, что возлюбленная прославилась благодаря его стихам; и мы можем поверить, что Проперций, только потому, что у него есть навощённые дощечки и талант слагать стихи элегическим дистихом, испытывает настоящее удовольствие, излагая свой любовный опыт. Что в его любовной страсти, господствующей в стихах, можно отнести к искусству для искусства, к пафосу рассказчика, который последовательно использует различные варианты литературной схемы, а что, напротив, отведено шутке и иронии — остаётся загадкой, с которой часто сталкивалась критика ушедшего столетия. Здесь следует повторить удачную реплику Федели: безусловно, личность Проперция достаточно сложна, чтобы подчас оказываться совершенно неуловимой.

Вероятно, у русского читателя могут возникнуть определённые трудности при знакомстве с текстом, особенно там, где приходится следить за прихотливой нитью мифологических ссылок, столь свойственных классической культуре. Мифологический аппарат, демонстрирующий образованность и утончённость автора, — наследие не дошедшей до нас александрийской элегии; он служил основополагающим законом в пред-

ставлении читателю своей личной ситуации; в то же время задача мифа — расширить, раздвинуть, облагородить сценарный замысел элегии, который в противном случае мог бы оттолкнуть своей узостью, и погрузить его в изящную обстановку, которую мог бы понять любой образованный читатель того времени.

С полным правом Проперций числит среди своих образцов протагонистов элегической поэзии эллинизма — Филлита и Каллимаха; ещё больше оснований провозгласить себя римским Каллимахом будет у него тогда, когда, в поиске новых путей для элегической поэзии, он решит рассказать о прошлом Рима, примкнув к этиологическому жанру, который со всей яркостью раскрывает мифы и обряды прошлого и заявляет о своей преемственности по отношению к Αἴτια (т. е. «Причинам»), написанной элегическими дистихами поэме в четырёх книгах, принадлежащей перу Каллимаха; в ней излагались мифические истоки культов и обрядов античной Эллады.

Успех *Единокнижия* не ускользнул от внимания Мецената, влиятельного друга Августа, на которого ориентировалась целая группа поэтов, разными способами поддерживавших политическую и культурную программу Августа и задуманное им восстановление религиозных и моральных ценностей. Проперций также вошёл в кружок Мецената, к которому он обращается в некоторых элегиях второй и третьей книг; однако его причастность никогда не была полной — скорее это было примыкание, осложнённое отказом (*recusatio*) перейти к эпической поэзии и прославлению в стихах достижений Августа (2, 1), а также радостью при известии об отмене брачного закона (2, 7) — вплоть до прямо-таки вызывающей картины, когда поэт довольствуется аплодисментами во время триумфальной процессии.

В первой элегии четвёртой книги собеседник поэта — Гор, который в обличье восточного астролога предсказывает Проперцию будущее и приходит к заключению, что одна-единственная женщина сделает тщетными все его победные пальмы, все его попытки обрести свободу. История любви Проперция и Кинфии, кроме того, показывает: «история не может развиваться, если нет противодействия», как написал Федели.

После окончательного разрыва (3, 24) и смерти Кинфии Проперцию удаётся восстановить союз двух влюблённых, переступив через предел их жизни — диалектики любви и мучений — и вызвав в своём воображении сон, в котором мёртвая госпожа является Поэту; это знаменитая элегия 4, 7, не лишённая диссонансов — мотивов дисгармоничных, отчаянных и подчёркнуто мрачных и завершаемая репликой Кинфии, предъявляющей — как раз в тот момент, когда она предрекает скорую смерть Проперция, — свои права на вечное обладание возлюбленным (*nunc te possideant aliae: mox sola tenebo*). Может быть, это и есть предвестие кон-

ца; в поэзии Проперция нет указаний и намёков на события, относящиеся ко времени после 15 г. до Р. Х. Предполагается, что это и был год смерти нашего Поэта.

Профессор Джорджо Бонаменте,
Председатель Субасиевой Академии Проперция (Ассизи)

SEXTI PROPERTI ELEGIARUM LIBRI QUATTUOR

СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ ЭЛЕГИИ В ЧЕТЫРЁХ КНИГАХ

LIBER PRIMUS

MONOBIBLOS

1

Cynthia prima suis miserum me cepit ocellis,
contactum nullis ante Cupidinibus.
tum mihi constantis deiecit lumina fastus
et caput impositis pressit Amor pedibus,
donec me docuit castas odisse puellas
improbus, et nullo vivere consilio.
et mihi iam toto furor hic non deficit anno,
cum tamen adversos cogor habere deos.
Milanion nullos fugiendo, Tulle, labores
saevitiam durae contudit Iasidos.
nam modo Partheniis amens errabat in antris,
ibat et hirsutas ille videre feras;
ille etiam Hylaei percussus vulnere rami
saucius Arcadiis rupibus ingemuit.
ergo velocem potuit domuisse puellam:
tantum in amore preces et bene facta valent.
in me tardus Amor non [n]ullas cogitat artis,
nec meminit notas, ut prius, ire vias.
at vos, deductae quibus est fallacia lunae
et labor in magicis sacra piare focis,
en agedum dominae mentem convertite nostrae,
et facite illa meo palleat ore magis!
tunc ego crediderim vobis et sidera et amnis
posse †cythalinis† ducere carminibus.
aut vos, qui sero lapsum revocatis, amici,
quaerite non sani pectoris auxilia.
fortiter et ferrum saevos patiemur et ignis,
sit modo libertas quae velit ira loqui.
ferte per extremas gentis et ferte per undas,
qua non ulla meum femina norit iter:
vos remanete, quibus facili deus annuit aure,
sitis et in tuto semper amore pares.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЕДИНОКНИЖИЕ

1

Кинфия была первой, пленившей меня своими взорами, —
несчастный, прежде я не испытывал страсти.
И вот Амур заставил меня с моей закоренелой гордостью
потупить очи и попрал побеждённого своей стопою,
пока, злокозненный, не научил меня ненавидеть
добродетельных девушек и жить наобум, как придётся.
Увы мне, горячка этой любви не оставляет меня в течение целого года:
а при этом всё складывается так, что боги против меня.
Миланион не избегал никаких трудов, Тулл,
и так смог победить непреклонность суровой Иасиды.
Ему приходилось то в безумии блуждать по пещерам Парфения,
то сталкиваться один на один с косматыми обитателями леса;
он же, поражённый ударом Гилеевой коряги,
стонал раненый на Аркадских утёсах.
Ему, стало быть, удалось укротить быстроногую девушку:
такова в любви цена мольбы и услуг.
Что же до меня, то ленивый Амур не утруждает себя ловушками
и не стремится идти, как прежде, знакомыми путями.
А вы, обманщицы, говорящие, что можете свести луну с небосклона,
принося очистительную жертву на волшебном очаге,
давайте, измените настроение моей госпожи
и сделайте так, чтобы бледность её лица превзошла мою!
Тогда я смог бы поверить, что в ваших силах обратить вспять
пути звёзд и рек заклинаниями Китейской девы.
Или вы, друзья, спешащие вернуть — слишком поздно! — того, кто
уж поскользнулся и упал, отыщите способ помочь безумному сердцу.
Мы отважно перенесём и железо, и свирепый огонь,
лишь бы только высказать свободно, что повелевает гнев.
Отправьте меня к отдалённейшим племенам, отправьте
странствовать по волнам, где ни одна женщина не узнает мой путь, —
а вы оставайтесь дома, те, к кому бог обращает благосклонное ухо,
и да сохранится ваша любовь постоянной и неуязвимой.

in me nostra Venus noctes exercet amaras
et nullo vacuus tempore defit Amor.
hoc, moneo, vitate malum: sua quemque moretur
cura, neque assueto mutet amore locum.
quod si quis monitis tardas adverterit auris,
heu referet quanto verba dolore mea!

2

Quid iuvat ornato procedere, vita, capillo
et tenuis Coa veste movere sinus,
aut quid Orontea crinis perfundere murra,
teque peregrinis vendere muneribus,
naturaeque decus mercato perdere cultu,
nec sinere in propriis membra nitere bonis?
crede mihi, non ulla tuae est medicina figurae:
nudus Amor formae non amat artificem.
aspice quos summittat humus formosa colores,
ut veniant hederae sponte sua melius,
surgat et in solis formosius arbutus antris,
et sciat indociles currere lympha vias.
litora nativis †persuadent† picta lapillis,
et volucres nulla dulcius arte canunt.
non sic Leucippis succendit Castora Phoebe,
Pollucem cultu non Helaira soror;
non, Idae et cupido quondam discordia Phoebo,
Eueni patriis filia litoribus;
nec Phrygium falso traxit candore maritum
avecta externis Hippodamia rotis:
sed facies aderat nullis obnoxia gemmis,
qualis Apelleis est color in tabulis.
non illis studium vulgo conquirere amantis:
illis ampla satis forma pudicitia.
non ego nunc vereor ne sis tibi vilior istis:
uni si qua placet, culta puella sat est;
cum tibi praesertim Phoebus sua carmina donet
Aoniamque libens Calliopea lyram,
unica nec desit iucundis gratia verbis,
omnia quaeque Venus, quaeque Minerva probat,
his tu semper eris nostrae gratissima vitae,
taedia dum miserae sint tibi luxuriae.

Наша же Венера испытывает на мне горестные ночи,
и у праздного Амура всегда есть досуг для меня.
Заклинаю вас, бегите этого несчастья: пусть каждого держит дома
своя страсть, и не пытайтесь найти замену привычной любви.
А если кто прислушается к этим наставлениям уж слишком поздно, —
увы, с какой болью потом станет он вспоминать мои слова!

2

Жизнь моя, что пользы, когда ты выступаешь с пышным убором волос,
когда твоё тело нежно овевает Косская ткань,
когда ты умащаешь локоны мирром с берегов Оронта
и превращаешь себя в выставку заморских даров,
когда портишь природную прелесть покупными украшениями
и не даёшь себе сиять собственным блеском, какая ты есть?
Поверь, тебе не нужно никаких ухищрений:
обнажённый Амур не любит искусственности в красоте.
Смотри, какие цветы стелет под ноги прекрасная земля,
плющ разрастается лучше сам по себе,
краше поднимется земляничное дерево в уединённых пещерах,
а быстрая вода умеет течь по непроложенным путям.
Никто не приносит пёструю гальку — красу берегов,
и пернатые нежно поют, не обучившись этому искусству.
Феба, дочь Левкиппа, не украшениями зажгла любовь Кастора,
не украшениями её сестра Гилаира победила Поллукса;
не иначе поступала и дочь Эвена, за которую некогда
спорили Идас и Феб на отцовских берегах,
и не поддельным блеском увлекла Фригийского мужа
Гипподамия, увезённая на чужеземной колеснице, —
их лица с румянцем, как на Апеллесовых картинах,
не были обязаны своей прелестью драгоценным каменьям.
Они не стремились разыскать себе любовников в толпе —
целомудрие было само по себе их самой блистательной красотой.
Теперь я не боюсь, что буду тебе менее дорог, нежели те, другие —
если девушка нравится одному, она уже вполне привлекательна.
Кроме того, именно тебе дарует Феб свои песни,
Каллиопея не откажет в Аонийской лире,
и несказанная прелесть звучит в твоих сладостных речах:
словом, ты обладаешь всем, что поощряет и Венера, и Минерва.
Этим ты всегда будешь любезна нашему сердцу;
лишь бы только тебя не увлекло стремление к злосчастной роскоши!

3

Qualis Thesea iacuit cedente carina
languida desertis Cnosia litoribus;
qualis et accubuit primo Cepheia somno,
libera iam duris cotibus, Andromede;
nec minus assiduis Edonis fessa choreis
qualis in herboso concidit Apidano:
talis visa mihi mollem spirare quietem
Cynthia non certis nixa caput manibus,
ebria cum multo traherem vestigia Baccho,
et quaterent sera nocte facem pueri.
hanc ego, nondum etiam sensus deperditus omnis,
molliter impresso conor adire toro;
et quamvis duplici correptum ardore iuberent
hac Amor hac Liber, durus uterque deus,
subiecto leviter positam temptare lacerto
osculaque admota sumere tarda manu,
non tamen ausus eram dominae turbare quietem,
expertae metuens iurgia saevitiae;
sed sic intentis haerebam fixus ocellis,
Argus ut ignotis cornibus Inachidos.
et modo solvebam nostra de fronte corollas
ponebamque tuis, Cynthia, temporibus;
et modo gaudebam lapsos formare capillos;
nunc furtiva cavis poma dabam manibus:
omnia quae ingrato largibar munera somno,
munera de prono saepe voluta sinu;
et quotiens raro duxti suspiria motu,
obstupui vano credulus auspicio,
ne qua tibi insolitos portarent visa timores,
neve quis invitam cogeret esse suam:
donec diversas praecurrens luna fenestras,
luna moraturis sedula luminibus,
compositos levibus radiis patefecit ocellos.
sic ait in molli fixa toro cubitum:
«tandem te nostro referens iniuria lecto
alterius clausis expulit e foribus?
namque ubi longa meae consumpsti tempora noctis,
languidus exactis, ei mihi, sideribus?
o utinam talis producas, improbe, noctes,
me miseram qualis semper habere iubes!

3

Какова была усталая беглянка из Кносса, лежащая
на пустынном берегу, когда уже отчалил Тезеев корабль,
и Цефеева дочь, забывшаяся первым сном, —
Андромеда, уже свободная от плена на гибельном утёсе,
и Эдонянка, утомлённая долгими плясками,
рухнувшая на травянистый берег Апидана, —
такой показалась мне дышащая нежным покоем
Кинфия, которая лежала, опершись головой на непослушные руки,
пока я влачил свои стопы под гнётом обильного Вакха,
а слуги размахивали факелами — была уже поздняя ночь.
Ещё не окончательно утратив все чувства,
я пытаюсь нежно напасть на неё, прильнув к её постели.
И хотя я был распалён двойным огнём, и с этой стороны Амур,
а с той Либер побуждали меня — с обоими богами не поспоришь —
осторожно потревожить её своими объятиями
и сорвать поцелуй, и вооружиться для боя,
я не посмел нарушить покой моей госпожи,
боясь её испытанной на опыте ярости в ссорах,
но так и застыл, пожирая её глазами,
как Аргус созерцал невиданные рога дочери Инаха.
Вот я снял со своей головы венок
и водрузил его на виски тебе, Кинфия,
а вот — с наслаждением поправил тебе распущенные волосы
и незаметно положил в ладонь яблоко,
но за все мои подарки сон отблагодарить не мог —
они соскальзывали с её груди.
И всякий раз, когда она начинала двигаться и вздыхала,
я замирал, доверяя пустым приметам,
боясь, что необычное сновиденье чем-то испугает её
или кто-то овладеет ею против её воли,
пока луна, добравшись до наших окон, —
хлопотливая луна, не торопящаяся расстаться с нами,
не заставила её лёгкими лучами раскрыть сомкнутые очи.
Она сказала, приподнявшись на локте над мягким ложем:
«Так что ж, наконец, обида привела тебя в мою постель,
когда другая захлопнула перед тобой двери?
Где ты провёл всю долгую ночь, принадлежащую мне,
до самого — увы мне! — захода светил небесных?
Негодный! Пусть бы все твои ночи были такими,
какие бывают у меня, несчастной, и всегда из-за тебя!

nam modo purpureo fallebam stamine somnum,
rursus et Orpheae carmine, fessa, lyrae;
interdum leviter mecum deserta querebar
externo longas saepe in amore moras:
dum me iucundis lassam Sopor impulit alis.
illa fuit lacrimis ultima cura meis».

4

Quid mihi tam multas laudando, Basse, puellas
mutatum domina cogis abire mea?
quid me non pateris vitae quodcumque sequetur
hoc magis assueto ducere servitio?
tu licet Antiopae formam Nycteidos, et tu
Spartanae referas laudibus Hermionae,
et quascumque tulit formosi temporis aetas;
Cynthia non illas nomen habere sinat:
nedum, si levibus fuerit collata figuris,
inferior duro iudice turpis eat.
haec sed forma mei pars est extrema furoris;
sunt maiora, quibus, Basse, perire iuvat:
ingenuus color et multis decor artibus, et quae
gaudia sub tacita ducere veste libet.
quo magis et nostros contendis solvere amores,
hoc magis accepta fallit uterque fide.
non impune feres: sciet haec insana puella
et tibi non tacitis vocibus hostis erit;
nec tibi me post haec committet Cynthia nec te
quaeret; erit tanti criminis illa memor,
et te circum omnis alias irata puellas
differet: heu nullo limine carus eris!
nullas illa suis contemnet fletibus aras,
et quicumque sacer qualis ubique lapis.
non ullo gravius temptatur Cynthia damno
quam sibi cum rapto cessat amore deus,
praecipue nostri. maneat sic semper, adoro,
nec quicquam ex illa quod querar inveniam!

5

invide, tu tandem voces compesce molestas
et sine nos cursu, quo sumus, ire pares!

А я ведь то боролась со сном за ткацким станком с пурпурной пряжей,
то прогоняла усталость песнями Орфеевой лиры;
то сама с собой жаловалась на одиночество, на то, что порой
ты надолго забываешь обо мне из-за проделок на стороне —
пока, наконец, я не уморилась, и своими сладостными крыльями
сон не коснулся меня — это только и смогло осушить мои слёзы!»

4

Басс, зачем ты постоянно расхваливаешь мне разных девушек
и принуждаешь меня бросить мою госпожу?
Почему ты не хочешь позволить мне, сколько ещё осталось жизни,
повести её под привычным ярмом?
Можешь хвалить и расписывать мне хоть Никтееву дочь,
красавицу Антиопу, или Спартанку Гермиону,
и всех, кого произвела гордая красотою древняя эпоха, —
Кинфия лишила бы их прежней славы.
Но если сравнить её с доступными красотами, то —
как бы ни был суров судья — она не потерпит постыдного поражения.
Однако эта красота — ничтожнейшая из причин моей страсти;
есть то, от чего, Басс, ещё проще погибнуть:
природная прелесть и свежесть лица, приятность во многих искусствах
и радости, которыми хорошо наслаждаться под молчаливым покровом.
Чем больше ты тщишься разрушить нашу любовь, тем легче мы оба,
получив залог верности, расстроим твои козни.
Ты не уйдёшь безнаказанным: вот узнает об этом безумная девушка,
и ты приобретёшь врага, у которого рот не на замке;
после такого Кинфия и меня к тебе даже близко не подпустит,
и сама будет тебя сторониться: она не простит подобного
преступления и в гневе ославит тебя перед прочими девушками:
а тогда, увы, ни на одном пороге не окажут тебе радушного приёма!
Сама же она не пропустит ни одного алтаря, ни одного
священного камня, где бы он ни был, чтобы над ним поплакать:
ведь для Кинфии самое тяжкое огорчение, если у неё
украдут любовь и безучастный Амур оставит её в покое, —
в особенности мою любовь. Молю, чтобы так оставалось вечно
и чтобы у меня не было повода пожаловаться на неё!

5

Завистник, приглуши, наконец, назойливые речи
и дай нам вместе друг с другом идти своей дорогой!

quid tibi vis, insane? meos sentire furores?
infelix, properas ultima nosse mala,
et miser ignotos vestigia ferre per ignes,
et bibere e tota toxica Thessalia.
non est illa vagis similis collata puellis:
molliter irasci non solet illa tibi.
quod si forte tuis non est contraria votis,
at tibi curarum milia quanta dabit!
non tibi iam somnos, non illa relinquet ocellos;
illa ferox animis alligat una viros.
a! mea contemptus quotiens ad limina curres,
cum tibi singultu fortia verba cadent
et tremulus maestis orietur fletibus horror
et timor informem ducet in ore notam
et quaecumque voles fugient tibi verba querenti,
nec poteris, qui sis aut ubi, nosse miser!
tum grave servitium nostrae cogere puellae
discere et exclusum quid sit abire domum;
nec iam pallorem totiens mirabere nostrum,
aut cur sim toto corpore nullus ego.
nec tibi nobilitas poterit succurrere amanti:
nescit Amor priscis cedere imaginibus.
quod si parva tuae dederis vestigia culpae,
quam cito de tanto nomine rumor eris!
non ego tum potero solacia ferre roganti,
cum mihi nulla mei sit medicina mali;
sed pariter miseri socio cogemur amore
alter in alterius mutua flere sinu.
quare, quid possit mea Cynthia, desine, Galle,
quaerere: non impune illa rogata venit.

6

Non ego nunc Hadriae vereor mare noscere tecum,
Tulle, neque Aegaeo ducere vela salo,
cum quo Rhipaeos possim conscendere montis
ulteriusque domos vadere Memnonias;
sed me complexae remorantur verba puellae
mutatoque graves saepe colore preces.
illa mihi totis argutat noctibus ignes
et queritur nullos esse relicta deos;
illa meam mihi iam se denegat, illa minatur,

Чего ты добиваешься, безумец? почувствовать мой пыл?
Несчастный, ты торопишься познакомиться с жесточайшими
несчастьями, в горести влачить свои стопы по скрытому огню
и выпить отраву со всей Фессалии.
Она не похожа на легкомысленных пустышек:
если рассердится на тебя, так уж как следует.
Поэтому, даже если она не слишком противится твоим желаниям,
сколько забот она тебе причинит!
Ты опухнешь от бессонницы, глаза ослепнут от слёз —
она одна умеет укрощать жестоковыйных мужей.
Ах, презренный ею, сколько раз ты прибежишь к моим дверям,
от рыданий пресечётся твоя мужественная речь,
будешь ты горько плакать, содрогаясь от ужаса,
будешь ходить с лицом, искажённым страхом.
Ты захочешь пожаловаться, но не сможешь произнести ни слова,
даже забудешь, несчастный, кто ты и где ты! Вот тогда-то
и придётся тебе на собственном опыте познать, как тяжко ярмо
моей девушки и каково возвращаться домой, когда перед тобой
захлопнули дверь, и не будешь каждый раз удивляться,
отчего я так бледен или отчего сам не свой.
Знатность рода не поможет тебе в любви:
Амур — не тот, кто уступает древним изображениям предков.
Но зато если ты хоть чуть-чуть выдашь свою вину,
тотчас же само величие твоего имени даст пищу досужим сплетням!
Тогда, даже если попросишь, я никак не смогу тебя утешить:
у меня нет надёжного снадобья и от собственной печали,
и, одинаково несчастных, одна и та же любовь
заставит нас проливать слёзы в объятиях друг друга!
Так что, Галл, перестань спрашивать о могуществе моей Кинфии:
не остаётся безнаказанным, если её позвать и она придёт!

6

Сегодня, Тулл, я не побоялся бы вместе с тобой испытать гнев
Адриатики и распустить парус над Эгейскою пучиной,
с тобою я бы вскарабкался на Рипейские горы
и отправился дальше, чем обитель Мемнона,
но меня не пускают в путь слова и объятия моей девушки
и настойчивые просьбы в сочетании с бледностью.
Целыми ночами она рассуждает без умолку о любви
и жалуется, что нет на небесах богов, коль скоро она покинута;
часто говорит, что она уже не моя, грозит тем,

quae solet i<ng>rato tristis amica viro.
his ego non horam possum durare querelis:
a pereat, si quis lentus amare potest!
an mihi sit tanti doctas cognoscere Athenas
atque Asiae veteres cernere divitias,
ut mihi deducta faciat convicia puppi
Cynthia et insanis ora notet manibus,
osculaque opposito dicat sibi debita vento,
et nihil infido durius esse viro?
tu patrui meritas conare anteire securis,
et vetera oblitis iura refer sociis.
nam tua non aetas umquam cessavit amori,
semper at armatae cura fuit patriae;
et tibi non umquam nostros puer iste labores
afferat et lacrimis omnia nota meis!
me sine, quem semper voluit Fortuna iacere,
hanc animam extremae reddere nequitiae.
multi longinquo periere in amore libenter,
in quorum numero me quoque terra tegat.
non ego sum laudi, non natus idoneus armis:
hanc me militiam fata subire volunt.
at tu seu mollis qua tendit Ionia, seu qua
Lydia Pactoli tingit arata liquor;
seu pedibus terras seu pontum carpere remis
ibis, et accepti pars eris imperii.
tum tibi si qua mei veniet non immemor hora,
vivere me duro sidere certus eris.

7

Dum tibi Cadmeae dicuntur, Pontice, Thebae
armaque fraternae tristia militiae,
atque, ita sim felix, primo contendis Homero
(sint modo fata tuis mollia carminibus),
nos, ut consuemus, nostros agitamus amores
atque aliquid duram quaerimus in dominam;
nec tantum ingenio quantum servire dolori
cogor et aetatis tempora dura queri.
hic mihi conteritur vitae modus, haec mea fama est,
hinc cupio nomen carminis ire mei.
me laudent doctae solum placuisse puellae,
Pontice, et iniustas saepe tulisse minas;

чем неблагодарному мужчине обычно грозят обиженные подруги.
Этих жалоб я не в состоянии вынести в течение и одного часа — ах,
пропади пропадом тот, кто сохраняет в любви выдержку и терпение!
Стоит ли того для меня познакомиться со столицей вкуса —
Афинами — и увидеть древнюю пышность Азии,
чтобы Кинфия, когда корабельная корма скрывается из глаз,
осыпала меня бранью и оставляла безумными ногтями следы на лице,
говорила, что поцелуями она обязана противному ветру,
и жаловалась: нет ничего более жестокого, нежели неверный мужчина.
Тебе нужно превзойти на твоём поприще дядю с его фасциями,
тебе — вернуть союзникам их забытые права:
ведь и прежде у тебя никогда не было досуга для любви,
и ни на миг ты не оставлял попечения об отечестве во бранях.
Пусть же этот мальчишка не причинит тебе моих страданий
и не заставит испытать то, что я знаю по собственным слезам!
Но позволь и ты мне, коль скоро судьба, опрокинув меня, никак не даёт
подняться, посвятить эту жизнь такой безмерной глупости.
Многие погибли от долгой любви добровольно —
пусть мои останки земля покроет вместе с их прахом.
Я родился не для славы, не для браней —
судьба предназначила меня для иного ратоборства.
А ты, предстоит ли тебе повидать изнеженную Ионию
или Лидийские пашни, орошённые влагою Пактола,
пешком ли путешествовать по земле, на вёслах ли по морю,
чтобы возложить на себя власть, любезную подвластным, —
тогда, если тебе как-нибудь случится вспомнить обо мне,
знай: я живу под игом злого созвездия!

7

Пока, Понтик, ты воспеваешь Кадмов град — Фивы
и свирепую брань братнего раздора,
пока — клянусь душою — состязаешься с первым поэтом — Гомером
(да будет судьба благосклонна к твоим стихам),
мы, как обычно, предаёмся своей любви
и пытаемся что-то предпринять с нашей суровой госпожой;
и поневоле служу я не столько таланту, сколько своей печали,
и лишь жалуюсь, как неблагосклонна ко мне молодость.
Здесь сосредоточена моя жизнь, здесь — моя слава,
и я хочу, чтобы за это хвалили мои стихи.
Пусть, Понтик, меня ценят лишь за то, что я понравился
девушке со вкусом, за то, что я часто терпел незаслуженные угрозы;

me legat assidue post haec neglectus amator,
et prosint illi cognita nostra mala.
te quoque si certo puer hic concusserit arcu,
†quod nollim nostros eviolasse† deos,
longe castra tibi, longe miser agmina septem
flebis in aeterno surda iacere situ;
et frustra cupies mollem componere versum
nec tibi subiciet carmina serus Amor.
tum me non humilem mirabere saepe poetam,
tunc ego Romanis praeferar ingeniis;
nec poterunt iuvenes nostro reticere sepulcro
«Ardoris nostri magne poeta iaces».
tu cave nostra tuo contemnas carmina fastu:
saepe venit magno faenore tardus Amor.

8

Tune igitur demens, nec te mea cura moratur?
an tibi sum gelida vilior Illyria?
et tibi iam tanti, quicumque est, iste videtur,
ut sine me vento quolibet ire velis?
tune audire potes vesani murmura ponti
fortis, et in dura nave iacere potes?
tu pedibus teneris positas fulcire pruinas,
tu potes insolitas, Cynthia, ferre nives?
o utinam hibernae duplicentur tempora brumae,
et sit iners tardis navita Vergiliis,
nec tibi Tyrrhena solvatur funis harena,
neve inimica meas elevet aura preces!
atque ego non videam talis subsidere ventos,
cum tibi provectas auferet unda ratis,
ut me defixum vacua patiatur in ora
crudelem infesta saepe vocare manu!
sed quocumque modo de me, periura, mereris,
sit Galatea tuae non aliena viae:
ut te, felici praevecta Ceraunia remo,
accipiat placidis Oricos aequoribus!
nam me non ullae poterunt corrumpere de te
quin ego, vita, tuo limine verba querar;
nec me deficiet nautas rogitare citatos
«Dicite, quo portu clausa puella mea est?»,
et dicam «Licet Artaciis considat in oris,

пусть после отвергнутый влюблённый внимательно прочтёт меня,
и то, что он узнает о наших несчастьях, пойдёт ему на пользу!
Ну а если тебя настигнет этот мальчишка метким луком —
не хочу, чтоб ты дерзнул оскорблять наших богов! —
долго будешь ты оплакивать свои битвы, долго — семь отрядов,
заброшенные в пыли и паутине и умолкнувшие навсегда!
Тщетно будешь ты стараться слагать нежные стихи,
запоздалый Амур не подскажет тебе песен.
Вот тогда ты с удивлением обнаружишь, что я не худший из поэтов
и что меня предпочитают другим Римским талантам;
юноши не откажут моей могиле в дани благодарных слов:
«Здесь лежишь ты, великий поэт нашей страсти».
Так что поостерегись, надменный, презирать наши стихи:
Амур часто приходит с опозданием и взыскивает своё с лихвой.

8

Стало быть, безумна ты, и тебя не удерживает моя тоска?
Я значу для тебя меньше, чем холодная Иллирия,
а того, кто бы это ни был, ты ценишь так высоко,
что отправляешься в дорогу без меня, и любой ветер тебе — попутный?
Ты прониклась такой отвагой, что дерзнёшь вслушаться в ропот
бешеного моря и лежать на жёсткой корабельной палубе?
Ты, Кинфия, сможешь идти нежными стопами по наледи,
ты — переносить непривычные снега?
О, пусть удвоится пора зимней непогоды
и обездвижат моряка запоздавшие Вергилии,
песчаный берег Тирренского моря не отпустит корабельный канат
и злой ветер не унесёт мои мольбы!
Пусть бы мне тогда пришлось видеть, как слабеет такой ветер,
когда твой плот, уносимый волной, поспешит в путь,
чтобы в одиночестве, застыв на пустынном берегу,
грозить рукою вослед тебе, жестокосердной!
Впрочем, как бы ты, изменница, ни обошлась со мною,
пусть не будет Галатее безразличен твой путь:
да минуешь ты Керавнские скалы счастливым бегом весла,
и да встретит тебя Орик спокойной гладью.
Другие девушки не смогут меня заставить, жизнь моя,
перестать печалиться о тебе, сидя у твоего порога,
и у меня достанет сил расспрашивать бойких моряков:
«Ответьте, в какой гавани задержалась моя девушка?»
И скажу я: «Пусть она задержалась на Атракийских берегах

et licet Hylaeis, illa futura mea est».
hic erit! hic iurata manet! rumpantur iniqui!
vicimus: assiduas non tulit illa preces.
falsa licet cupidus deponat gaudia Livor:
destitit ire novas Cynthia nostra vias.
illi carus ego et per me carissima Roma
dicitur, et sine me dulcia regna negat.
illa vel angusto mecum requiescere lecto
et quocumque modo maluit esse mea,
quam sibi dotatae regnum vetus Hippodamiae
et quas Elis opes ante pararat equis.
quamvis magna daret, quamvis maiora daturus,
non tamen illa meos fugit avara sinus.
hanc ego non auro, non Indis flectere conchis,
sed potui blandi carminis obsequio.
sunt igitur Musae, neque amanti tardus Apollo,
quis ego fretus amo: Cynthia rara mea est!
nunc mihi summa licet contingere sidera plantis:
sive dies seu nox venerit, illa mea est!
nec mihi rivalis certos subducet amores:
ista meam norit gloria canitiem.

9

Dicebam tibi venturos, irrisor, amores,
nec tibi perpetuo libera verba fore:
ecce iaces supplexque venis ad iura puellae
et tibi nunc quaevis imperat empta modo.
non me Chaoniae vincant in amore columbae
dicere, quos iuvenes quaeque puella domet.
me dolor et lacrimae merito fecere peritum:
atque utinam posito dicar amore rudis!
quid tibi nunc misero prodest grave dicere carmen
aut Amphioniae moenia flere lyrae?
plus in amore valet Mimnermi versus Homero:
carmina mansuetus lenia quaerit Amor.
i quaeso et tristis istos compone libellos,
et cane quod quaevis nosse puella velit!
quid si non esset facilis tibi copia? nunc tu
insanus medio flumine quaeris aquam.
necdum etiam palles, vero nec tangeris igni:
haec est venturi prima favilla mali.

либо на Гилейских, всё равно она будет принадлежать мне!»
Она будет здесь, она даёт слово остаться: пусть лопнут злодеи!
Моя победа: она не смогла противиться усердной мольбе.
Жадная Зависть может забыть своё обманчивое торжество:
моя Кинфия уже не намерена предпринимать неслыханное странствие.
Теперь она говорит, что я дорог ей и благодаря мне Рим
ей ещё дороже, что без меня даже царство ей не мило.
Со мной ей слаще покоиться на узкой постели
и как бы то ни было — принадлежать мне,
чем владеть древним царством — приданым Гипподамии,
или теми богатствами, которые прежде стяжала Элида своими скакунами.
Хотя тот, другой, дарил ей много, хотя ещё больше собирался подарить,
она не поддалась жадности и не выскользнула из моих объятий.
Я смог её преклонить не золотом, не раковинами
с берегов Инда — а лаской нежных стихов.
Итак, Музы, и Аполлон, отзывчивый на просьбы влюблённого, —
вот на кого я опираюсь в своей любви: несравненная Кинфия — моя!
Теперь можно коснуться стопами высоких звёзд:
ночью и днём она моя!
И соперник ни за что не похитит у меня
её преданную любовь: её слава увенчает мои седины.

9

Насмешник, я ведь говорил: любовь ещё настигнет тебя,
и твои свободные речи — не навсегда;
Вот ты и повержен и со смиренными мольбами покоряешься девичьей
власти, и та, которую ты только что купил, ныне повелевает тобой.
Я одолею в состязаниях даже Хаонийских голубей,
рассказывая, как и каких юношей укрощает девушка.
Не даром — тоской и слезами — достался мне опыт: если бы я мог,
сложив бремя любви, вновь прослыть неискушённым в ней!
Что теперь толку для тебя, несчастный, писать важные стихи
и оплакивать воздвигнутые Амфионовой лирою стены?
Мимнермовы песни в любви ценнее Гомеровых:
кроткому Амуру по нраву нежные стихи.
Иди, пожалуй, оставь в покое такие серьёзные книги
и пой то, что придётся по душе любой девушке!
Что ты сказал бы, если б темы и взаправду не было под рукой?
Безумец, сейчас ты ищешь воду посреди реки.
Пока ты не бледен, пока тебя не коснулось настоящее пламя,
это первая искра грядущей гибели.

tum magis Armenias cupies accedere tigris
et magis infernae vincula nosse rotae,
quam pueri totiens arcum sentire medullis
et nihil iratae posse negare tuae.
nullus Amor cuiquam facilis ita praebuit alas,
ut non alterna presserit ille manu.
nec te decipiat, quod sit satis illa parata:
acrius illa subit, Pontice, si qua tua est;
quippe ubi non liceat vacuos seducere ocellos,
nec vigilare alio nomine cedat Amor.
qui non ante patet, donec manus attigit ossa:
quisquis es, assiduas a fuge blanditias!
illis et silices et possint cedere quercus,
nedum tu possis, spiritus iste levis.
quare, si pudor est, quam primum errata fatere:
dicere quo pereas saepe in amore levat.

10

O iucunda quies, primo cum testis amori
affueram vestris conscius in lacrimis!
o noctem meminisse mihi iucunda voluptas,
o quotiens votis illa vocanda meis,
cum te complexa morientem, Galle, puella
vidimus et longa ducere verba mora!
quamvis labentis premeret mihi somnus ocellos
et mediis caelo Luna ruberet equis,
non tamen a vestro potui secedere lusu:
tantus in alternis vocibus ardor erat.
sed quoniam non es veritus conc<r>edere nobis,
accipe commissae munera laetitiae:
non solum vestros didici reticere dolores,
est quiddam in nobis maius, amice, fide.
possum ego diversos iterum coniungere amantis
et dominae tardas possum aperire fores;
et possum alterius curas sanare recentis,
nec levis in verbis est medicina meis.
Cynthia me docuit, semper quaecumque petenda
quaeque cavenda forent: non nihil egit Amor.
tu cave ne tristi cupias pugnare puellae,
neve superba loqui, neve tacere diu;
neu, si quid petiit, ingrata fronte negaris,

Потом же ты предпочтёшь повстречаться с Армянскою тигрицей
или быть привязанным к колесу в преисподней,
чем вновь и вновь чувствовать глубокие раны от лука мальчишки
и не иметь возможности сказать «нет» разгневанной госпоже.
Амур никогда никому не дарил столь легко крыльев,
чтобы потом не погубить несчастного своей рукой.
И пусть её взаимность не обольщает тебя:
Понтик, если девушка принадлежит тебе, её натиск ещё яростнее.
Ещё бы! Ведь тогда не сведёшь с неё глаз, чтобы не потерять её,
и Амур ни под каким видом не позволит тебе проводить ночи без сна.
Он останется незамеченным, пока не пробьёт тебя навылет.
Ах! Кто бы ты ни был, беги от постоянной лести!
И кремень, и дуб не смогли бы ей противиться,
и ты, лёгкий человек, не окажешься крепче, чем они.
Потому, если есть стыд, сознайся сразу в своих ошибках:
часто в любви помогает сказать, отчего ты гибнешь.

10

О сладостный покой, когда я, свидетель самого зарождения любви,
был рядом и разделял ваши слезы!
О ночь, которую я вспоминаю с таким наслаждением,
сколько раз я буду призывать её в своих обетах, —
ночь, когда я видел, как ты, Галл, умирал в объятиях девушки
и что-то говорил с трудом, после долгих перерывов...
Хотя мои усталые веки слипались ото сна
и Луна на своей колеснице зарделась среди пути,
я не смог покинуть вас и вашу игру:
столько пыла было в словах, обращённых друг к другу!
Но раз уж ты не побоялся мне довериться,
вот тебе награда за разделённую со мною радость:
я сумею не только молчать о твоих страданиях,
но и дать тебе, мой друг, нечто большее, чем обычная скромность.
Я могу снова свести расставшихся влюблённых
и отворить неподатливые двери госпожи,
могу вылечить и чужую свежую рану —
в моих словах таится не такое уж слабое лекарство.
Кинфия научила меня, чего следует добиваться
и чего остеречься: любовь не прошла бесследно.
Ты же остерегайся бороться с девушкой, когда она не в духе,
говорить слишком надменно или подолгу молчать,
не отказывай, наморщив лоб, в её просьбах,

neu tibi pro vano verba benigna cadant.
irritata venit, quando contemnitur illa,
nec meminit iustas ponere laesa minas:
at quo sis humilis magis et subiectus amori,
hoc magis effectu saepe fruare bono.
is poterit felix una remanere puella,
qui numquam vacuo pectore liber erit.

11

Ecquid te mediis cessantem, Cynthia, Baiis,
qua iacet Herculeis semita litoribus,
et modo Thesproti mirantem subdita regno
proxima Misenis aequora nobilibus,
nostri cura subit memores a! ducere noctes?
ecquis in extremo restat amore locus?
an te nescio quis simulatis ignibus hostis
sustulit e nostris, Cynthia, carminibus?
atque utinam mage te, remis confisa minutis,
parvula Lucrina cumba moretur aqua,
aut teneat clausam tenui Teuthrantis in unda
alternae facilis cedere lympha manu,
quam vacet alterius blandos audire susurros
molliter in tacito litore compositam,
ut solet amota labi custode puella,
perfida communis nec meminisse deos:
non quia perspecta non es mihi cognita fama,
sed quod in hac omnis parte timetur amor.
ignosces igitur, si quid tibi triste libelli
attulerint nostri: culpa timoris erit.
an mihi nunc maior carae custodia matris?
aut sine te vitae cura sit ulla meae?
tu mihi sola domus, tu, Cynthia, sola parentes,
omnia tu nostrae tempora laetitiae.
seu tristis veniam seu contra laetus amicis,
quicquid ero, dicam «Cynthia causa fuit».
tu modo quam primum corruptas desere Baias:
multis ista dabunt litora discidium,
litora quae fuerant castis inimica puellis:
a pereant Baiae, crimen Amoris, aquae!

а соглашаясь, не болтай по-пустому.
Если ты будешь ею пренебрегать, она непременно рассердится,
если заденешь, и не подумает отказаться от справедливых угроз;
но зато чем скромнее и покорнее ты будешь,
тем чаще — и тем большего — ты сможешь добиться.
Тот сможет стяжать счастье с одной только девушкой,
кто никогда не оставит своё сердце свободным для новой страсти.

11

Пока, Кинфия, ты отдыхаешь в Байях,
где пролегает путь по берегу, прославленному именем Геркулеса,
пока ты любуешься морем, покорным некогда Феспротову царству,
которое раскинулось рядом с благородными Мизенами,
помнишь ли ты, тоскуешь ли ты о нас, проводя бессонные ночи,
остаётся ли для нас местечко в твоём сердце, хоть с краешку?
Или некий враг притворным пламенем
похитил тебя, Кинфия, из наших песней?
Лучше бы твоё время занимала маленькая ладья,
устремляясь на коротких веслах по Лукринскому озеру,
либо держала взаперти Тевтрантова влага,
столь податливая гребкам рук пловца,
лишь бы твой досуг не заключался в томном выслушивании
чьих-нибудь льстивых нашёптываний на тихом прибрежном песке —
ведь так обычно изменяют девушки, когда рядом нет стражницы, —
они, вероломные, и не помнят о богах, общих для всех:
не в том дело, что я не знаю тебя или что у тебя дурная слава,
а в том, что здесь будешь опасаться за любую страсть!
Так что ты не сердись, если в этой книжке появится
что-то слишком резкое: страх тому виной.
Разве я стал бы больше волноваться за родную мать?
Да и моя жизнь — чего она будет стоить без тебя?
Ты, Кинфия, одна для меня — дом, одна — отец и мать,
и когда я весел, я весел благодаря тебе.
А если я прихожу к друзьям весёлый или хмурый,
когда спросят, почему, я скажу: «Из-за Кинфии».
А потому, как только сможешь, прочь из этого развращённого места:
этот берег — виновник многих разлук,
этот берег — враг девичьей верности.
Пусть пропадут эти Байи со своими водами, пагуба Амура!

12

Quid mihi desidiae non cessas fingere crimen,
quod faciat nobis, Pontice, Roma moram?
tam multa illa meo divisa est milia lecto,
quantum Hypanis Veneto dissidet Eridano;
nec mihi consuetos amplexu nutrit amores
Cynthia, nec nostra dulcis in aure sonat.
olim gratus eram: non illo tempore cuiquam
contigit ut simili posset amare fide.
invidiae fuimus: num me deus obruit? an quae
lecta Prometheis dividit herba iugis?
non sum ego qui fueram: mutat via longa puellas.
quantus in exiguo tempore fugit amor!
nunc primum longas solus cognoscere noctes
cogor et ipse meis auribus esse gravis.
felix, qui potuit praesenti flere puellae
(non nihil aspersis gaudet Amor lacrimis),
aut si despectus potuit mutare calores
(sunt quoque translato gaudia servitio).
mi neque amare aliam neque ab hac desistere fas est:
Cynthia prima fuit, Cynthia finis erit.

13

Tu, quod saepe soles, nostro laetabere casu,
Galle, quod abrepto solus amore vacem.
at non ipse tuas imitabor, perfide, voces:
fallere te numquam, Galle, puella velit.
dum tibi deceptis augetur fama puellis,
certus et in nullo quaeris amore moram,
perditus in quadam tardis pallescere curis
incipis, et primo lapsus abire gradu.
haec erit illarum contempti poena doloris:
multarum miseras exiget una vices.
haec tibi vulgaris istos compescet amores,
nec nova quaerendo semper amicus eris.
haec ego non rumore malo, non augure doctus;
vidi ego: me quaeso teste negare potes?
vidi ego te toto vinctum languescere collo
et flere iniectis, Galle, diu manibus
et cupere optatis animam deponere labris

12

Почему, Понтик, ты непрестанно коришь меня праздностью,
что, дескать, Рим удерживает меня?
Кинфия от моего ложа — на столько же миль,
на сколько гордость Венетов Эридан - от Гипаниса.
Теперь Кинфия своими объятиями не питает мою страсть,
и не звучит в ушах её нежный голос.
А ведь когда-то я был ей по нраву: и в то время никому
не выпадало на долю столь верной любви.
Нам завидовали. Не бог ли меня погубил? Или трава-разлучница,
собранная на отрогах Кавказа, где страдал Прометей?
Я не тот, что прежде; длительное странствие меняет девушек.
О, какая любовь погибла за короткий миг!
И вот впервые мне приходится проводить в одиночестве
длинные ночи и утомлять себя своими же собственными стонами.
Счастлив, кто мог рыдать рядом со своей девушкой —
Амуру по душе пролитые слёзы — и кто, если уж он
был отвергнут, смог перенести свой пыл на другую:
когда попадёшь в рабство к другой, в этом есть своя радость.
Мне боги не дают ни полюбить другую, ни отстать от неё:
Кинфия была первой, Кинфия будет и последней.

13

Ты, Галл, по своему обычаю будешь радоваться нашему несчастью —
вот мою любимую похитили у меня, и я остался один.
Но, коварный, я не буду подражать тебе в этом
и не желаю тебе быть когда-нибудь обманутым девушкой.
Пока ещё растёт твоя слава и число любовных побед, пока
ты уверен в себе и не хочешь продолжения мимолётных увлечений,
но и ты можешь пропасть и с какой-нибудь из девушек утратить
прежний румянец и упасть, поскользнувшись на первом же шагу.
Так ты будешь наказан за равнодушие к их обидам,
и одна взыщет с тебя за несчастья всех.
Она выбьет из тебя все твои мелкие страстишки,
а когда ты будешь искать новые, не придёшься ко двору.
Я знаю это не по сплетням, не от птицегадателей;
я видел сам; не будешь же ты отвергать моё свидетельство!
Я видел сам, как ты, Галл, лежал в истоме
в её страстных объятиях и долго плакал, обхватив её руками;
ты жаждал расстаться с жизнью ради её желанных губ,

et quae deinde meus celat, amice, pudor.
non ego complexus potui diducere vestros:
tantus erat demens inter utrosque furor.
non sic Haemonio Salmonida mixtus Enipeo
Taenarius facili pressit amore deus,
nec sic caelestem flagrans amor Herculis Heben
sensit ab Oetaeis gaudia prima rogis.
una dies omnis potuit praecurrere amantis:
nam tibi non tepidas subdidit illa faces,
nec tibi praeteritos passa est succedere fastus,
nec sinet abduci: te tuus ardor aget.
nec mirum, cum sit Iove dignae proxima Ledae
et Ledae partu gratior, una tribus;
illa sit Inachiis et blandior heroinis,
illa suis verbis cogat amare Iovem.
tu vero quoniam semel es periturus amore,
utere: non alio limine dignus eras.
qui tibi sit, felix quoniam novus incidit, error;
et quodcumque voles, una sit ista tibi.

14

Tu licet abiectus Tiberina molliter unda
Lesbia Mentoreo vina bibas opere
et modo tam celeres mireris currere lintres
et modo tam tardas funibus ire ratis;
et nemus omne satas intendat vertice silvas,
urgetur quantis Caucasus arboribus;
non tamen ista meo valeant contendere amori:
nescit Amor magnis cedere divitiis.
nam sive optatam mecum trahit illa quietem,
seu facili totum ducit amore diem,
tum mihi Pactoli veniunt sub tecta liquores
et legitur Rubris gemma sub aequoribus;
tum mihi cessuros spondent mea gaudia reges:
quae maneant, dum me fata perire volent!
nam quis divitiis adverso gaudet Amore?
nulla mihi tristi praemia sint Venere!
illa potest magnas heroum infringere vires,
illa etiam duris mentibus esse dolor:
illa neque Arabium metuit transcendere limen
nec timet ostrino, Tulle, subire toro

а о том, что было у вас дальше, мой стыд не расскажет.
Я не мог расторгнуть ваших объятий:
столь силён был безумный пыл обоих.
Не с такой страстью бог Тенара, обратившись Фессалийцем
Энипеем, прижал к груди свою лёгкую добычу — Салмониду,
не такой страстью был распалён Геркулес к жительнице небес —
Гебе, познав с ней первые наслаждения после Этейского костра.
Один этот день мог превзойти всех любящих:
она зажгла в твоей груди не слабый огонь,
не оставив и следа от твоей гордости, и никому не позволит
увести тебя: пламя будет направлять твой путь.
И неудивительно: она первая вслед за Ледой,
достойной Юпитера, и милее её детей — одна всех троих;
она нежнее божественной дочери Инаха,
а её речи не оставили бы равнодушным и отца богов.
А ты, раз уж тебе суждено погибнуть в любви,
пользуйся этим: ты был достоин именно этого порога.
Да будет она тебе на счастье, коль скоро вот оно — новое безумие;
и пусть она будет для тебя всем, чего ты только захочешь.

14

Ты можешь, лениво раскинувшись на берегу Тибра,
потягивать Лесбосские вина из кубка Менторовой работы,
можешь глядеть, как быстро бегут резвые лодки
и как медленно двигаются суда на канатах,
и любоваться насаженной рощей, тянущей к небу столько же стволов,
сколько их подпирает покрытый зеленью Кавказ, —
всё это не в состоянии состязаться с моей любовью:
Амур не уступит великим богатствам.
Разделяет ли она со мной желанный покой,
наполняет ли мой день ласковой любовью, —
тогда воды золотоносного Пактола текут под мою кровлю
и для меня собирают жемчуг в водах Красного моря.
Ручаюсь, что такого блаженства не испытывали и цари:
пусть бы оно длилось, пока судьба меня не погубит.
Да и как радоваться богатству, если Амур — против тебя?
Не нужно мне никаких даров ценой неблагосклонности Венеры!
Эта богиня может сокрушить великую мощь героев,
эта богиня поражает болью и самые неподатливые души;
Тулл, она бесстрашно переступает порог из Аравийского камня,
она не боится взойти на пурпурное ложе

et miserum toto iuvenem versare cubili:
quid relevant variis serica textilibus?
quae mihi dum placata aderit, non ulla verebor
regna vel Alcinoi munera despicere.

15

Saepe ego multa tuae levitatis dura timebam,
hac tamen excepta, Cynthia, perfidia.
aspice me quanto rapiat fortuna periclo!
tu tamen in nostro lenta timore venis;
et potes hesternos manibus componere crinis
et longa faciem quaerere desidia,
nec minus Eois pectus variare lapillis,
ut formosa novo quae parat ire viro.
at non sic Ithaci digressu mota Calypso
desertis olim fleverat aequoribus:
multos illa dies incomptis maesta capillis
sederat, iniusto multa locuta salo,
et quamvis numquam post haec visura, dolebat
illa tamen, longae conscia laetitiae.
nec sic Aesoniden rapientibus anxia ventis
Hypsipyle vacuo constitit in thalamo:
Hypsipyle nullos post illos sensit amores,
ut semel Haemonio tabuit hospitio.
coniugis Euadne miseros elata per ignes
occidit, Argivae fama pudicitiae.
Alphesiboea suos ulta est pro coniuge fratres,
sanguinis et cari vincula rupit amor.
quarum nulla tuos potuit convertere mores,
tu quoque uti fieres nobilis historia.
desine iam revocare tuis periuria verbis,
Cynthia, et oblitos parce movere deos;
audax a! nimium, nostro dolitura periclo,
si quid forte tibi durius inciderit!
multa prius: vasto labentur flumina ponto,
annus et inversas duxerit ante vices,
quam tua sub nostro mutetur pectore cura:
sis quodcumque voles, non aliena tamen.
tam tibi ne viles isti videantur ocelli,
per quos saepe mihi credita perfidia est!
hos tu iurabas, si quid mentita fuisses,

и заставить несчастного юношу всю ночь ворочаться в постели —
что ему толку от пёстрых шёлковых покрывал?
Будет она ко мне благосклонна: и я спокойно стану презирать
царскую пышность и самые дары Алкиноя.

15

Многого ожидал я, Кинфия, от твоего легкомыслия,
однако же такого коварства ожидать не мог.
Смотри, в какие испытания бросает меня судьба —
а ты, зная о нашем страхе, не торопишься прийти, ты можешь
спокойно укладывать волосы, непричёсанные со вчерашнего дня,
и в долгой праздности заботиться о красоте лица,
а затем украшать свою грудь восточными самоцветами,
как будто ты собираешься встретиться с мужем в первый раз.
Но ведь Калипсо, когда её покинул гость с Итаки,
не так рыдала у пустынных волн:
не один день она сидела в печали с распущенными волосами,
долго укоряя жестокую разлучницу — солёную воду;
хоть и не суждено ей было ещё раз увидеть любимого,
всё же она познала скорбь, вкусив прежде и долгую радость.
Не так переживала в осиротевших чертогах Гипсипила,
раненная болью, когда Эзонова сына уносили вдаль ветры:
однажды исчахнув от страсти к Фессалийскому гостю,
после этого она уже никогда не чувствовала любви.
Эвадна, цвет целомудрия Аргосских девушек,
выбрала для себя погребальный костёр мужа.
Алфесибея отомстила за своего супруга родным братьям,
и любовь расторгла драгоценные узы крови.
Но — увы — из их примеров ни один не мог навести тебя
на иной путь, чтобы и твоё славное имя навеки осталось в истории.
Перестань, Кинфия, напоминать о клятвопреступлениях
и остерегись тревожить забывчивых богов!
Ах, твоя дерзость обернётся болью за моё испытание,
если что-то более тяжкое приключится с тобой.
Но до этого скорее реки потекут вспять из обширных морей
и после весны настанет зима,
чем в нашем сердце исчезнет страсть к тебе:
будь какой угодно, лишь бы только мы не стали чужими друг другу!
Разве ты не видишь, что угрожает твоим глазам,
которые так часто заставляли меня верить обману?
Ты клялась, что, если в чём солгала,

ut tibi suppositis exciderent manibus:
et contra magnum potes hos attollere Solem,
nec tremis admissae conscia nequitiae?
quis te cogebat multos pallere colores
et fletum invitis ducere luminibus?
quis ego nunc pereo, similis moniturus amantis
«O nullis tutum credere blanditiis!»

16

«Quae fueram magnis olim patefacta triumphis,
ianua Tarpeiae nota pudicitiae,
cuius inaurati celebrarunt limina currus,
captorum lacrimis umida supplicibus,
nunc ego, nocturnis potorum saucia rixis,
pulsata indignis saepe queror manibus,
et mihi non desunt turpes pendere corollae
semper et exclusi[s] signa iacere faces.
nec possum infamis dominae defendere noctes,
nobilis obscenis tradita carminibus;
nec tamen illa suae revocatur parcere famae,
turpior et saecli vivere luxuria.
haec inter gravius cogor deflere querelis
supplicis a longis tristior excubiis.
ille meos numquam patitur requiescere postis,
arguta referens carmina blanditia:
„Ianua vel domina penitus crudelior ipsa,
quid mihi tam duris clausa taces foribus?
cur numquam reserata meos admittis amores,
nescia furtivas reddere mota preces?
nullane finis erit nostro concessa dolori,
turpis et in tepido limine somnus erit?
me mediae noctes, me sidera plena iacentem,
frigidaque Eoo me dolet aura gelu:
tu sola humanos numquam miserata dolores
respondes tacitis mutua cardinibus.
o utinam traiecta cava mea vocula rima
percussas dominae vertat in auriculas!
sit licet et saxo patientior illa Sicano,
sit licet et ferro durior et chalybe,
non tamen illa suos poterit compescere ocellos,
surget et invitis spiritus in lacrimis.

то пусть бы у тебя выпали глаза — и подставила руки:
а теперь они могут бестрепетно взирать на яркое солнце
и, зная о своей лжи, ты нисколечко ни испытываешь страха?
Кто заставлял тебя бледнеть и ронять из очей
слёзы, когда на самом деле тебе вовсе не хотелось плакать?
Вот из-за чего я гибну и советую оказавшимся в моём положении:
«Никогда не верьте, влюблённые, ласковым словам!»

16

«Мы, врата, некогда раскрытые для великих триумфов,
знаменитые верностью Тарпейской девы;
мы, чей порог часто пересекали золочёные колесницы
и орошали жалобные слёзы пленников, —
теперь по ночам мы страдаем от пьяных ссор
и гулко сетуем, когда по нас стучат подлые руки,
и нет, увы! недостатка в гнусных венках на створках, и всегда лежат
рядом погасшие факелы — знак, что для кого-то мы не распахнулись!
Мы не в состоянии защититься от постыдных ночей нашей госпожи —
наша честь отдана во власть неприличным стишкам.
Но и её нельзя склонить к тому, чтобы позаботиться о своей славе, —
она живёт так же распущенно и вольно, как живут сейчас все.
Вот нам и приходится оплакивать всё это, когда юноша
печалит нас своими жалобными мольбами и долгой стражей,
не давая нашим косякам ни на миг покоя
и распевая песенки с утончённою лестью:
„О врата, более жестокие, чем сама госпожа,
почему ваши затворы для меня столь неприступны?
почему вы никогда не распахнётесь для моей любви,
почему даже не пошевельнётесь в ответ на тайные мольбы?
Неужели моим обидам не будет конца,
и придётся со стыдом улечься на пороге, согрев его своим телом?
И только полночь и звёздное небо, застав меня здесь лежащим,
и холодный ветер на рассвете пожалеют меня —
вы одни, всегда равнодушные к человеческой боли,
отвечаете мне лишь молчаньем своих петель!
О! если бы мой слабый голос мог проникнуть в узкую щель
и достичь ушей моей госпожи!
Тогда, будь она суровей Сиканских скал
и твёрже железа и булата,
она утратит власть над своими очами,
ей изменит самообладание, она проронит невольную слезу.

nunc iacet alterius felici nixa lacerto,
at mea nocturno verba cadunt Zephyro.
sed tu sola mei, tu maxima causa doloris,
victa meis numquam, ianua, muneribus,
te non ulla meae laesit petulantia linguae;
quae solet †irato dicere tanta loco†
ut me tam longa raucum patiare querela
sollicitas trivio pervigilare moras.
at tibi saepe novo deduxi carmina versu
osculaque impressis nixa dedi gradibus.
ante tuos quotiens verti me, perfida, postis
debitaque occultis vota tuli manibus!"
haec ille et si quae miseri novistis amantes,
et matutinis obstrepit alitibus.
sic ego nunc dominae vitiis et semper amantis
fletibus alterna differor invidia.»

17

Et merito, quoniam potui fugisse puellam,
nunc ego desertas alloquor alcyonas,
nec mihi Cassiope solito visura carinam,
omniaque ingrato litore vota cadunt.
quin etiam absenti prosunt tibi, Cynthia, venti:
aspice, quam saevas increpat aura minas.
nullane placatae veniet Fortuna procellae?
haecine parva meum funus harena teget?
tu tamen in melius saevas converte querelas:
sat tibi sit poenae nox et iniqua vada.
an poteris siccis mea fata reponere ocellis
ossaque nulla tuo nostra tenere sinu?
a pereat, quicumque ratis et vela paravit
primus et invito gurgite fecit iter!
nonne fuit levius dominae pervincere mores
(quamvis dura, tamen rara puella fuit),
quam sic ignotis circumdata litora silvis
cernere et optatos quaerere Tyndaridas?
illic si qua meum sepelissent fata dolorem,
ultimus et posito staret amore lapis,
illa meo caros donasset funere crinis,
molliter et tenera poneret ossa rosa;
illa meum extremo clamasset pulvere nomen,

Это теперь она довольна и лежит, опираясь на чужое плечо,
а мои слова пропадают впустую, уносимые ночным Зефиром;
но вы — единственная, вы — главная причина моей печали,
врата, непобедимые для моих даров.
Для того ли я ни разу не обидел вас несдержанным языком,
который в гневе высказывает всё без утайки,
чтобы по вашей милости, охрипнув от долгих жалоб,
проводить здесь, на перекрёстке, привычное время?
Часто я сочинял для вас неслыханные стихи,
часто, склонившись ниц, лобызал ваши ступени.
Сколько раз, коварные, я ворочался у ваших косяков,
сколько раз тайком приносил вам обещанные дары!"
Так он говорил, перебивая крики утренних птиц, и это,
и всё, что вам приходит на язык, бедные влюблённые.
Так и не прекращается ни на миг моё бесславие —
и от негодной госпожи, и от вечных рыданий возлюбленного.»

17

И поделом — сам ведь бежал от своей девушки —
теперь я беседую с пустынными гальционами.
В Кассиопу вопреки обыкновению корабль мой не придёт,
и все мои обеты пропадают впустую на немилом берегу.
Да, Кинфия, ветры на твоей стороне даже и заочно —
погляди, как грозно завывает бешеный вихрь.
Неужели мне так и не повезёт, и буря никак не успокоится?
Так и укроет мой пепел этот скудный песок?
Кинфия, прошу тебя, оставь свои неистовые жалобы:
хватит с меня и этой кары — тьмы и враждебной воды.
Неужели ты сможешь похоронить меня с сухими глазами
и не прижмёшь ни на минуту мой прах к своей груди?
Ах, пусть погибнет тот, кто выдумал корабли и паруса
и первый силою проложил путь над пучиной!
Не легче ли мне было терпением одолеть своенравную госпожу
(при всем её упрямстве — какая же это девушка!), —
чем здесь глядеть на берег, окружённый неведомыми лесами,
и пытаться различить на небе желанных Тиндаридов?
Если здесь я в один миг расстанусь и с любовью, и с жизнью,
и боль мою похоронят под одним камнем со мной,
пусть она подарит моему праху свой драгоценный локон
и нежно упокоит его на ложе из роз,
пусть она произнесёт моё имя над этой смертной землёй,

ut mihi non ullo pondere terra foret.
at vos, aequoreae formosa Doride natae,
candida felici solvite vela choro:
si quando vestras labens Amor attigit undas,
mansuetis socio parcite litoribus.

18

Haec certe deserta loca et taciturna querenti,
et vacuum Zephyri possidet aura nemus.
hic licet occultos proferre impune dolores,
si modo sola queant saxa tenere fidem.
unde tuos primum repetam, mea Cynthia, fastus?
quod mihi das flendi, Cynthia, principium?
qui modo felices inter numerabar amantis,
nunc in amore tuo cogor habere notam.
quid tantum merui? quae te mihi carmina mutant?
an nova tristitiae causa puella tuae?
sic mihi te referas, levis ut non altera nostro
limine formosos intulit ulla pedes.
quamvis multa tibi dolor hic meus aspera debet,
non ita saeva tamen venerit ira mea,
ut tibi sim merito semper furor et tua flendo
lumina deiectis turpia sint lacrimis.
an quia parva damus mutato signa colore
et non ulla meo clamat in ore fides?
vos eritis testes, si quos habet arbor amores,
fagus et Arcadio pinus amica deo.
a quotiens teneras resonant mea verba sub umbras,
scribitur et vestris Cynthia corticibus!
an tua quot peperit nobis iniuria curas?
quae solum tacitis cognita sunt foribus.
omnia consuevi timidus perferre superbae
iussa neque arguto facta dolore queri.
pro quo, divini fontes, et frigida rupes
et datur inculto tramite dura quies;
et quodcumque meae possunt narrare querelae,
cogor ad argutas dicere solus avis.
sed qualiscumque es, resonent mihi «Cynthia» silvae,
nec deserta tuo nomine saxa vacent.

и та не будет для меня тяжким бременем.
А вы, дочери Дориды, богини пенистой влаги,
пусть ваш счастливый хор наконец откроет путь белым парусам:
если Амур когда заглядывал в ваши волны,
помогите товарищу, дайте ему увидеть милый берег!

18

Эти места совершенно пустынны и не отзываются на мои жалобы —
лишь дыхание Зефира владеет заброшенной рощей.
Здесь можно, не таясь, поведать о своей боли —
разве только меня выдадут голые скалы.
С чего же, моя Кинфия, начать повесть о твоей непреклонности?
В чём, скажи, Кинфия, первопричина моих слёз?
Мне, кого только что числили среди счастливцев в нежной страсти,
теперь приходится носить клеймо из-за любви к тебе.
Чем я это заслужил? какие заклинания охладили тебя ко мне?
Или причина твоей суровости — новая девушка?
Но как правда то, что прекрасные ножки другой
не переступали мой порог, — так и ты вернись ко мне!
Хотя моя обида на тебя и дорого стоила мне,
однако ж мой гнев не был столь суровым,
чтобы ты постоянно выходила из себя и чтобы твои
распухшие глаза краснели от постоянных слёз.
Или дело в том, что любовь не сказывается в бледном цвете кожи,
что о моей верности не свидетельствует выражение лица?
Вы будьте мне свидетелями, бук и любимица Аркадского бога —
сосна, если только деревья причастны любви.
Ах, сколько раз звучали мои слова под вашей приветливой тенью,
сколько раз имя Кинфии было написано на вашей коре! Или в том,
что столько забот на мою голову породила твоя несправедливость?
Но знают о них лишь твои молчаливые двери.
Я привык быть робким, привык не перечить надменным приказам
и не давать волю красноречивым жалобам своей обиды.
За это, божественные родники, мне в награду — холодный утёс
и жёсткий сон на заброшенной тропинке,
и всё, что я могу поведать в своих жалобах,
мне приходится рассказывать одним только голосистым птицам.
Но, как бы то ни было, пусть леса откликаются мне на имя Кинфии,
и пусть оно непрестанно оглашает пустынные скалы!

19

Non ego nunc tristis vereor, mea Cynthia, Manis,
nec moror extremo debita fata rogo;
sed ne forte tuo careat mihi funus amore,
hic timor est ipsis durior exsequiis.
non adeo leviter nostris puer haesit ocellis,
ut meus oblito pulvis amore vacet.
illic Phylacides iucundae coniugis heros
non potuit caecis immemor esse locis,
sed cupidus falsis attingere gaudia palmis
Thessalus antiquam venerat umbra domum.
illic quidquid ero, semper tua dicar imago:
traicit et fati litora magnus amor.
illic formosae veniant chorus heroinae,
quas dedit Argivis Dardana praeda viris;
quarum nulla tua fuerit mihi, Cynthia, forma
gratior, et (Tellus hoc ita iusta sinat)
quamvis te longae remorentur fata senectae,
cara tamen lacrimis ossa futura meis.
quae tu viva mea possis sentire favilla!
tum mihi non ullo mors sit amara loco.
quam vereor, ne te contempto, Cynthia, busto
abstrahat a nostro pulvere iniquus Amor,
cogat et invitam lacrimas siccare cadentis!
flectitur assiduis certa puella minis.
quare, dum licet, inter nos laetemur amantes:
non satis est ullo tempore longus amor.

20

Hoc pro continuo te, Galle, monemus amore
(id tibi ne vacuo defluat ex animo):
saepe imprudenti fortuna occurrit amanti:
crudelis Minyis dixerit Ascanius.
est tibi non infra speciem, non nomine dispar,
Theiodamanteo proximus ardor Hylae:
hunc tu, sive leges umbrosae flumina silvae,
sive Aniena tuos tinxerit unda pedes,
sive Gigantea spatiabere litoris ora,
sive ubicumque vago fluminis hospitio,
Nympharum semper cupidas defende rapinas

19

Теперь, моя Кинфия, я не боюсь отправиться к печальным Манам
и без промедленья отдам судьбе долг на последнем костре.
Лишь бы моё погребение было скрашено твоей любовью!
Я боюсь, что этого не будет, и этот страх страшнее самой смерти.
Слишком крепко этот мальчишка держит мой взор в своей власти,
чтобы, обратившись в пепел, я расстался с любовью.
Отважный потомок Филака тоже не смог позабыть
о милой жене там, в беспросветности подземной тьмы,
и желая хотя бы бесплотными ладонями коснуться
своей радости, Фессалиец тенью пришёл в древнее жилище.
Там, что бы ни случилось, я и мёртвый буду вечно слыть твоим:
берега роковых рек — не препятствие для великой любви.
Там, хотя бы меня встретил весь сонм Дарданских дев,
ставших добычею победоносных Аргосцев,
ни одна из них не будет мне милее своею красой,
чем ты, Кинфия, и — да подтвердит это земля —
если судьба пошлёт тебе глубокую старость,
твой прах все равно будет причиной моих слёз.
Всё же лучше бы ты живая сокрушалась из-за моего пепла!
Тогда нигде смерть не будет для меня горькой.
Как я, Кинфия, боюсь, что неправедный Амур
отгонит тебя прочь от моего забытого костра,
заставив против воли осушить бегущие слёзы!
Даже и стойкую девушку можно сломить постоянными угрозами.
Потому, пока можно, будем радоваться нашей взаимной любви:
разве она может показаться нам слишком долгой!

20

Вот что я тебе советую, Галл, за твоё постоянство в дружбе,
а ты уж не забывай мой совет и бережно храни его в душе:
часто судьба застаёт неразумного влюблённого врасплох:
это подтвердит тебе жестокий к Минийцам Асканий.
У тебя есть любимый, не уступающий ни внешностью,
ни блеском имени Гиласу, сыну Теодаманта;
всякий раз, идёшь ли ты вдоль реки по тенистому лесу,
или волны Аниена касаются твоих подошв,
или гуляешь по берегу, прославленному Гигантами, —
в любом месте, где рядом проточная вода, —
берегись, как бы его не похитили жадные нимфы:

(non minor Ausoniis est amor Adryasin);
ne tibi si[n]t duros montes et frigida saxa,
Galle, neque expertos semper adire lacus:
quae miser ignotis error perpessus in oris
Herculis indomito fleverat Ascanio.
namque ferunt olim Pagasae navalibus Argon
egressam longe Phasidos isse viam,
et iam praeteritis labentem Athamantidos undis
Mysorum scopulis applicuisse ratem.
hic manus heroum, placidis ut constitit oris,
mollia composita litora fronde tegit.
at comes invicti iuvenis processerat ultra
raram sepositi quaerere fontis aquam.
hunc duo sectati fratres, Aquilonia proles,
hunc super et Zetes, hunc super et Calais,
oscula suspensis instabant carpere palmis,
oscula et alterna ferre supina fuga.
ille sub extrema pendens secluditur ala
et volucres ramo summovet insidias.
iam Pandioniae cessit genus Orithyiae:
a dolor! ibat Hylas, ibat Hamadryasin.
hic erat Arganthi Pege sub vertice montis
grata domus Nymphis umida Thyniasin,
quam supra nullae pendebant debita curae
roscida desertis poma sub arboribus
et circum irriguo surgebant lilia prato
candida purpureis mixta papaveribus.
quae modo decerpens tenero pueriliter ungui
proposito florem praetulit officio
et modo formosis incumbens nescius undis
errorem blandis tardat imaginibus.
tandem haurire parat demissis flumina palmis
innixus dextro plena trahens umero.
cuius ut accensae Dryades candore puellae
miratae solitos destituere choros,
prolapsum leviter facili traxere liquore:
tum sonitum rapto corpore fecit Hylas.
cui procul Alcides iterat responsa; sed illi
nomen ab extremis montibus aura refert.
his, o Galle, tuos monitus servabis amores,
formosum Nymphis credere visus Hylan.

наяды Авзонии не уступят тебе в страсти.
Как бы не пришлось тебе, Галл, блуждать по диким горам,
по ледяным скалам, вечно искать его у неизведанных озёр.
Всё это испытал в своих скитаниях по незнакомым берегам
несчастный Геркулес, плача о неумолимом Аскании.
Когда-то, говорят, с Пагасейской верфи сошёл в воду Арго
и отправился в долгий путь к далёкому Фасису;
уже миновав воды, славные именем дочери Афаманта,
он пристал по пути к скалистым Мисийским берегам.
Здесь отряд героев, высадившись на тихом побережье,
застелил рыхлую землю нежной листвой.
Но спутник непобедимого юноши ушёл дальше
в поисках потаённого источника чистой воды.
Вслед за ним отправились и двое братьев, сыны Аквилона,
с одной стороны летел Зет, а с другой — Калаид,
в жажде сорвать поцелуи в полёте, паря на руках, коснуться губ
наперегонки, когда он запрокидывал голову к небу.
Он, уже повиснув под краем крыла,
спасся от них и веткой отбился от воздушной засады.
И вот отступили потомки Орифии, дочери Пандиона,
но... Боже! Гилас ушёл! Ушёл, чтобы достаться наядам.
Был там источник Пеге у подножия горы Арганфа,
влажное жилище, милое Финийским нимфам;
над ним висели на диких деревьях покрытые росою
плоды, не ведавшие заботливых рук,
а вокруг над свежим лугом поднимали свои чаши
белые лилии вперемежку с алыми маками;
мальчишка стал рвать их нежной ладонью
и забыл, собирая цветы, за чем шёл.
Вот он склонился над прекрасными водами,
вот задержался, — глупец! — любуясь милым отражением.
Наконец он собрался взять воды и, опершись на правое плечо,
опустил в прозрачную влагу ладони и зачерпнул полной горстью;
девы-наяды, распалённые его юношеской прелестью,
в восхищении прервали свой привычный танец
и затянули его в податливую влагу, и он соскользнул вниз.
Только тогда он вскрикнул, падая в ручей,
а в ответ Алкид издали позвал его: «Гилас!» —
но только имя принёс ему ветер с далёких гор.
Так что, Галл, помня об этом, строже храни свою любовь:
кажется, ты вверил прекрасного Гиласа нимфам.

21

Tu, qui consortem properas evadere casum,
miles ab Etruscis saucius aggeribus,
quid nostro gemitu turgentia lumina torques?
pars ego sum vestrae proxima militiae.
sic te servato [ut] possint gaudere parentes,
ne soror acta tuis sentiat e lacrimis:
Gallum per medios ereptum Caesaris ensis
effugere ignotas non potuisse manus;
et quaecumque super dispersa invenerit ossa
montibus Etruscis, haec sciat esse mea.

22

Qualis et unde genus, qui sint mihi, Tulle, Penates,
quaeris pro nostra semper amicitia.
si Perusina tibi patriae sunt nota sepulcra,
Italiae duris funera temporibus,
cum Romana suos egit Discordia civis,
(sic mihi praecipue, pulvis Etrusca, dolor,
tu proiecta mei perpessa es membra propinqui,
tu nullo miseri contegis ossa solo),
proxima supposito contingens Umbria campo
me genuit terris fertilis uberibus.

21

«Ты, стремясь избежать участи своих товарищей,
раненый у Этрусских стен воин, почему
ты отвращаешь распухшие глаза, не хочешь слышать моего стона?
Я ведь тоже из вашего ополчения.
Храни себя, пусть родители обрадуются возвращению сына,
но пусть моя сестра не поймёт по твоим слезам:
Галл, спасшись из гущи битвы от мечей Цезаря,
не смог избежать смерти от неизвестной руки.
И если где-нибудь в Этрусских горах она найдёт
брошенные останки, пусть знает, что прах этот — мой».

22

Ты всегда расспрашиваешь меня, Тулл, ради нашей дружбы,
кто я и откуда я родом, где мои Пенаты.
Если ты помнишь могилы Перузии, где погребено наше отечество,
где похоронили Италию в тяжкие времена,
когда Римские раздоры вооружили сограждан друг против друга
(Этрусская пыль, ты моя самая сильная боль;
тебя обагрила кровь моего родича, и ты не могла
покрыть тонким слоем его прах) — знай:
жизнь мне дала соседняя Умбрия — страна, обильная плодородными
пашнями, где она граничит с расстилающейся внизу долиной.

LIBER SECUNDUS

1

Quaeritis unde mihi totiens scribantur amores,
unde meus veniat mollis in ora liber.
non haec Calliope, non haec mihi cantat Apollo:
ingenium nobis ipsa puella facit.
sive illam Cois fulgentem incedere †cogis†,
hoc totum e Coa veste volumen erit;
seu vidi ad frontem sparsos errare capillos,
gaudet laudatis ire superba comis;
sive lyrae carmen digitis percussit eburnis,
miramur facilis ut premat arte manus;
seu compescentis somnum declinat ocellos,
invenio causas mille poeta novas;
seu nuda erepto mecum luctatur amictu,
tum vero longas condimus Iliadas;
seu quidquid fecit sive est quodcumque locuta,
maxima de nihilo nascitur historia.
quod mihi si tantum, Maecenas, fata dedissent,
ut possem heroas ducere in arma manus,
non ego Titanas canerem, non Ossan Olympo
impositam, ut caeli Pelion esset iter,
nec veteres Thebas nec Pergama, nomen Homeri,
Xerxis et imperio bina coisse vada,
regnave prima Remi aut animos Carthaginis altae
Cimbrorumque minas et bene facta Mari:
bellaque resque tui memorarem Caesaris et tu
Caesare sub magno cura secunda fores.
nam quotiens Mutinam aut, civilia busta, Philippos
aut canerem Siculae classica bella fugae
eversosque focos antiquae gentis Etruscae
et Ptolemaeei litora capta Phari,
aut canerem Aegyptum et Nilum, cum attractus in urbem
septem captivis debilis ibat aquis,
aut regum auratis circumdata colla catenis,
Actiaque in Sacra currere rostra Via;

КНИГА ВТОРАЯ

1

Вы спрашиваете, как я могу писать так много любовных стихов,
почему столь часто моя нежная книга у вас на устах.
Мне их диктовали не Аполлон, не Каллиопа:
виновница моего таланта — сама девушка.
Заставь её ходить в блеске Косских тканей —
их блеск отразится в каждом слове этого свитка;
увижу ли я, как на её лоб падает небрежная прядь —
она с удовольствием выслушает похвалы своим волосам;
будет ли она бряцать пальцами белее слоновой кости песнь на лире —
мы восхитимся лёгкостью и гибкостью её искусной руки;
или она опустит взор, когда глаза её борются со сном, —
я нахожу для стихов тысячу новых причин;
будет ли она, отбросив покров, сражаться со мной обнажённым телом,
уж тогда мы сочиняем об этом поединке настоящие «Илиады».
Что бы она ни сделала, что бы ни сказала,
из ничего рождается длинная история.
Потому, Меценат, если судьба отведёт мне столько времени,
чтоб я смог отправить на войну отряды героев,
я не стал бы воспевать ни Титанов, ни Оссу, взгромождённую
на Олимп для того, чтобы Пелион открыл путь к небу,
оставил бы в покое древние Фивы и Гомерову славу — Пергам,
а также Ксеркса, по чьему приказу сошлись два моря,
царственное первенство Рема, надменность высокого Карфагена,
Кимврскую грозу и Мариевы заслуги —
я бы стал писать о деяниях и подвигах твоего Цезаря,
а по великом Цезаре ты был бы вторым в моих стихах.
Ведь о чём бы я ни пел: о Мутине или Филиппах, кладбище сограждан,
о морских сражениях с Сицилийским беглецом
или о разрушенных очагах древнего Этрусского рода,
о захваченном береге Птолемеева Фароса,
о Египте или о Ниле (когда, приведённый в Город,
он, бессильный, шёл с семью пленёнными устьями),
о захваченных царях с позолоченными оковами на шеях
или о рострах Акциума в процессии по Священной дороге, —

te mea Musa illis semper contexeret armis,
et sumpta et posita pace fidele caput:
Theseus infernis, superis testatur Achilles,
hic Ixioniden, ille Menoetiaden.
. . . . . .
sed neque Phlegraeos Iovis Enceladique tumultus
intonet angusto pectore Callimachus,
nec mea conveniunt duro praecordia versu
Caesaris in Phrygios condere nomen avos.
navita de ventis, de tauris narrat arator,
enumerat miles vulnera, pastor ovis;
nos contra angusto versamus proelia lecto:
qua pote quisque, in ea conterat arte diem.
laus in amore mori: laus altera, si datur uno
posse frui: fruar o solus amore meo!
si memini, solet illa levis culpare puellas
et totam ex Helena non probat Iliada.
seu mihi sunt tangenda novercae pocula Phaedrae,
pocula privigno non nocitura suo,
seu mihi Circaeo pereundum est gramine, sive
Colchis Iolciacis urat aena focis,
una meos quoniam praedata est femina sensus,
ex hac ducentur funera nostra domo.
omnis humanos sanat medicina dolores:
solus amor morbi non amat artificem.
tarda Philoctetae sanavit crura Machaon,
Phoenicis Chiron lumina Phillyrides,
et deus exstinctum Cressis Epidaurius herbis
restituit patriis Androgeona focis,
Mysus et Haemonia iuvenis qua cuspide vulnus
senserat, hac ipsa cuspide sensit opem.
hoc si quis vitium poterit mihi demere, solus
Tantaleae poterit tradere poma manu;
dolia virgineis idem ille repleverit urnis,
ne tenera assidua colla graventur aqua;
idem Caucasia solvet de rupe Promethei
bracchia et a medio pectore pellet avem.
quandocumque igitur vitam me fata reposcent
et breve in exiguo marmore nomen ero,
Maecenas, nostrae spes invidiosa iuventae,
et vitae et morti gloria iusta meae,
si te forte meo ducet via proxima busto,

моя Муза не будет молчать в описаниях этих боёв о тебе
и о твоей неизменной верности в час мира и войны.
Тезей — перед подземными богами, Ахилл — перед вышними —
свидетели: тот за Иксионова, этот за Менетиева сына.
. . . . . .
Но не будет громыхать узкогрудый Каллимах
о Флегрейских схватках Юпитера и Энкелада,
ни моя грудь не подходит для того, чтобы мощным стихом
поведать о славе Цезаря, начиная от его Фригийских предков.
Моряк рассказывает о ветрах, пахарь — о волах,
воин считает свои раны, а пастух — овец;
ну а мой удел — описывать битвы на тесной постели:
каждый занимается целый день тем, что ему дано.
Славно пасть в любви: так же славно, когда можно одному
наслаждаться ею: о, если бы я один наслаждался своей любовью!
Если память не изменяет мне, обычно она порицает
легкомысленных девушек и осуждает всю «Илиаду» из-за одной Елены.
Придётся ли мне испить из чаши мачехи Федры
напиток, который, однако же, не повредил её пасынку,
или погибнуть от Цирцеиной травы, или
Колхидянка вскипятит для меня котёл на Иолкском огне —
моими чувствами овладела одна женщина,
и потому пусть из этого дома понесут меня в последний путь!
Целебное искусство в силах излечить от любой хвори —
только Амур не любит врача с его лекарствами.
Махаон сумел помочь Филоктету с его изъязвлённой ногой,
а сын Филиры — Фениксовым глазам.
Эпидаврский бог Критскими травами
возвратил Андрогеона родным очагам.
Мисийский юноша, раненный Фессалийской медью,
получил облегчение от того же острия.
А тот, кто сможет избавить меня от моей язвы,
тот один протянет плод в руку Тантала,
тот сумеет наполнить бочки из девичьих урн,
избавив нежные шеи от постоянного бремени,
тот отвяжет руки Прометея от Кавказской скалы
и отгонит от его груди крылатого хищника.
Итак, когда судьба захочет взять назад мою жизнь, чтобы оставить
одно лишь краткое имя, высеченное на убогом камне, —
Меценат, завидная надежда моей юности,
заслуженная слава и моей жизни, и моей смерти, —
если дорога твоя как-нибудь проляжет мимо моей могилы,

esseda caelatis siste Britanna iugis,
taliaque illacrimans mutae iace verba favillae:
«Huic misero fatum dura puella fuit».

2

Liber eram et vacuo meditabar vivere lecto:
at me composita pace fefellit Amor.
cur haec in terris facies humana moratur?
Iuppiter, ignosco pristina furta tua.
fulva coma est longaeque manus et maxima toto
corpore et incedit vel Iove digna soror,
aut cum Dulichias Pallas spatiatur ad aras,
Gorgonis anguiferae pectus operta comis,
qualis et Ischomache, Lapithae genus, heroine,
Centauris medio grata rapina mero,
Mercurio <aut> qualis fertur Boebeidos undis
virgineum Brimo composuisse latus.
cedite, [et]iam, divae, quas pastor viderat olim
Idaeis tunicas ponere verticibus!
hanc utinam faciem nolit mutare senectus,
etsi Cumaeae saecula vatis aget!

3a

«Qui nullam tibi dicebas iam posse nocere,
haesisti: cecidit spiritus ille tuus!
vix unum potes, infelix, requiescere mensem,
et turpis de te iam liber alter erit».
quaerebam, sicca si posset piscis harena
nec solitus ponto vivere torvus aper,
aut ego si possem studiis vigilare severis:
differtur, numquam tollitur ullus amor.
nec me tam facies, quamvis sit candida, cepit
(lilia non domina sint magis alba mea;
ut Maeotica nix minio si certet Hibero,
utque rosae puro lacte natant folia),
nec de more comae per levia colla fluentes,
non oculi, geminae, sidera nostra, faces,
nec si qua Arabio lucet bombyce puella
(non sum de nihilo blandus amator ego):
quantum quod posito formose saltat Iaccho,

прикажи вознице-Британцу остановить резную колесницу,
пролей слезу и скажи моему безмолвному пеплу такие слова:
«Погибелью этого несчастного стала суровая девушка».

2

Я был свободен и мечтал жить один с холостяцкой постелью,
но Амур обманул меня, заключив со мною мир.
Разве достойна эта красота земли и человеческой плоти?
Юпитер, я готов извинить твои древние проделки.
Огненные волосы, длинные руки, величественное тело,
и стать, и походка достойны сестры и супруги Юпитера
или Паллады, когда она шествует к алтарям Дулихии,
с грудью, покрытой змееносным лицом Горгоны;
такова была Исхомаха, героиня из рода Лапифов,
желанная добыча для Кентавров в разгар пьяного пира;
такова, говорят, — Бримо, когда она у священных волн Бойбеиды
прильнула своим девственным телом к телу Меркурия.
Нет вам победы, богини, сбросившие некогда свои покровы
перед взорами пастуха на отрогах Иды!
О, хоть бы это лицо не смогла исказить старость,
если моей девушке суждено достичь возраста Кумской пророчицы.

3а

«Ты говорил, что ни одна девушка не властна над тобой,
и вот ты попался: куда делась прежняя гордость?
Ты сможешь передохнуть, несчастный, едва один месяц,
и следующая книга — каким позором тебе будет она звучать!»
Я спрашивал себя, может ли рыба жить на сухом песке,
а свирепый вепрь — в непривычной ему морской пучине,
и по силам ли мне неутомимо нести эту суровую службу:
есть отсрочка в любви, но нет ей отмены.
То, что пленило меня, — не столько внешняя красота,
хотя она и не имеет равных (лилии не белей моей госпожи;
цвет её лица — как если бы снег с Меотийских берегов состязался
с Иберским пурпуром или лепестки розы плавали в чистом молоке),
ни волосы, которые по обычаю струятся по гладкой шее,
ни очи — два пламенника, две наших путеводных звезды;
ну а то, что какая-то девушка блистает Арабскими шелками, для меня
и вовсе безразлично: я не стану говорить любезности без причины;
главное — что, когда на столе стоят дары Либера, она

egit ut euhantis dux Ariadna choros,
et quantum Aeolio cum temptat carmina plectro,
par Aganippaeae ludere docta lyrae;
et sua cum antiquae committit scripta Corinnae,
carmina †quae quivis† non putat aequa suis.
non tibi nascenti primis, mea vita, diebus
candidus argutum sternuit omen Amor?
haec tibi contulerunt caelestia munera divi,
haec tibi ne matrem forte dedisse putes.
non non humani partus sunt talia dona;
ista decem menses non peperere bona.
gloria Romanis una es tu nata puellis:
Romana accumbe[n]s prima puella Iovi,
nec semper nobiscum humana cubilia vises;
post Helenam haec terris forma secunda redit.
hac ego nunc mirer si flagret nostra iuventus?
pulchrius hac fuerat, Troia, perire tibi.
olim mirabar, quod tanti ad Pergama belli
Europae atque Asiae causa puella fuit;
nunc, Pari, tu sapiens et tu, Menelae, fuisti,
tu quia poscebas, tu quia lentus eras.
digna quidem facies pro qua vel obiret Achilles;
vel Priamo belli causa probanda fuit.
si quis vult fama tabulas anteire vetustas,
hic dominam exemplo ponat in arte meam:
sive illam Hesperiis, sive illam ostendet Eois,
uret et Eoos, uret et Hesperios.

3b

His saltem ut tenear iam finibus! ah mihi si quis,
acrius ut moriar, venerit alter amor!
ac veluti primo taurus detractat aratra,
post venit assueto mollis ad arva iugo,
sic primo iuvenes trepidant in amore feroces,
dehinc domiti post haec aequa et iniqua ferunt.
turpia perpessus vates est vincla Melampus,
cognitus Iphicli surripuisse boves;
quem non lucra, magis P[h]ero formosa coegit,
mox Amythaonia nupta futura domo.

искусно пляшет, как Ариадна во главе хора Вакханок;
что, когда она поёт и играет на лире Эолийским плектром,
она не уступит в искусстве хозяйкам источника Аганиппы,
и выводит свои стихи на состязание с песнями древней Коринны, —
стихи, которые кто угодно не признает ровней своим.
Или тебе, жизнь моя, в самый час рожденья
блистательный Амур чихнул в знак вечного благоволения?
Эти небесные дары у тебя — от самих богов,
не думай, будто ты получила их от матери.
Нет, такие таланты — не для человеческого существа:
десять месяцев не могут породить эти блага.
Ты одна — воплощённая слава Римских дев;
первая из Римских дев ты возляжешь с Юпитером,
не всегда же твоим уделом будет наше ложе — ложе смертного;
после Елены это вторая краса, дарованная земле.
И что ж мне теперь удивляться, что от неё без ума Римская молодежь?
Даже тебе, Троя, было бы почётнее погибнуть из-за этой девушки!
Когда-то я удивлялся, что причиной той войны у Пергамских стен —
войны между Европой и Азией — послужила девушка;
теперь, Парис, я признаю и твою мудрость, и Менелаеву:
его — за то, что требовал обратно, твою — что не спешил отдать.
Вот красота, достойная того, чтобы за нее погиб Ахилл,
вот для Приама причина войны, осудить которую нельзя.
Если кто хочет превзойти славою картины древних,
тот возьми за образец в искусстве мою госпожу!
Показать ли её племенам крайнего Запада или далёкого Востока,
и те, и другие сгорят в пламени любви.

3b

Только бы мне удалось держаться в этих границах! Горе мне, если меня
настигнет ещё какая-нибудь любовь, и смерть будет тем мучительней.
Как вол, который сначала брыкается под тяжким плугом,
а потом, привыкнув, спокойно идёт под бремя,
так и гордые юноши сначала упираются в любви,
и затем, укрощённые, сносят и правду, и обиду.
Прорицатель Меламп вытерпел позорные оковы,
уличённый в похищении Ификлова рогатого стада:
его подвигла на это не жажда наживы, а прекрасная Перо,
которой вскоре суждено было обрести жениха в Амифаоновом доме.

4

Multa prius dominae delicta queraris oportet,
saepe roges aliquid, saepe repulsus eas,
et saepe immeritos corrumpas dentibus unguis
et crepitum dubio suscitet ira pede!
nequiquam perfusa meis unguenta capillis,
ibat et expenso planta morata gradu.
non hic herba valet, non hic nocturna Cytaeis,
non Perimedaea gramina cocta manu[s];
nam cui non ego sum fallaci praemia vati?
quae mea non decies somnia versat anus?
quippe ubi nec causas nec apertos cernimus ictus,
unde tamen veniant tot mala caeca via est;
non eget hic medicis, non lectis mollibus aeger,
huic nullum caeli tempus et aura nocet;
ambulat — et subito mirantur funus amici!
sic est incautum, quidquid habetur amor.
hostis si quis erit nobis, amet ille puellas:
gaudeat in puero, si quis amicus erit.
tranquillo tuta descendis flumine cumba:
quid tibi tam parvi †litorist† unda nocet?
alter saepe uno mutat praecordia verbo,
altera vix ipso sanguine mollis erit.

5

Hoc verum est, tota te ferri, Cynthia, Roma,
et non ignota vivere nequitia?
haec merui sperare? dabis mihi, perfida, poenas;
et nobis aliquo, Cynthia, ventus erit.
inveniam tamen e multis fallacibus unam,
quae fieri nostro carmine nota velit,
nec mihi tam duris insultet moribus et te
vellicet: heu sero flebis amata diu!
nunc est ira recens, nunc est discedere tempus:
si dolor af[f]uerit, crede, redibit amor.
non ita Carpathiae variant Aquilonibus undae,
nec dubio nubes vertitur atra Noto,
quam facile irati verbo mutantur amantes:
dum licet, iniusto subtrahe colla iugo.
nec tu non aliquid, sed prima nocte, dolebis;

4

Часто поначалу предстоит жаловаться на проступки госпожи,
часто о чём-то просить, часто уходить с отказом,
часто грызть зубами неповинные ногти,
часто, сомневаясь, гневно топать ногой!
Напрасно я умащал ароматами свои волосы
и тщательно вымеривал медленный шаг.
Здесь не поможет трава, не помогут ночные заклинания
Китейской девы и отвар, приготовленный рукой Перимеды.
Есть ли хоть один прорицатель-лжец, которому я не платил?
Хоть одна старуха-ворожея не истрепала десятикратно любой мой сон?
Когда нельзя ни увидеть причину, ни почувствовать явный удар,
разве поймёшь, откуда свалилось на тебя столько несчастий?
Тут уж больному не нужны ни врачи, ни мягкая постель,
ведь причина зла — не время года и не заражённый воздух;
вот он был на ногах — и вдруг все удивляются скоропостижной кончине
друга: такую опасность таит в себе любовь, чем бы её ни считали.
Если есть у нас враг, желаю ему влюбляться в девушек,
другу же пусть повезёт с мальчишками.
Спокойны твои воды и надёжна ладья:
чем тебе повредит волна столь ничтожной реки?
Мальчик меняет своё расположение от одного только слова,
а девушку часто не умолить и кровавою ценой.

5

Правда ли, Кинфия, что ты на устах всего Рима,
что твои пороки — добыча яркого света дня?
Этого ли я заслужил, на это ли надеялся? Ты у меня, коварная,
поплатишься: и в наши паруса однажды подует попутный ветер.
Среди множества ветрениц я все-таки отыщу хотя бы одну,
которая захочет прославиться благодаря моим стихам,
не будет докучать мне суровостью нрава, да и тебя подразнит:
столь долго любимая мною, ты заплачешь, но, увы, поздно!
Сейчас гнев свеж, сейчас — пора расставаться;
верь мне, когда утихнет обида, вернётся и любовь.
Не так легко течение Эгейских волн покоряется порывам Аквилона
и меняет свой путь чёрная туча, гонимая Нотом, как сдаются
разгневанные любовники — им для прощения достаточно слова.
Пока можно, сбрось зазорное иго со своей шеи!
Будет, конечно, плохо, но лишь первую ночь:

omne in amore malum, si patiare, leve est.
at tu per dominae Iunonis dulcia iura
parce tuis animis, vita, nocere tibi.
non solum taurus ferit uncis cornibus hostem,
verum etiam instanti laesa repugnat ovis.
nec tibi periuro scindam de corpore vestis,
nec mea praeclusas fregerit ira fores,
nec tibi conexos iratus carpere crinis,
nec duris ausim laedere pollicibus.
rusticus haec aliquis tam turpia proelia quaerat,
cuius non hederae circumiere caput.
scribam igitur, quod non umquam tua deleat aetas:
«Cynthia, forma potens: Cynthia, verba levis».
crede mihi, quamvis contemnas murmura famae,
hic tibi pallori, Cynthia, versus erit.

6

Non ita complebant Ephyraeae Laidos aedis,
ad cuius iacuit Graecia tota fores;
turba Menandreae fuerat nec Thaidos olim
tanta, in qua populus lusit Ericthonius;
nec, quae dele[c]tas potuit componere Thebas,
Phryne tam multis facta beata viris.
quin etiam falsos fingis tibi saepe propinquos,
oscula nec desunt qui tibi iure ferant.
me iuvenum pictae facies, me nomina laedunt,
me tener in cunis et sine voce puer;
me laedet, si multa tibi dabit oscula mater,
me soror et cum quae dormit amica simul:
omnia me laedent: timidus sum (ignosce timori)
et miser in tunica suspicor esse virum.
his olim, ut fama est, vitiis ad proelia ventum est,
his Troiana vides funera principiis;
aspera Centauros eadem dementia iussit
frangere in adversum pocula Pirithoum.
cur exempla petam Graium? tu criminis auctor,
nutritus duro, Romule, lacte lupae:
tu rapere intactas docuisti impune Sabinas:
per te nunc Romae quidlibet audet Amor.
felix Admeti coniunx et lectus Ulixis,
et quaecumque viri femina limen amat!

в любви, если потерпеть, любые страдания станут легче.
А ты, жизнь моя, ради сладких уз госпожи Юноны,
остерегись повредить себе собственной гордостью.
Не только тур бодает врага гнутым рогом —
если крепко обидишь, на тебя пойдёт и овца.
Я не буду, коварная обманщица, рвать с твоего тела одежду,
не стану в гневе взламывать запертые двери,
трепать твои косы и оставлять на теле
следы своих жестоких кулаков.
Пусть деревенщина, чьи виски не знают плюща,
находит удовольствие в столь постыдной победе.
Но зато я напишу то, чего ты не вычернишь за всю свою жизнь:
«Кинфия, прекрасная внешностью, Кинфия, неверная в слове»,
и поверь мне: хотя ты и презираешь людскую молву,
этот стих, Кинфия, заставит тебя побледнеть.

6

Так многолюдно не бывало даже в Эфирейском доме Лаиды —
а у её дверей падала ниц вся Эллада;
такой свиты поклонников не удостоилась и Менандрова Фаида,
Фаида, с которой некогда заигрывал народ Эрихтония;
да и Фрина, сумевшая восстановить стёртые с лица земли Фивы,
не могла похвастать таким множеством влюблённых.
Хотя многих ты и просто выдаёшь за близких,
нет недостатка в тех, кто может поцеловать тебя по праву.
Меня задевают даже портреты молодых людей, даже их имена,
даже бессловесный младенец в нежной колыбели;
меня раздражает, когда тебя слишком часто целует мать
или когда сестра или подруга спит вместе с тобой.
Меня задевает всё: я мнителен (будь снисходительна к моему страху)
и, несчастный, подозреваю: под туникой кроется мужчина.
Некогда — гласит молва — эти пороки положили начало
войне, которая привела к гибели Трои.
То же самое слепое безумие заставило Кентавров
разбить на пиру кубки о голову Пирифоя.
Но что мне искать примеры у Греков? Не ты ли, Ромул,
вскормленный молоком суровой волчицы, задумал это преступление —
ты подучил безнаказанно похитить неприкосновенных Сабинских дев;
из-за тебя Амур нынче в Риме отваживается на всё что угодно.
Счастлива жена Адмета, счастливо Улиссово ложе
и женщина, кто бы она ни была, верная мужнему порогу!

templa Pudicitiae quid opus statuisse puellis,
si cuivis nuptae quidlibet esse licet?
quae manus obscenas depinxit prima tabellas
et posuit casta turpia visa domo,
illa puellarum ingenuos corrupit ocellos
nequitiaeque suae noluit esse rudis.
a gemat in te<ne>bris, ista qui protulit arte
turpia sub tacita condita laetitia!
non istis olim variabant tecta figuris:
tum paries nullo crimine pictus erat.
sed non immerito! velavit aranea fanum
et mala desertos occupat herba deos.
quos igitur tibi custodes, quae limina ponam,
quae numquam supra pes inimicus eat?
nam nihil invitae tristis custodia prodest:
quam peccare pudet, Cynthia, tuta sat est.
nos uxor numquam, numquam deducet amica:
semper amica mihi, semper et uxor eris.

7

Gavisa es[t] certe sublatam, Cynthia, legem,
qua quondam edicta flemus uterque diu,
ni nos divideret: quamvis diducere amantis
non queat invitos Iuppiter ipse duos.
«At magnus Caesar». sed magnus Caesar in armis:
devictae gentes nil in amore valent.
nam citius paterer caput hoc discedere collo,
quam possem nuptae perdere †more† faces,
aut ego transirem tua limina clausa maritus,
respiciens udis prodita luminibus.
a mea tum qualis caneret tibi tibia somnos,
tibia, funesta tristior illa tuba!
unde mihi patriis natos praebere triumphis?
nullus de nostro sanguine miles erit.
quod si vera meae comitarem castra puellae,
non mihi sat magnus Castoris iret equus.
hinc etenim tantum meruit mea gloria nomen,
gloria ad hibernos lata Borysthenidas.
tu mihi sola places: placeam tibi, Cynthia, solus:
hic erit et patrio nomine pluris amor.

Зачем было бы воздвигать для девушек храмы Непорочности,
если бы каждая замужняя жена могла делать, что заблагорассудится?
Чья рука первой начертала соблазнительные картины
и поместила развратную живопись в целомудренном доме,
тот и совратил благородный взор девушек,
не оставив для них в неизвестности свою порочность.
Ах, стонать и стонать в царстве теней тому, кто этим искусством предал
огласке всё постыдное, скрытое под личиной молчаливой весёлости!
Прежде жилища не украшали подобными росписями:
кладка стен не осквернялась изображением порока.
Однако ж всё по заслугам! Паук заткал своей работой святилища,
и сорная трава растёт в храмах забытых богов.
Где же мне найти для тебя таких стражей, такой порог,
чтобы через него никогда не переступил враг?
Ведь если, Кинфия, девушка не пожелает сама, и самая свирепая стража
не поможет: кому стыдно грешить, на ту можно положиться и без неё.
Нас не соблазнит никогда ни жена, ни подруга:
ты всегда будешь мне и подругою, и женой.

7

Ты, Кинфия, конечно же, была рада отмене этого закона:
когда он был принят, он довёл нас обоих до слёз
страхом перед возможной разлукой: хотя разлучить влюблённых
против их воли не под силу самому Юпитеру.
«Но Цезарь велик». Да, Цезарь велик на войне:
однако же его победы ничего не значат в любовной страсти.
Скорее я допущу, чтобы эта голова рассталась со своим телом,
чем погублю ради прихотей жены пламя любви,
либо, наоборот, женюсь и пройду мимо твоих запертых дверей,
озираясь влажными глазами на преданный мною порог.
Ах, какие сны навевала бы тебе моя флейта —
флейта, звучащая пронзительней погребальной трубы!
Зачем мне отдавать своих сынов для триумфа отечества?
Нет, ни одного воина не породит моя кровь.
Посему, если мне придётся по-настоящему нести службу в лагере
моей девушки, то и Касторов конь слабоват для меня!
Именно эта служба стяжала мне такую славу —
славу, которая достигает до жителей ледяных берегов Борисфена.
Только ты мне нравишься! если бы, Кинфия, и тебе нравился только я:
такая любовь будет мне дороже отцовского имени!

8

Eripitur nobis iam pridem cara puella:
et tu me lacrimas fundere, amice, vetas?
nullae sunt inimicitiae nisi amoris acerbae:
ipsum me iugula, lenior hostis ero.
possum ego in alterius positam spectare lacerto?
nec mea dicetur, quae modo dicta mea est?
omnia vertuntur: certe vertuntur amores:
vinceris aut vincis, haec in amore rota est.
magni saepe duces, magni cecidere tyranni,
et Thebae steterant altaque Troia fuit.
munera quanta dedi vel qualia carmina feci!
illa tamen numquam ferrea dixit «Amo».
ergo iam multos nimium temerarius annos,
improba, qui tulerim teque tuamque domum?
ecquandone tibi liber sum visus? an usque
in nostrum iacies verba superba caput?
sic igitur prima moriere aetate, Properti?
sed morere; interitu gaudeat illa tuo!
exagitet nostros Manis, sectetur et umbras,
insultetque rogis, calcet et ossa mea!
quid? non Antigonae tumulo Boe<o>tius Haemon
corruit ipse suo saucius ense latus
et sua cum miserae permiscuit ossa puellae,
qua sine Thebanam noluit ire domum?
sed non effugies: mecum moriaris oportet;
hoc eodem ferro stillet uterque cruor.
quamvis ista mihi mors est inhonesta futura:
mors inhonesta quidem, tu moriere tamen.
ille etiam abrepta desertus coniuge Achilles
cessare in tectis pertulit arma sua.
viderat ille fuga stratos in litore Achivos,
fervere et Hectorea Dorica castra face;
viderat informem multa Patroclon harena
porrectum et sparsas caede iacere comas,
omnia formosam propter Briseida passus:
tantus in erepto saevit amore dolor.
at postquam sera captiva est reddita poena,
fortem illum Haemoniis Hectora traxit equis.
inferior multo cum sim vel matre vel armis,
mirum, si de me iure triumphat Amor?

8

У меня отняли мою девушку, моё давнее сокровище,
а ты, друг, говоришь, чтоб я не лил слёз?
Нет настоящей вражды, кроме как в любви:
рвись с мечом к моему горлу — такого отпора не встретишь.
Как мне смотреть на неё, когда она склонилась на плечо другого?
Неужели та, которая ещё недавно называлась моей, стала чужой?
Всё меняется. Конечно, переменчива и любовь:
То победа, то поражение: её колесо не стоит на месте.
«Часто гибли великие вожди, рушилась власть великих тиранов;
и Фивы некогда стояли, и высокая Троя была».
Сколько я дарил подарков! Какие писал стихи!
Но у неё железное сердце: в ответ я ни разу не слышал «Я тебя люблю».
Не на мне ли, не на моей ли отчаянной глупости держались столько лет
и ты, и твой дом? А ты, неблагодарная, хоть когда-нибудь
видела во мне свободного человека? Неужели, надменная, ты
так и будешь осыпать меня оскорбительной бранью?
Значит, Проперций, тебя ждёт ранняя смерть?
Так умри же; пусть она порадуется твоей кончине!
Пусть она тревожит мои Маны, преследует мою тень,
пусть хоть пляшет над кострищем и топчет мои кости!
Что с того? разве Беотиец Гемон не упал у могилы
своей Антигоны, поразив себя в бок мечом,
и не смешал свой прах с прахом несчастной девы,
без которой не пожелал вернуться в отчие Фивы?
И тебе не избежать его участи: придётся умереть вместе со мной,
а нашей крови — стекать с лезвия одного клинка.
Да, бесславной будет для меня такая смерть.
Бесславной? Пусть так, но зато умрёшь и ты.
Одинокий Ахилл, когда у него отняли подругу,
сложил своё оружие в шатёр и дал ему отдых.
Он видел бегство и сражение с Ахеянами у самых берегов,
видел и Дорийский лагерь, пылающий от Гекторова факела;
видел обезображенный труп Патрокла с окровавленными волосами,
покрывший огромное пространство на прибрежном песке,
и всё вытерпел ради прекрасной Брисеиды:
так свирепа была обида за украденную любовь.
А когда ему вернули пленницу и — увы, поздно! — возместили урон,
Гемонийские кони повлекли по земле мощного Гектора.
Но я много хуже его — и родом, и оружием;
диво ли, что Амур празднует победу надо мной?

9

Iste quod est, ego saepe fui: sed fors et in hora
hoc ipso eiecto carior alter erit.
Penelope poterat bis denos salva per annos
vivere, tam multis femina digna procis;
coniugium falsa poterat differre Minerva,
nocturno solvens texta diurna dolo;
visura et quamvis numquam speraret Ulixem,
illum exspectando facta remansit anus.
nec non exanimem amplectens Briseis Achillem
candida vesana verberat ora manu,
et dominum lavit maerens captiva cruentum,
propositum flavis in Simoente vadis,
foedavitque comas, et tanti corpus Achilli
maximaque in parva sustulit ossa manu;
cui tum nec Peleus aderat nec caerula mater,
Scyria nec viduo Deidamia toro.
tunc igitur veris gaudebat Graecia natis,
tunc etiam felix inter et arma pudor.
at tu non una potuisti nocte vacare,
impia, non unum sola manere diem!
quin etiam multo duxistis pocula risu:
forsitan et de me verba fuere mala.
hic etiam petitur, qui te prius ipse reliquit:
di faciant, isto capta fruare viro!
haec mihi vota tuam propter suscepta salutem,
cum capite hoc Stygiae iam poterentur aquae
et lectum flentes circum staremus amici?
hic ubi tum, pro di, perfida, quisve fuit?
quid si longinquos retinerer miles ad Indos,
aut mea si staret navis in Oceano?
sed vobis facile est verba et componere fraudes:
hoc unum didicit femina semper opus.
non sic incertae mutantur flamine Syrtes,
nec folia hiberno tam tremefacta Noto,
quam cito feminea non constat foedus in ira,
sive ea causa gravis, sive ea causa levis.
nunc, quoniam ista tibi placuit sententia, cedam:
tela, precor, pueri, promite acuta magis!
figite certantes atque hanc mihi solvite vitam!
sanguis erit vobis maxima palma meus.

9

Я часто бывал тем, что он сейчас; но, может быть,
он будет низвержен через миг, и другой станет ей дороже.
Пенелопа смогла прожить в непорочности дважды десять лет,
хоть и была достойна иметь столько женихов:
хитрым Минервиным искусством она откладывала свой брак,
ночами распуская плоды своей дневной работы;
и хотя она не надеялась увидеть своего Улисса,
всё же состарилась, ожидая его домой.
Брисеида тоже, обнимая бездыханного Ахилла,
била безумными руками прекрасное лицо
и, пленница, со слезами омывала окровавленное тело
своего господина в светлых водах Симоиса.
Она рвала на себе волосы и хрупкими руками подняла
тяжёлые останки могучего героя,
и не было с ним ни Пелея, ни матери — владычицы лазурных волн,
ни Деидамии, оставшейся на вдовьем ложе в Скиросе.
Стало быть, в те времена Греция гордилась по праву
своими детьми: и в разгар браней стыд сохранял свою силу.
Ты же не могла провести в одиночестве и одной ночи,
тебя, нечестивица, не хватило и на один день!
Конечно, вы с ним много смеялись за вином;
думаю, что не обошлось и без злословия на мой счёт.
Твоя цель — тот, тот самый, кто однажды уже бросил тебя.
Что ж, да помогут тебе боги угодить в его сети!
А как же мои обеты за твоё выздоровление,
когда эту жизнь была уже готова поглотить Стигийская влага,
и мы, друзья, в слезах стояли вокруг постели?
Ради богов, вероломная! где он был тогда? что сделал для тебя?
Ну а если бы военная служба удерживала меня у волн Инда
или находился бы мой корабль где-нибудь в Океане?
Но вам легки слова, ничего не стоят обманы:
это единственная наука, которую женщины усвоили назубок.
Не так стремительно меняют своё течение Сирты под влиянием ветра,
не так подвижны листы, трепещущие от зимнего Нота,
как быстро рушится договор с женщиной по вине её гнева —
безразлично, по делу или из-за пустяков.
Что ж, если такова твоя воля, теперь я уступлю:
прошу вас, мальчишки, достаньте-ка стрелы поострее,
бейте наперегонки и лишите меня жизни:
моя кровь будет для вас великой славой.

sidera sunt testes et matutina pruina
et furtim misero ianua aperta mihi,
te nihil in vita nobis acceptius umquam:
nunc quoque eris, quamvis sis inimica mihi.
nec domina ulla meo ponet vestigia lecto:
solus ero, quoniam non licet esse tuum.
atque utinam, si forte pios eduximus annos,
ille vir in medio fiat amore lapis!
. . . . . .
non ob regna magis diris cecidere sub armis
Thebani media non sine matre duces,
quam, mihi si media liceat pugnare puella,
mortem ego non fugiam morte subire tua.

10

Sed tempus lustrare aliis Helicona choreis
et campum Haemonio iam dare tempus equo.
iam libet et fortis memorare ad proelia turmas
et Romana mei dicere castra ducis.
quod si deficiant vires, audacia certe
laus erit: in magnis et voluisse sat est.
aetas prima canat Veneres, extrema tumultus:
bella canam, quando scripta puella mea est.
nunc volo subducto gravior procedere vultu,
nunc aliam citharam me mea Musa docet.
surge, anime, ex humili! iam, carmina, sumite vires!
Pierides, magni nunc erit oris opus.
iam negat Euphrates equitem post terga tueri
Parthorum et Crassos se tenuisse dolet:
India quin, Auguste, tuo dat colla triumpho
et domus intactae te tremit Arabiae;
et si qua extremis tellus se subtrahit oris,
sentiat illa tuas postmodo capta manus!
haec ego castra sequar; vates tua castra canendo
magnus ero: servent hunc mihi fata diem!
at caput in magnis ubi non est tangere signis,
ponitur †hac† imos ante corona pedes;
sic nos nunc, inopes laudis conscendere culmen,
pauperibus sacris vilia tura damus.
nondum etiam Ascraeos norunt mea carmina fontis,
sed modo Permessi flumine lavit Amor.

Пусть будут свидетелями светила, утренний иней
и дверь, украдкой открытая для меня, несчастного:
ничего нет в нашей жизни милее тебя,
и сейчас не будет, хоть ты и стала моим врагом.
На моей постели не будет и следа другой женщины:
раз нельзя принадлежать тебе, останусь один.
А посему, если только я честно прожил свою жизнь, молю:
пусть твой мужчина превратится в камень в разгар любовных ласк!
. . . . . .
Едва ли Фиванские вожди были так же свирепы,
сражаясь за царство перед глазами матери,
как я! Если моя девушка окажется свидетельницей поединка,
я не стану уклоняться от смерти — лишь бы она настигла и тебя.

10

Но пора огласить Геликон иными хороводами
и выпустить в поле Гемонийского скакуна.
Я хочу рассказать и об отважных конных отрядах,
и о лагере Римских войск под началом моего вождя.
Потому, если и не хватит сил, то похвален
сам порыв: в великом достаточно дерзнуть.
Пусть нежный возраст поёт любовные страсти, зрелый — бранные;
я буду воспевать войны: довольно сказано о моей девушке.
Теперь я желаю шествовать с достоинством, с гордо поднятой головой,
теперь моя Муза учит меня игре на иной кифаре.
Проперций, забудь о низком, воспрянь духом! Пиериды,
запаситесь силами: нам предстоит величественный труд.
Теперь Евфрат отказывается охранять Парфянских всадников-беглецов,
и ему обидно, что он сдерживал Крассов — отца и сына.
Даже Индия, Август, подставляет шею для триумфальных оков,
и недоступное убежище Аравитян содрогается в страхе перед тобой;
и если какая-нибудь земля укрылась на краю света,
пусть и она, оказавшись в плену, почувствует тяжесть твоей руки.
За твоим войском мне и следовать; я, пророк, воспевая твоё войско,
стану велик. Да прибережёт для меня судьба этот день!
Если до головы огромной статуи не дотянуться
рукой, венок кладут к её ногам;
так и мы, бессильные достичь венца похвал,
воскуриваем бедный фимиам, совершая скромный обряд —
прежде моим стихам неведомы были воды Аскрейского родника:
только Амур оросил их Пермесской влагою.

11

Scribant de te alii vel sis ignota licebit:
laudet, qui sterili semina ponit humo.
omnia, crede mihi, tecum uno munera lecto
auferet extremi funeris atra dies;
et tua transibit contemnens ossa viator,
nec dicet: «Cinis hic docta puella fuit».

12

Quicumque ille fuit, puerum qui pinxit Amorem,
nonne putas miras hunc habuisse manus?
is primum vidit sine sensu vivere amantis
et levibus curis magna perire bona.
idem non frustra ventosas addidit alas,
fecit et humano corde volare deum:
scilicet alterna quoniam iactamur in unda
nostraque non ullis permanet aura locis.
et merito hamatis manus est armata sagittis
et pharetra ex umero Cnosia utroque iacet:
ante ferit quoniam tuti quam cernimus hostem,
nec quisquam ex illo vulnere sanus abit.
in me tela manent, manet et puerilis imago:
sed certe pennas perdidit ille suas;
evolat heu nostro quoniam de pectore nusquam,
assiduusque meo sanguine bella gerit.
quid tibi iucundum est siccis habitare medullis?
si pudor est, alio traice tela tua!
intactos isto satius temptare veneno:
non ego, sed tenuis vapulat umbra mea.
quam si perdideris, quis erit qui talia cantet,
(haec mea Musa levis gloria magna tua est),
qui caput et digitos et lumina nigra puellae
et canat ut soleant molliter ire pedes?

13a

Non tot Achaemeniis armatur †etrusca† sagittis,
spicula quot nostro pectore fixit Amor.
hic me tam gracilis vetuit contemnere Musas,
iussit et Ascraeum sic habitare nemus,

11

Будут ли писать о тебе другие или тебя ожидает забвение, —
пусть тот, кто бросает семя в бесплодную почву, станет хвалить тебя.
Поверь мне, все подарки вместе с тобой
похитит чёрный день твоих похорон,
и путник пройдёт с презрением мимо твоего праха
и не скажет: «Этот пепел некогда был одарённой девушкой».

12

Кто бы ни был тот художник, изобразивший мальчика-Амура,
посмотри-ка, разве труд его рук — не чудо?
Он первым понял, как безрассудно живут влюблённые —
как теряют великие блага из-за ничтожных причин.
Он же не напрасно придал мальчику ветреные крылья
и показал его полёт в человеческом сердце:
ведь бурная волна то вздымает нас, то низвергает,
и носящий нас ветер никогда не знает покоя.
Не без причины руки его вооружены зазубренными стрелами,
а с плеч свисает Кносский колчан:
он бьёт раньше, чем мы в беспечности почуем врага,
и нет никого, кто ушёл бы целым, получив от него рану.
Во мне засели его стрелы, засел и сам мальчишка:
зато крылья свои он потерял
и, увы, никогда не улетит из нашей груди,
и будет вести непрестанную войну за счёт моей крови.
Что за радость для тебя жить в иссохшем сердце?
Если у тебя есть совесть, балуйся в другом месте со своими стрелами!
Лучше дай отведать этого яда тем, кому он ещё не знаком!
Твоя мишень — не я, а моя жалкая тень.
Ну погуби её: кто тогда будет воспевать твои подвиги
(ведь моя легкомысленная Муза — большая часть твоей славы),
кто расскажет, какое у девушки лицо, какие пальцы, какие чёрные глаза,
кто опишет в стихах её плавную походку?

13а

Не столько стрел хранят в колчанах всадники
Ахеменидской державы из Суз, сколько вонзил в мою грудь Амур.
Он не даёт мне расстаться с легкомысленной Музой
и позволил обитать в Аскрейской роще лишь на том условии,

non ut Pieriae quercus mea verba sequantur,
aut possim Ismaria ducere valle feras,
sed magis ut nostro stupefiat Cynthia versu:
tunc ego sim Inachio notior arte Lino.
non ego sum formae tantum mirator honestae,
nec si qua illustris femina iactat avos:
me iuvet in gremio doctae legisse puellae,
auribus et puris scripta probasse mea.
haec ubi contigerint, populi confusa valeto
fabula: nam domina iudice tutus ero.
quae si forte bonas ad pacem verterit auris,
possum inimicitias tunc ego ferre Iovis.

13b

Quandocumque igitur nostros mors claudet ocellos,
accipe quae serves funeris acta mei.
nec mea tunc longa spatietur imagine pompa,
nec tuba sit fati vana querela mei,
nec mihi tunc fulcro sternatur lectus eburno,
nec sit in Attalico mors mea nixa toro.
desit odoriferis ordo mihi lancibus, adsint
plebei parvae funeris exsequiae.
sat mea sat magna est, si tres sint pompa libelli,
quos ego Persephonae maxima dona feram.
tu vero nudum pectus lacerata sequeris,
nec fueris nomen lassa vocare meum
osculaque in gelidis pones suprema labellis,
cum dabitur Syrio munere plenus onyx.
deinde, ubi suppositus cinerem me fecerit ardor,
accipiat Manes parvula testa meos
et sit in exiguo laurus super addita busto,
quae tegat exstincti funeris umbra locum,
et duo sint versus: QUI NUNC IACET HORRIDA PULVIS,
UNIUS HIC QUONDAM SERVUS AMORIS ERAT.
nec minus haec nostri notescet fama sepulcri,
quam fuerant Pthii busta cruenta viri.
tu quoque si quando venies ad fata, memento,
hoc iter ad lapides cana veni memores.
interea cave sis nos aspernata sepultos:
non nihil ad verum conscia terra sapit.
atque utinam primis animam me ponere cunis,

чтобы не шагали Пиерийские дубы по воле моих песней
и не водил я зверей по Исмарийским долинам,
но чтобы зачаровал Кинфию своими стихами:
тогда я стал бы знаменитее Инахийского Лина своим искусством.
Я не столько восхищаюсь совершенством благородной красоты, и мне
не важно, что женщина может похвастаться знаменитыми пращурами:
мне приятнее читать, сидя на коленях одарённой вкусом девушки,
и стяжать одобрение её безупречного слуха.
Если мне выпадет на долю это счастье, то бог с вами,
бессмысленные толки толпы: суд госпожи сделает меня недосягаемым.
Если вдруг она склонит ухо к моим мирным речам,
тогда мне не страшно ссориться с самим Юпитером.

13b

Итак, когда бы ни пришла смерть смежить мне глаза,
выслушай мою волю насчет похорон и сохрани её до того дня:
не нужно долгой процессии изображений моих предков,
не нужно трубы и её напрасных рыданий о моей судьбе,
не нужно ни застилать ложе на ножках из слоновой кости,
ни взбивать для меня Атталийскую перину.
Пусть не будет многочисленных плошек с ароматами, пусть
обряд будет простой и похороны скромные.
Для меня довольно, если процессию составят три книжки,
которые я поднесу — величайший дар — Персефоне.
А ты будешь следовать за мной, терзая обнажённую грудь
и не уставая выкрикивать моё имя,
и, когда из оникса будут возливать Сирийские дары,
в последний раз поцелуешь меня в холодные уста.
Затем, когда разожжённый под ложем жар обратит моё тело в пепел,
пусть скромный сосуд примет мои Маны
и над жалкой могилой пусть вырастет лавр,
чтобы укрыть усопшего своей тенью;
довольно будет и двух стихов: ТОТ, КТО ПОКОИТСЯ ЗДЕСЬ —
НИЧТОЖНАЯ ГОРСТЬ ПЫЛИ — НЕКОГДА БЫЛ СЛУГОЮ ОДНОГО АМУРА.
Моя могила будет не менее знаменита,
нежели когда-то — кровавый курган Фтийского героя.
Ты же, когда приблизится твой роковой час,
не оставляй и седая этот путь к памятливым камням!
Остерегайся, однако же, презирать мои останки:
земля не бесчувственна, она знает всё.
О! если бы одна из трёх сестер-губительниц

iussisset quaevis de Tribus una Soror!
nam quo tam dubiae servetur spiritus horae?
Nestoris est visus post tria saecla cinis:
cui s<i> tam longae[vae] minuisset fata senectae
†Gallicus† Iliacis miles in aggeribus,
non aut Antilochi vidisset corpus humari,
diceret aut: «O mors, cur mihi sera venis?»
tu tamen amisso non numquam flebis amico:
fas est praeteritos semper amare viros.
testis, cui niveum quondam percussit Adonem
venantem Idalio vertice durus aper;
illis formosum iauisse paludibus, illuc
diceris effusa tu, Venus, isse coma.
sed frustra mutos revocabis, Cynthia, Manis:
nam mea quid poterunt ossa minuta loqui?

14

Non ita Dardanio gavisus Atrida triumpho est,
cum caderent magnae Laomedontis opes;
nec sic errore exacto laetatus Ulixes,
cum tetigit carae litora Dulichiae;
nec sic Electra, salvum cum aspexit Oresten,
cuius falsa tenens fleverat ossa soror;
nec sic incolumem Minois Thesea vidit,
Daedalium lino cui duce rexit iter,
quanta ego praeterita collegi gaudia nocte:
immortalis ero, si altera talis erit.
at dum demissis supplex cervicibus ibam,
dicebar sicco vilior esse lacu.
nec mihi iam fastus opponere quaerit iniquos,
nec mihi ploranti lenta sedere potest.
atque utinam non tam sero mihi nota fuisset
condicio! cineri nunc medicina datur.
ante pedes caecis lucebat semita nobis:
scilicet insano nemo in amore videt.
hoc sensi prodesse magis: contemnite, amantes!
sic hodie veniet, si qua negavit heri.
pulsabant alii frustra dominamque vocabant:
mecum habuit positum lenta puella caput.
haec mihi devictis potior victoria Parthis,
haec spolia, haec reges, haec mihi currus erunt.

велела мне расстаться с жизнью ещё в колыбели!
Зачем было сохранять её до неведомого часа?
Пепел Нестора узрели три человеческих века спустя;
но если бы его срок жизни убавил
Галльский воин с Илионова вала,
он не видел бы, как предают земле тело Антилоха,
и не пришлось бы ему говорить: «Смерть моя, что ты так замедлила?»
Ты ещё будешь плакать об утраченном друге:
можно хранить любовь и к тем, кого уже нет в живых.
Призываю в свидетели ту, которая потеряла на Идалийском холме
белокожего охотника Адониса, сражённого клыком свирепого вепря;
там он погиб, на тех болотах, и там же, говорят,
ты, Венера, ходила с распущенными от горя волосами.
Но тщетно, Кинфия, ты будешь взывать к немым Манам:
что смогут ответить мои жалкие кости?

14

Атрид, сломив великую силу Лаомедонтовых потомков,
не так радовался Дарданскому триумфу;
не испытал такого веселья завершивший странствия Улисс,
коснувшись берега своей дорогой Дулихии,
и Электра, увидев Ореста живым и здоровым, —
брата, чей мнимый прах она только что оплакивала.
Не с таким счастьем Миноида взглянула на Тезея,
которого её нить направляла по Дедалову пути,
какое выпало мне на долю минувшей ночью:
ещё одна такая ночь — и я стяжал бы бессмертие!
А ведь недавно я униженно брёл, понуро опустив голову,
обо мне говорили — иссохший пруд!
Теперь же она не ранит меня беспричинной надменностью
и не может оставаться безучастной к моим слезам.
О! с каким опозданием изведал я все эти ласки!
Не мне — моему пеплу — досталось лекарство!
А ведь я, слепец, не различал даже путь под ногами!
Всякий, одержимый любовным недугом, теряет зрение.
Но вот что я понял: вооружитесь презрением, юноши!
Это полезнее; это превращает вчерашнее «нет» в сегодняшнее «да».
Все прочие напрасно стучали и звали госпожу:
глухая к их мольбам, она лежала, прильнув ко мне головой.
Для меня эта победа дороже разбитых Парфян —
вот моя добыча, вот мои пленные цари и триумфальная колесница!

magna ego dona tua figam, Cytherea, columna,
taleque sub nostro nomine carmen erit:
HAS PONO ANTE TUAS TIBI, DIVA, PROPERTIUS AEDIS
EXUVIAS, TOTA NOCTE RECEPTUS AMANS.
nunc ad te, mea lux, veniat mea litore navis
servata; an mediis sidat onusta vadis?
quod si forte aliqua nobis mutabere culpa,
vestibulum iaceam mortuus ante tuum!

15

O me felicem! nox o mihi candida! et o tu
lectule deliciis facte beate meis!
quam multa apposita narramus verba lucerna,
quantaque sublato lumine rixa fuit!
nam modo nudatis mecum est luctata papillis,
interdum tunica duxit operta moram.
illa meos somno lapsos patefecit ocellos
ore suo et dixit: «Sicine, lente, iaces?»
quam vario amplexu mutamus bracchia! quantum
oscula sunt labris nostra morata tuis!
non iuvat in caeco Venerem corrumpere motu:
si nescis, oculi sunt in amore duces.
ipse Paris nuda fertur periisse Lacaena,
cum Menelaeo surgeret e thalamo:
nudus et Endymion Phoebi cepisse sororem
dicitur et nudae concubuisse deae.
quod si pertendens animo vestita cubaris,
scissa veste meas experiere manus:
quin etiam, si me ulterius provexerit ira,
ostendes matri bracchia laesa tuae.
necdum inclinatae prohibent te ludere mammae:
viderit haec, si quam iam peperisse pudet.
dum nos fata sinunt, oculos satiemus amore:
nox tibi longa venit nec reditura dies.
atque utinam haerentis sic nos vincire catena
velles, ut numquam solveret ulla dies!
exemplo iunctae tibi sint in amore columbae,
masculus et totum femina coniugium.
errat, qui finem vesani quaerit amoris:
verus amor nullum novit habere modum.
terra prius falso partu deludet arantis,

Я прибью великие дары к колонне твоего храма, Киферея,
и под нашим именем будут такие стихи:
ЭТУ ДОБЫЧУ, БОГИНЯ, ПРИНОСИТ К ТВОЕМУ ХРАМУ ВЛЮБЛЁННЫЙ
ПРОПЕРЦИЙ ЗА ЦЕЛУЮ НОЧЬ СО СВОЕЙ ГОСПОЖОЙ.
Так что ж теперь — прибудет ли к тебе на берег невредимой
моя ладья или сядет на мель среди пути?
Потому что, если ты переменишься ко мне из-за какой-нибудь
моей вины, мне останется только умереть у входа в твой дом!

15

Как я счастлив! какая у меня была ночь! и какими
наслаждениями было блаженно моё ложе!
Какие беседы мы вели при свете лампы,
какую ночную борьбу, загасив её!
То моя девушка сражалась со мной, обнажив грудь,
то делала привал, прикрывшись туникой.
Она раскрывала губами мои глаза, слипшиеся от сна,
и говорила: «А ты всё лежишь, увалень?».
Как мы разнообразили объятия! в каком
длительном поцелуе я приникал к твоим устам!
Нет никакого толка портить любовь, отнимая у неё зрение:
знай, что для Венеры главное — глаза.
Сам Парис, говорят, погиб от вида нагой Спартанки,
когда она вставала с ложа в Менелаевом покое;
рассказывают, что и Эндимион нагим пленил
сестру Феба и разделил ложе с нагой богиней.
Потому, если ты будешь упрямиться и лежать в одежде,
то я её разорву, и ты испытаешь силу моих рук;
а если мой гнев не остановится и на этом,
придётся тебе показывать матери синяки на руках.
У тебя не отвисшая грудь, ничто не мешает нашим играм:
пусть заботится об этом та, которой стыдно, что она родила!
Пока судьба не препятствует, насытим глаза любовью: когда-нибудь
придёт к тебе длинная ночь, после которой день уже не вернётся.
Если бы ты пожелала, чтобы нас, лежащих вместе, сковали
крепкими цепями, чтобы никогда уже не разлучатся:
пусть примером любви для тебя будут голуби,
супружеская пара — самец и самка.
Заблуждается тот, кто ищет предела безумной любви:
у настоящей любви не бывает конца.
Скорее земля посмеётся над пахарем, отказавшись родить плоды,

et citius nigros Sol agitabit equos,
fluminaque ad caput incipient revocare liquores,
aridus et sicco gurgite piscis erit,
quam possim nostros alio transferre dolores:
huius ero vivus, mortuus huius ero.
quod mihi si <in>te<r>dum talis concedere noctes
illa velit, vitae longus et annus erit.
si dabit et multas, fiam immortalis in illis:
nocte una quivis vel deus esse potest.
qualem si cuncti cuperent decurrere vitam
et pressi multo membra iacere mero,
non ferrum crudele neque esset bellica navis,
nec nostra Actiacum verteret ossa mare,
nec totiens propriis circum oppugnata triumphis
lassa foret crines solvere Roma suos.
haec certe merito poterunt laudare minores:
laeserunt nullos pocula nostra deos.
tu modo, dum lucet, fructum ne desere vitae!
omnia si dederis oscula, pauca dabis.
ac veluti folia arentis liquere corollas,
quae passim calathis strata natare vides,
sic nobis, qui nunc magnum spiramus amantes,
forsitan includet crastina fata dies.

16

Praetor ab Illyricis venit modo, Cynthia, terris,
maxima praeda tibi, maxima cura mihi.
non potuit saxo vitam posuisse Cerauno?
a, Neptune, tibi qualia dona darem!
nunc sine me plena fiunt convivia mensa,
nunc sine me tota ianua nocte patet.
quare, si sapis, oblatas ne desere messis
et stolidum pleno vellere carpe pecus;
deinde, ubi consumpto restabit munere pauper,
dic alias iterum naviget Illyrias!
Cynthia non sequitur fascis nec curat honores;
semper amatorum ponderat una sinus.
at tu nunc nostro, Venus, o succurre dolori,
rumpat ut assiduis membra libidinibus!
ergo muneribus quivis mercatur amorem?
Iuppiter, indigna merce puella perit.

и Солнце будет быстрее гнать чёрных коней,
реки потекут вспять к своим истокам,
а в безводных омутах будет сохнуть рыба,
чем я поделюсь с кем-нибудь своей скорбью:
ей я принадлежу, пока жив, ей буду принадлежать и по смерти.
А стало быть, если она пожелает хоть изредка дарить мне такие ночи,
то и год жизни покажется мне достаточной долгим.
Если же таких ночей будет много, они сделают меня бессмертным:
ведь и от одной кто угодно станет богом.
Если бы все стали жить такой жизнью
и коротать досуг за обильным вином,
не было бы ни жестоких клинков, ни воинственных кораблей,
и море у берегов Акциума не крутило бы наши кости,
и Рим, осаждённый со всех сторон собственными победами,
не распускал бы каждый день волосы в плаче по своим.
Всё это вполне заслуженно ценит молодёжь:
наша винная чаша не оскорбительна для богов.
Ты же, пока день, не переставай наслаждаться жизнью:
подари мне хоть все свои поцелуи — и этого будет мало!
Как листья облетают с высохших венков,
а потом — взгляни — плавают в чашах,
так и мы: сегодня дышим пламенной любовью, а завтрашний день,
быть может, судьба сделает для нас последним.

16

Только что, Кинфия, претор вернулся из Иллирии;
для тебя это величайшая добыча, для меня — величайшая беда.
Что ему стоило погибнуть у Акрокеравнских скал?
Ах, Нептун, как бы я отблагодарил тебя за это!
Теперь не для меня идёт пир за ломящимся столом,
теперь не для меня распахнута дверь на всю ночь.
Потому не будь дурой, не презирай жатву, которая сама
идёт тебе в руки, и вволю стриги глупый скот;
а затем, когда он разорится и станет нечего дарить,
скажи, пусть снова плывёт в ещё какую-нибудь Иллирию!
Кинфии безразличны фасции влюблённых, она не ищет чинов,
ей важно взвесить, сколько у них припрятано за пазухой.
А ты, Венера, приди на помощь моей беде,
пусть он надорвёт свои чресла в непрестанной похоти.
Так что же? За подарки кто угодно может покупать любовь?
Да, Юпитер, так вот и гибнет девушка за постыдную плату!

semper in Oceanum mittit me quaerere gemmas
et iubet ex ipsa tollere dona Tyro.
atque utinam Romae nemo esset dives, et ipse
straminea posset dux habitare casa!
numquam venales essent ad munus amicae,
atque una fieret cana puella domo;
numquam septenas noctes seiuncta cubares,
candida tam foedo bracchia fusa viro;
non quia peccarim (testor te), sed quia vulgo
formosis levitas semper amica fuit.
barbarus exutis agitat vestigia lumbis,
et subito felix nunc mea regna tenet!
aspice quid donis Eriphyla invenit amaris,
arserit et quantis nupta Creusa malis!
nullane sedabit nostros iniuria fletus?
an dolor hic vitiis nescit abesse tuis?
tot iam abiere dies, cum me nec cura theatri
nec tetigit Campi, nec mea mensa iuvat.
«At pudeat». certe, pudeat! nisi forte, quod aiunt,
turpis amor surdis auribus esse solet.
cerne ducem, modo qui fremitu complevit inani
Actia damnatis aequora militibus:
hunc infamis amor versis dare terga carinis
iussit et extremo quaerere in orbe fugam.
Caesaris haec virtus et gloria Caesaris haec est:
illa, qua vicit, condidit arma manu.
sed quascumque tibi vestis, quoscumque smaragdos,
quosve dedit flavo lumine chrysolithos,
haec videam rapidas in vanum ferre procellas:
quae tibi terra, velim, quae tibi fiat aqua.
non semper placidus periuros ridet amantis
Iuppiter et surda neglegit aure preces.
vidisti[s] toto sonitus percurrere caelo,
fulminaque aetheria desiluisse domo?
non haec Pleiades faciunt neque aquosus Orion,
nec sic de nihilo fulminis ira cadit;
periuras tunc ille solet punire puellas,
deceptus quoniam flevit et ipse deus.
quare ne tibi sit tanti Sidonia vestis,
ut timeas, quotiens nubilus Auster erit.

Она всё время отправляет меня к берегам Океана
на поиски самоцветов и велит везти подарки из самого Тира.
О, если бы в Риме никто не был богат и его вождь
мог обитать в хижине под соломенной крышей!
Наши девушки не стали бы продажными и падкими на дары,
каждая состарилась бы в одном доме, не покидая его до седин!
А ты, такая красивая, не стала бы семь ночей подряд
спать не со мной, а в обнимку с этим уродом.
Не потому, что я тебя обижаю (будь свидетельницей, что это не так), —
но прекрасным девушкам всегда было свойственно легкомыслие.
И вот в твоём доме расхаживает, распоясавшись, этот варвар —
и со своим мгновенным счастьем овладевает нашим царством!
Не забывай, какими горькими оказались дары Эрифилы
и как жестоко поплатилась сгоревшая от них Креуса.
Неужели нет такой обиды, чтобы она осушила мои слёзы?
Или эта боль неустранима даже твоими пороками?
Сколько дней уже прошло, как меня не веселит театр,
безразлично Марсово поле и даже застолье не утешает.
Стыдно ли мне? — несомненно было бы стыдно, да только
подлая любовь, как говорится, обычно туга на ухо.
Вспомни о вожде, который недавно огласил берега Акциума
напрасным ропотом своих обречённых воинов:
постыдный Амур заставил его, повернув корабли,
обратиться в бегство и искать убежища на краю света.
Это заслуга Цезаря и слава Цезаря:
рука, нанесшая удар, вложила меч в ножны.
Но все подаренные им ткани, все смарагды,
все хризолиты с желтоватым блеском —
вот бы мне увидеть, как всё это уносит прочь порывистый вихрь,
как всё это твоё богатство превращается в прах и воду.
Не всегда Юпитер добродушно смеётся
над клятвопреступлениями в любви, не всегда он и глух к мольбам.
Ты видела — гром пробежал по всему небу,
из эфирного чертога низвергся перун:
это не Плеяды, не дождливый Орион,
гневные молнии разят не впустую;
это он карает преступивших клятвы девушек — ведь и он сам
бывал обманут ими, и он проливал слёзы.
Так что смотри, как бы тебе не пришлось из-за твоих Сидонских тканей
вздрагивать всякий раз, как только Австр нагонит тучи.

17

Mentiri noctem, promissis ducere amantem,
hoc erit infectas sanguine habere manus!
horum ego sum vates, quotiens desertus amaras
explevi noctes, fractus utroque toro.
vel tu Tantalea moveare ad flumina sorte,
ut liquor arenti fallat ab ore sitim;
vel tu Sisyphios licet admirere labores,
difficile ut toto monte volutet onus;
durius in terris nihil est quod vivat amante,
nec, modo si sapias, quod minus esse velis.
quem modo felicem invidia admirante ferebant,
nunc decimo admittor vix ego quoque die.
nunc iacere e duro corpus iuvat, impia, saxo,
sumere et in nostras trita venena manus;
nec licet in triviis sicca requiescere luna,
aut per rimosas mittere verba fores.
quod quamvis ita sit, dominam mutare cavebo:
tum flebit, cum in me senserit esse fidem.

18a

Assiduae multis odium peperere querelae:
frangitur in tacito femina saepe viro.
si quid vidisti, semper vidisse negato!
aut si quid doluit forte, dolere nega!
quid mea si canis aetas can<d>esceret annis,
et faceret scissas languida ruga genas?
at non Tithoni spernens Aurora senectam
desertum Eoa passa iacere domo est:
illum saepe suis descendens fovit in ulnis
quam prius abiunctos sedula lavit equos;
illum ad vicinos cum amplexa quiesceret Indos,
maturos iterum est questa redire dies;
illa deos currum conscendens dixit iniquos,
invitum et terris praestitit officium.
cui maiora senis Tithoni gaudia vivi
quam gravis amisso Memnone luctus erat.
cum sene non puduit talem dormire puellam
et canae totiens oscula ferre comae.
at tu etiam iuvenem odisti me, perfida, cum sis

17

Посулить влюблённому ночь, водить его за нос
своими обещаниями — всё равно что обагрить руки кровью.
Я их поэт, когда в одиночестве горько плачу целые ночи напролёт,
в бессилии простёршись на широком ложе.
Может, стоя у реки, ты будешь тронута мыслью о Тантале,
как уходящая влага смеется над жаждой его иссохших уст,
или подивишься Сизифову труду: как тяжко ему
катить увесистый камень по высокому склону.
Из живущих на земле самая незавидная судьба — у влюблённого,
и, если ты не дурак, ты согласишься быть чем угодно, только не им.
Совсем недавно меня считали счастливцем, мне завидовали;
а сейчас ты принимаешь меня едва один раз в десять дней!
Сейчас, нечестивица, мне было бы сладко сброситься с отвесной скалы
или принять яд, приготовленный мне на погибель.
Но нельзя мне проводить ночи на перекрёстках под ясной луной
или произносить свои речи сквозь щели в дверях.
Пусть будет так; однако ж и тут я поостерегусь менять госпожу:
она заплачет, когда увидит, что я храню верность.

18а

Многих сделали невыносимыми постоянные жалобы: часто,
чтобы сломить женщину, мужчине надлежит хранить молчание.
Если ты что и видел, всегда говори, будто не видел;
если на что крепко обиделся, скрывай обиду!
А если бы старость убелила мою голову
и морщины избороздили усталое лицо?
Аврора не отвергала Тифона за его старость
и позволила ему жить в одиночестве в рассветном дворце;
часто, усердная, прежде чем омыть коней
из упряжки Солнца, она покоила его на руках
и, лёжа в его объятиях у пределов соседей-Индийцев,
неумолчно сетовала, что день приходит слишком поспешно;
вступая на колесницу, порицала несправедливость богов
и лишь через силу исполняла свой долг перед Землёй,
больше радуясь, что старец Тифон жив,
нежели печалясь о погибшем Мемноне.
Даже такой девушке не было стыдно спать со стариком
и непрестанно целовать его седую голову.
А ты, коварная, ненавидишь меня, юношу, хотя

ipsa anus haud longa curva futura die.
quin ego deminuo curam, quod saepe Cupido
huic malus esse solet, cui bonus ante fuit.

18b

Nunc etiam infectos demens imitare Britannos,
ludis et externo tincta nitore caput?
ut natura dedit, sic omnis recta figura est:
turpis Romano Belgicus ore color.
illi sub terris fiant mala multa puellae,
quae mentita suas vertit inepta comas!
an si caeruleo quaedam sua tempora fuco
tinxerit, idcirco caerula forma bona est?
deme: mihi per te poteris formosa videri;
mi formosa sat es, si modo saepe venis.
cum tibi nec frater nec sit tibi filius ullus,
frater ego et tibi sim filius unus ego.
ipse tuus semper tibi sit custodia lectus,
nec nimis ornata fronte sedere velis.
credam ego narranti, noli committere, famae:
et terram rumor transilit et maria.

19

Etsi me invito discedis, Cynthia, Roma,
laetor quod sine me devia rura coles.
nullus erit castis iuvenis corruptor in agris,
qui te blanditiis non sinat esse probam;
nulla neque ante tuas orietur rixa fenestras,
nec tibi clamatae somnus amarus erit.
sola eris et solos spectabis, Cynthia, montis
et pecus et finis pauperis agricolae.
illic te nulli poterunt corrumpere ludi
fanaque, peccatis plurima causa tuis.
illic assidue tauros spectabis arantis
et vitem docta ponere falce comas;
atque ibi rara feres inculto tura sacello,
haedus ubi agrestis corruet ante focos;
protinus et nuda choreas imitabere sura,
omnia ab externo sint modo tuta viro.
ipse ego venabor: iam nunc me sacra Dianae

вскорости сама станешь согбенной старухой.
Тем меньше забот и мне: Купидон ведь часто
злится на того, к кому раньше был добр.

18b

Теперь, сумасшедшая, ты подражаешь размалёванным Британцам
и похваляешься волосами, выкрашенными заморским блеском?
Лишь то, что дано нам от природы, хорошо и уместно:
цвета Белгов уродливы на лице Римлянки.
Да постигнут все беды в подземном мире ту девушку,
которая в безрассудстве станет портить волосы притворными красками!
А если кому придёт в голову раскрасить волосы лазурным цветом —
что, и лазурный цвет волос считать красивым?
Прекрати эти глупости, для меня ты прекрасна и так:
ты вполне прекрасна и так, лишь бы приходила ко мне почаще.
У тебя ведь нет ни брата, ни сына —
я один мог бы заменить тебе и сына и брата.
Пусть твоё ложе само станет твоим стражем,
и не надо тебе слишком украшать лицо.
А я доверюсь словоохотливой молве — и не вздумай грешить:
слухам не помеха ни земли, ни моря.

19

Хотя ты, Кинфия, покидаешь Рим вопреки моему желанию,
я всё же доволен, что без меня ты будешь жить в деревенском захолустье.
Село целомудренно; там не будет юношей-соблазнителей, чьи
любезности стали бы для твоей верности непреодолимым испытанием;
под твоими окнами не будет ссор, и чужие призывы
не сделают горьким твой ночной сон.
Ты будешь одна, и будешь видеть одни только горы,
да пастбища, да владения бедных поселян.
Никакие игры здесь не собьют тебя с пути,
никакие храмы — причина большинства твоих прегрешений.
Здесь твоему взору будут являться только пашущие быки,
только искусный серп, обрезающий лозу;
и редко будешь ты жечь благовония на убогом алтаре,
где козлёнок обагряет кровью скудный огонь;
да хоть бы ты и плясала в хороводе с голыми икрами,
лишь бы там не было постороннего мужчины!
Сам я отправлюсь на охоту: сейчас мне по нраву

suscipere et Veneri<s> ponere vota iuvat.
incipiam captare feras et reddere pinu
cornua et audaces ipse monere canis;
non tamen ut vastos ausim temptare leones
aut celer agrestis comminus ire sues.
haec igitur mihi sit lepores audacia mollis
excipere et structo fallere avem calamo,
qua formosa suo Clitumnus flumina luco
integit et niveos abluit unda boves.
tu quotiens aliquid conabere, vita, memento
venturum paucis me tibi Luciferis.
hic me nec solae poterunt avertere silvae
nec vaga muscosis flumina fusa iugis,
quin ego in assidua mutem tua nomina lingua:
absenti nemo non nocuisse velit.

20

Quid fles abducta gravius Briseide? quid fles
anxia captiva tristius Andromacha?
quidve mea de fraude deos, insana, fatigas?
quid quereris nostram sic cecidisse fidem?
non tam nocturna volucris funesta querela
Attica Cecropiis obstrepit in foliis,
nec tantum Niobe, bis sex ad busta superba,
sollicito lacrimans defluit a Sipylo.
mi licet aeratis astringant bracchia nodis,
sint tua vel Danaes condita membra domo,
in te ego et aeratas rumpam, mea vita, catenas,
ferratam Danaes transiliamque domum.
de te quodcumque, ad surdas mihi dicitur auris:
tu modo ne dubita de gravitate mea.
ossa tibi iuro per matris et ossa parentis
(si fallo, cinis heu sit mihi uterque gravis!)
me tibi ad extremas mansurum, vita, tenebras:
ambos una fides auferet, una dies.
quod si nec nomen nec me tua forma teneret,
posset servitium mite tenere tuum.
septima iam plenae deducitur orbita lunae,
cum de me et de te compita nulla tacent:
interea nobis non numquam ianua mollis,
non numquam lecti copia facta tui.

заняться Дианиными таинствами и оставить Венерину службу.
Я примусь за звериный лов, прибью к сосне свою добычу — рога
и сам стану отдавать приказы отважным псам;
но мне ни к чему беспокоить бродячих львов
или спешить навстречу диким кабанам.
Моя отвага ограничится ловлей робких зайцев
или стрельбой из лука по птицам —
там, где Клитумн прячет свои воды под сень прекрасной рощи,
где в его волне купаются белоснежные быки.
Ты, жизнь моя, всякий раз, как решишь чем-нибудь заняться,
не забывай: я вернусь к тебе спустя всего несколько дней!
Здесь ни уединённые леса, ни бродячий поток,
струящийся по мшистым утёсам, не помешают мне
непрестанно повторять на разные лады твоё имя:
пока меня нет, кто удержится от соблазна навредить мне?

20

Что ты плачешь горше, чем оторванная от Ахилла Брисеида? Что ты
плачешь печальнее, чем пленная Андромаха?
Что, безумная, утомляешь богов жалобами на мои обманы
и причитаешь: в единый миг иссякла моя верность?
Печальная птица из Аттики не так сетовала ночью
под листвою рощ своей родной Кекропии,
и надменная до поры Ниоба над дважды шестью могилами
не рыдала столь обильными слезами с отрогов потрясённого Сипила.
Пусть мне свяжут руки бронзовыми узлами,
а тебя пусть запрут хоть в доме Данаи —
ради тебя, жизнь моя, я разорву медные оковы
и перепрыгну через железные стены Данаиного жилища.
Я глух ко всему, что бы там о тебе ни говорили:
только и ты тоже не сомневайся в моей надёжности!
Клянусь тебе прахом отца, клянусь прахом матери
(если обману, пусть и тот, и другой ляжет на меня тяжким бременем!),
что я, жизнь моя, буду с тобой до последнего часа:
один день и обоюдная верность унесёт нас обоих.
Ведь если бы ни твоё имя, ни красота не удерживали меня,
удержало бы одно только служение милостивой госпоже.
Уже наступило седьмое полнолуние с тех пор,
как о нас судачат на всех перекрёстках:
а между тем подчас твоя дверь для меня податлива,
бывает, что нас подпускает и твоё ложе;

nec mihi muneribus nox ulla est empta beatis:
quidquid eram, hoc animi gratia magna tui.
cum te tam multi peterent, tu me una petisti:
possum ego naturae non meminisse tuae?
tum me vel tragicae vexetis Erinyes, et me
inferno damnes, Aeace, iudicio,
atque inter Tityi volucris mea poena vagetur,
tumque ego Sisyphio saxa labore geram!
ne[c] tu supplicibus me sis venerata tabellis:
ultima talis erit, quae mea prima fides.
hoc mihi perpetuo ius est, quod solus amator
nec cito desisto nec temere incipio.

21

A quantum de me Panthi tibi pagina finxit,
tantum illi Pantho ne sit amica Venus!
sed tibi iam videor Dodona verior augur.
uxorem ille tuus pulcher amator habet!
tot noctes periere: nihil pudet? aspice, cantat
liber: tu, nimium credula, sola iaces.
et nunc inter eos tu sermo es, te ille superbus
dicit se invito saepe fuisse domi.
dispeream si quicquam aliud quam gloria de te
quaeritur: has laudes ille maritus habet.
Colchida sic hospes quondam decepit Iason:
eiecta est (tenuit namque Creusa) domo.
sic a Dulichio iuvene est elusa Calypso:
vidit amatorem pandere vela suum.
a nimium faciles aurem praebere puellae,
discite desertae non temere esse bonae!
huic quoque, qui restet, iam pridem quaeritur alter:
experta in primo, stulta, cavere potes.
nos quocumque loco, nos omni tempore tecum
sive aegra pariter sive valente sumus.

22a

Scis here mi multas pariter placuisse puellas,
scis mihi, Demophoon, multa venire mala.
nulla meis frustra lustrantur compita plantis;
o nimis exitio nata theatra meo,

мне не пришлось покупать обильными дарами ни одной твоей ночи:
всё, что со мной было, случилось благодаря твоей душевной приязни.
Тебя домогались столь многие, меня же — ты одна;
могу ли я забыть о твоей доброте?
Пусть хоть Эриннии из трагедии приходят по мою душу,
а Эак будет судить меня в подземном судилище;
пусть моя казнь будет не менее славной, чем крылатые хищники Тития,
или мне придется познать Сизифов труд и катить огромный камень!
И не моли меня униженными записками:
в последний час моя верность пребудет такою же, какою и в первый.
Таков постоянный закон, который я соблюдаю один
из влюблённых: не скоро отстаю и не вдруг приступаю.

21

Ах, сколько вымысла обо мне сообщила тебе записка Панфа,
пусть такою враждою к сему Панфу воспылает Венера!
Что, тебе уж кажется, что мои прорицания вернее Додонова дуба?
Этот твой милый возлюбленный уже женат!
Столько ночей пошло прахом! и тебе не стыдно? Вот он поёт себе
как вольная птаха: а ты со своей наивностью спишь в одиночестве.
А для них ты стала поводом для разговоров: он гордится победой
и говорит, будто ты часто приходила к нему против его воли.
Пропасть мне, если он ищет в тебе чего-либо, кроме славы, —
и наш муженёк уже стяжал эти похвалы.
Так некогда чужеземец Язон обманул Колхидянку:
её выставили из дома ради Креусы.
Так юноша из Дулихии насмеялся над Калипсо:
ей пришлось увидеть воочию, как любовник распускает паруса.
Ах, девушки, слишком податливые на слова мужчин,
когда вас бросят, научитесь ли вы быть добрыми не для всех?
Она уже ищет того, кто оставался бы с ней:
и ты, дура, обжегшись на первом, могла бы быть осторожнее.
Мы же везде и всегда рядом с тобой —
и в час болезни, и когда ты здорова.

22а

Ты знаешь, что вчера мне нравились многие девушки;
знаешь, Демофон, что и бед у меня немало.
Нет такого перекрёстка, где бы я тратил время понапрасну,
а театр — тот и вовсе создан мне на погибель.

sive aliquis in molli diducit candida gestu
bracchia, seu varios incinit ore modos!
interea nostri quaerunt sibi vulnus ocelli,
candida non tecto pectore si qua sedet,
siue vagi crines puris in frontibus errant,
Indica quos medio vertice gemma tenet.
. . . . . .
quae si forte aliquid vultu mihi dura negarat,
frigida de tota fronte cadebat aqua.
quaeris, Demophoon, cur sim tam mollis in omnis?
quod quaeris, «quare», non habet ullus amor.
cur aliquis sacris laniat sua bracchia cultris
et Phrygis insanos caeditur ad numeros?
unicuique dedit vitium natura creato:
mi fortuna aliquid semper amare dedit.
me licet et Thamyrae cantoris fata sequantur,
numquam ad formosas, invide, caecus ero.
sed tibi si exilis videor tenuatus in artus,
falleris: haud umquam est culta labore Venus.
percontere licet: saepe est experta puella
officium tota nocte valere meum.
Iuppiter Alcmenae geminas requieverat Arctos
et caelum noctu bis sine rege fuit;
nec tamen idcirco languens ad fulmina venit:
nullus amor vires eripit ipse suas.
quid? cum e complexu Briseidos iret Achilles,
num fugere minus Thessala tela Phryges?
quid? ferus Andromachae lecto cum surgeret Hector,
bella Mycenaeae non timuere rates?
ille vel hic classis poterant vel perdere muros:
hic ego Pelides, hic ferus Hector ego.
aspice uti caelo modo sol modo luna ministret:
sic etiam nobis una puella parum est.
altera me cupidis teneat foveatque lacertis,
altera si quando non sinit esse locum;
aut si forte irata meo sit facta ministro,
ut sciat esse aliam, quae velit esse mea!
nam melius duo defendunt retinacula navim,
tutius et geminos anxia mater alit.

Если кто разводит руки нежным движением
либо поёт на разные лады —
мои глаза уже ищут, кто бы мог их ранить,
не сидит ли где какой красавицы с непокрытой грудью,
а может, на чистом лбу небрежно разбросаны пряди волос,
стянутых на макушке Индийским самоцветом.
. . . . . .
И если на чьем-либо суровом лице я читал отказ,
по моему лбу струился холодный пот.
Ты спрашиваешь, Демофон, почему я так слаб и таю от любой из них?
Да что ты спрашиваешь! В любви не существует вопроса «почему».
Зачем некоторые полосуют руки священным ножом
и бичуют себя под бешеный Фригийский лад?
Каждой твари природа дала свой порок:
мне роком суждено всегда быть влюблённым.
Даже если меня постигнет участь Фамиры-кифареда,
мне, завистливый, не грозило бы остаться слепым к девичьей красоте.
Но если тебе кажется, что я слишком хрупок и слаб,
ты заблуждаешься: Венерины труды никогда не бывали мне в тягость.
Расспроси-ка: моя девушка часто испытывала на своём опыте —
я всю ночь исправно исполняю свои обязанности.
Юпитер две ночи подряд покоился у Алкмены,
и дважды при звёздном сиянии небо оставалось без царя;
но от этого он не вернулся к своим молниям усталым —
любовь никогда не истощает собственных сил.
Разве когда Ахилл шёл в бой из объятий Брисеиды,
Фригийцы меньше трепетали Фессалийского копья?
Разве когда свирепый Гектор поднимался с Адромахина ложа,
меньше становилась опасность для Микенского флота?
Тот ли, другой мог уничтожить корабли или стены;
а здесь я Пелид, и свирепый Гектор здесь — я.
Смотри, как небу служит то солнце, то луна;
так и мне одной девушки мало.
Если одна не подпускает к себе, пусть другая
прижимает к груди и греет в своих объятиях,
и если одна разгневается как-нибудь на мою службу,
то пусть знает: есть ещё одна, которая хочет быть моей!
Ведь два каната лучше удерживают корабль,
и матери спокойнее воспитывать двух близнецов.

22b

. . . . . .
aut si es dura, nega: sin es non dura, venito!
quid iuvat heu nullo pondere verba loco?
hic unus dolor est ex omnibus acer amanti,
speranti subito si qua venire negat.
quanta illum toto versant suspiria lecto,
†cur recipi quae non noverit illa vetat†
et rursus puerum quaerendo audita fatigat,
†quem quae scire timet quaerere fata iubet†
. . . . . .

23

Cui fuit indocti fugienda et semita vulgi,
ipsa petita lacu nunc mihi dulcis aqua est.
ingenuus quisquam alterius dat munera servo,
ut promissa suae verba ferat dominae?
et quaerit totiens «Quaenam nunc porticus illam
integit?» et «Campo quo movet illa pedes?»,
deinde ubi pertuleris, quos dicit fama, labores
Herculis, ut scribat «Muneris ecquid habes?»,
cernere uti possis vultum custodis amari,
captus et immunda saepe latere casa?
quam care semel in toto nox vertitur anno!
a pereant, si quos ianua clausa iuvat!
contra, reiecto quae libera vadit amictu,
custodum et nullo saepta timore, placet;
cui saepe immundo Sacra conteritur Via socco,
nec sinit esse moram, si quis adire velit;
differet haec numquam, nec poscet garrula, quod te
astrictus ploret saepe dedisse pater,
nec dicet: «Timeo, propera iam surgere, quaeso:
infelix, hodie vir mihi rure venit».
et quas Euphrates et quas mihi misit Orontes,
me iu[v]erint: nolim furta pudica tori.
libertas quoniam nulli iam restat amanti,
nullus liber erit, si quis amare volet.

22b

. . . . . .
Если ты недотрога, откажи; если нет, приходи!
Ах, что толку в том, что ты не говоришь ни «да», ни «нет»?
Единственная обида, по-настоящему невыносимая для влюблённого, —
если женщина, подав надежду, откажется прийти к нему.
Ночью он вздыхает и ворочается, скомкав всю постель,
и думает — кто ж теперь может у неё быть?
И вот он вновь и вновь мучает мальчика расспросами,
заставляя его разузнать то, что и сам боится услышать.
. . . . . .

23

Мне, избегавшему прежде путей тёмной толпы,
теперь сладка даже вода из стоячего озера.
Будет ли благородный человек давать подарки чужому рабу,
чтобы тот сдержал обещание и передал госпоже его слова,
и задавать всё один и тот же вопрос: «В каком она портике?»
или «По какому полю ступают сейчас её подошвы?»,
а затем претерпеть труды, какие, как гласит молва, вынес Геркулес,
ради того, чтобы она написала: «А что ты мне подаришь?»,
чтобы у тебя была возможность взглянуть в лицо сурового стража
и часто, застигнутым врасплох, таиться в грязной хижине?
Как дорого приходится платить за ночь — единственную за целый год!
Пусть пропадут все, кому по нраву запертая дверь! Мне, наоборот,
по вкусу женщины, которые ходят свободно, откинув плащ,
и не окружают себя устрашающей стражей,
у кого башмаки в пыли со Священной дороги
и которые, если кто хочет к ним прийти, не говорят «потом».
Такие не откладывают дела, не любят болтовни, не требуют
подарить им то, из-за чего долго будет убиваться твой скупердяй-отец,
и не станут говорить: «Прошу тебя, давай же, поднимайся, несчастный:
Я боюсь! Сегодня муж возвращается из деревни!»
Мне нравятся и те, кого нам шлёт Евфрат и Оронт:
не хотел бы я украдкой домогаться целомудренного ложа.
Но раз уж влюблённому невозможно сохранить свободу,
тот, кто захочет влюбиться, должен с ней распрощаться.

24a

«Tu loqueris, cum sis iam noto fabula libro
et tua sit toto Cynthia lecta foro?»
cui non his verbis aspergat tempora sudor?
aut pudor ingenuis aut retinendus amor.
quod si iam facilis spiraret Cynthia nobis,
non ego nequitiae dicerer esse caput,
nec sic per totam infamis traducerer urbem,
urerer et quamvis, nomine verba darem.
quare ne tibi sit mirum me quaerere vilis:
parcius infamant: num tibi causa levis?

24b

. . . . . .
et modo pavonis caudae flabella superbae
et manibus durae frigus habere pila
et cupit iratum talos me poscere eburnos,
quaeque nitent Sacra vilia dona Via.
a peream, si me ista movent dispendia: sed me
fallaci dominae iam pudet esse iocum!

24c

Hoc erat in primis quod me gaudere iubebas?
tam te formosam non pudet esse levem?
una aut altera nox nondum est in amore peracta,
et dicor lecto iam gravis esse tuo.
me modo laudabas et carmina nostra legebas:
ille tuus pennas tam cito vertit amor?
contendat mecum ingenio, contendat et arte,
in primis una discat amare domo!
si libitum tibi erit, Lernaeas pugnet ad hydras
et tibi ab Hesperio mala dracone ferat,
taetra venena libens et naufragus ebibat undas
et numquam pro te deneget esse miser:
(quos utinam in nobis, vita, experiare labores!)
iam tibi de timidis iste protervus erit,
qui nunc se in tumidum iactando venit honorem:
discidium vobis proximus annus erit.
at me non aetas mutabit tota Sibyllae,

24a

«И это говоришь ты? Ты, из-за свой книги ставший притчей во языцех
для всего города — на форуме на каждом углу читают твою „Кинфию“»?
У кого от таких слов лоб не покроется испариной?
Благородному человеку приходится выбирать между любовью и стыдом.
Потому, если бы Кинфия дышала в мои паруса попутным ветром,
то обо мне не говорили бы, что среди лишённых стыда я первый,
и не так шла бы дурная слава по всему городу, и, несмотря на палящий
любовный пламень, я смеялся бы надо всеми сплетнями.
Так что не удивляйся, что я разыскиваю дешёвку.
От них меньше позора: разве этого мало?

24b

. . . . . .

Теперь она хочет веер из красивых перьев гордого павлина
и хрустальный шар для прохлаждения рук, и, доводя меня до бешенства,
требует, чтобы я спросил игральные кубики из слоновой кости,
и всю ту блестящую дешёвку на Священной дороге.
Пропасть мне, если я злюсь из-за расходов; но не хочется
быть игрушкой в руках госпожи-обманщицы!

24c

Вот, значит, чем ты хотела меня порадовать?
Ты такая красивая; неужели тебе не стыдно твоего легкомыслия?
Мы провели в любви одну или две ночи,
и вот я уже — невыносимое бремя для твоего ложа.
Только что ты хвалила меня и читала мои стихи: и вот
так быстро твой Амур развернул свои крылья в другую сторону?
Пусть он состязается со мной талантом и искусством,
но сперва пусть научится не любить на два дома.
Если тебе будет угодно, пусть поражает Лернейских гидр
и приносит тебе яблоки от Гесперийского змея,
пусть глотает за тебя смертельный яд и солёную воду в шторм
и не отказывается ни от одного несчастия
(жизнь моя, чего тебе стоило испытать всё это на мне!) —
тот, который сейчас раздувается от спеси и хвастовства,
скоро покажется тебе не робким, а наглым,
и уже следующий год приведёт вас к разрыву.
Меня же не переменит ни Сивиллин возраст,

non labor Alcidae, non niger ille dies.
tum me[a] compones et dices «Ossa, Properti,
haec tua sunt? eheu tu mihi certus eras,
certus eras eheu, quamvis nec sanguine avito
nobilis et quamvis non ita dives eras».
nil ego non patiar; numquam me iniuria mutat:
ferre ego formosam nullum onus esse puto.
credo ego non paucos ista periisse figura,
credo ego sed multos non habuisse fidem.
parvo dilexit spatio Minoida Theseus,
Phyllida Demophoon, hospes uterque malus.
iam tibi Iasonia nota est Medea carina
et modo servato sola relicta viro.
dura est quae multis simulatum fingit amorem
et se plus uni si qua parare potest.
noli nobilibus, noli consuesse beatis:
vix venit, extremo qui legat ossa die.
hi tibi nos erimus: sed tu potius precor ut me
demissis plangas pectora nuda comis.

25

Unica nata meo pulcherrima cura dolori,
excludi quoniam sors mea saepe «veni»,
ista meis fiet notissima forma libellis,
Calve, tua venia, pace, Catulle, tua.
miles depositis annosus secubat armis,
grandaevique negant ducere aratra boves,
putris et in vacua requiescit navis harena,
et vetus in templo bellica parma vacat:
at me ab amore tuo deducet nulla senectus,
sive ego Tithonus sive ego Nestor ero.
nonne fuit satius duro servire tyranno
et gemere in tauro, saeve Perille, tuo?
Gorgonis et satius fuit obdurescere vultu,
Caucasias etiam si pateremur avis?
sed tamen obsistam! teritur robigine mucro
ferreus et parvo saepe liquore silex:
at nullu<s> dominae teritur sub limine amator;
restat et immerita sustinet aure minas.
ultro contemptus rogat, et peccasse fatetur
laesus, et invitis ipse redit pedibus.

ни Алкидов труд, ни этот чёрный день.
Ты похоронишь меня и скажешь:
«Вот твои кости, Проперций! Ах, ты был мне верен…
Ах, как же ты был мне верен! Хоть ни кровью предков,
ни золотом ты похвастаться не мог».
Нет того, чего бы я не перенёс: надо мной не властны обиды;
со стороны прекрасной всё, что доведётся вытерпеть, — не бремя.
Думаю, немало юношей погибли от твоей красоты,
но не думаю, что многие умели хранить верность.
Ненадолго хватило Тезеевой любви к Миноиде,
а Демофоновой — к Филлиде: оба они оказались недобрыми гостями.
Ты уже знаешь, что Медея взошла на Язонову корму, —
и вскоре она, спасшая мужа, была брошена.
Жестока та девушка, которая для многих притворяется влюблённой
и прихорашивается более, нежели для одного.
А ты не сравнивай меня ни со знатными, ни с богачами:
едва ли кто из них придёт похоронить твои кости.
А мы придём: но паче молю, чтобы ты
оплакала меня, распустив волосы и терзая нагую грудь.

25

Несравненная моя любовь, рождённая мне на муки
(сколько раз судьба выставляла меня за дверь её дома!) —
пусть благодаря моим стихам другая краса не превзойдёт её славой,
прости меня, Кальв, не прогневайся, Катулл!
Дряхлый воин, отложив меч, спит себе спокойно,
старые волы уже не станут тянуть плуг;
ветхий корабль лежит и гниёт на пустынном берегу,
и праздно висит крепкий щит в древнем храме —
но я не перестану тебя любить, сколько бы мне ни было лет,
придётся ли мне стать Тифоном или Нестором.
Не лучше ли было стать рабом свирепого тирана
и стонать в твоём медном быке, Перилл?
Не лучше ли — окаменеть под взглядом Горгоны или
на собственном опыте испытать, что такое клюв Кавказской птицы?
И всё же я буду твёрд! Ржавчина ест
железный клинок, а капля воды точит кремень:
но любовник несгибаем у порога своей госпожи,
он терпеливо выслушивает незаслуженные угрозы.
Скажут ему «нет» — он попросит сам; обидят его — возьмёт
вину на себя; и уйдя, возвращается, хотя ноги сами несут его обратно.

tu quoque, qui pleno fastus assumis amore,
credule, nulla diu femina pondus habet.
an quisquam in mediis persolvit vota procellis,
cum saepe in portu fracta carina natet?
aut prius infecto deposcit praemia cursu,
septima quam metam triverit ante rota?
mendaces ludunt flatus in amore secundi:
si qua venit sero, magna ruina venit.
tu tamen interea, quamvis te diligat illa,
in tacito cohibe gaudia clausa sinu.
namque in amore suo semper sua maxima cuique
nescio quo pacto verba nocere solent.
quamvis te persaepe vocet, semel ire memento:
invidiam quod habet, non solet esse diu.
at si saecla forent antiquis grata puellis,
essem ego quod nunc tu: tempore vincor ego.
non tamen ista meos mutabunt saecula mores:
unus quisque sua noverit ire via.
at, vos qui officia in multos revocatis amores,
quantus si<c> cruciat lumina nostra dolor!
vidistis pleno teneram candore puellam,
vidistis fusca<m>: ducit uterque color;
vidistis quandam Argiva prodire figura,
vidistis nostras: utraque forma rapit;
illaque plebeio vel sit sandycis amictu:
haec atque illa mali vulneris una via est.
cum satis una tuis insomnia portet ocellis,
una sat e<s>t cuivis femina multa mala.

26

Vidi te in somnis fracta, mea vita, carina
Ionio lassas ducere rore manus,
et quaecumque in me fueras mentita fateri,
nec iam umore gravis tollere posse comas,
qualem purpureis agitatam fluctibus Hellen,
aurea quam molli tergore vexit ovis.
quam timui, ne forte tuum mare nomen haberet,
teque tua labens navita fleret aqua!
quae tum ego Neptuno, quae tum cum Castore fratri,
quaeque tibi excepi, iam dea, Leucothoe!
at tu vix primas extollens gurgite palmas

А ты, столь высокомерный в своей безмятежной любви,
не забывай, наивный, что не бывает не легкомысленных женщин.
Разве можно давать обеты в разгар бури, когда
и в гавани частенько происходят кораблекрушения?
Кто же требует награды за незавершённый бег,
прежде, чем колесо в седьмой раз коснётся меты?
Попутный ветер в любви — коварная игра:
чем позднее тебя постигнет крах, тем он будет ужасней.
А пока, если она всё же отдала тебе предпочтение,
не разглашай свои радости и держи их при себе:
непонятно почему, но в этом деле всегда чем больше
гордости в твоих речах, тем она вреднее для тебя.
Хотя она зовёт тебя частенько, не забывай, что являться
нужно однажды: то, чему завидуют, не может длиться долго.
Да… если бы наше время благоприятствовало девушкам прежних лет,
сейчас я был бы на твоём месте! Время — мой победоносный соперник.
Однако и оно не властно над моими нравами:
каждый пусть идёт своей дорогой.
А вы, готовые на службу многим девушкам,
какая в этом мука для ваших глаз!
Увидите одну со светлой кожей,
а другую со смуглой: и тот, и другой цвет вам по нраву.
Вот перед вами — с Аргосской статью,
вот — с нашей; и вы не устоите перед обеими;
будь она в дешёвой ткани или в пурпуре —
для злой стрелы путь открыт и там, и здесь.
Но, поскольку довольно и одной, чтобы лишиться сна,
то для любого и в одной женщине таится много бед.

26

Я видел во сне, жизнь моя, будто ты, спасаясь с погибшего корабля,
бьёшь усталыми руками по волнам Ионийского моря,
и, сознаваясь во всех твоих обманах против меня,
не в силах уже поднять голову — волосы отяжелели от влаги,
и несут тебя пурпурные волны, как Геллу,
когда та упала с мягкой спины золотого овна.
Как я боялся, что гибель даст морю твоё имя, что моряк,
скользящий по теперь уже твоим водам, будет оплакивать твою судьбу!
Что тогда я обещал Нептуну, что — Кастору и его брату,
что я обещал тебе, уже ставшая богиней Левкотея!
Ты же из последних сил пытаешься выкарабкаться из пучины

saepe meum nomen iam peritura vocas.
quod si forte tuos vidisset Glaucus ocellos,
esses Ionii facta puella maris
et tibi ob invidiam Nereides increpitarent,
candida Nesaee, caerula Cymothoe.
sed tibi subsidio delphinum currere vidi,
qui, puto, Arioniam vexerat ante lyram.
iamque ego conabar summo me mittere saxo,
cum mihi discussit talia visa metus.
nunc admirentur, quod tam mihi pulchra puella
serviat et tota dicar in urbe potens!
non, si Cambysae redeant et flumina Croesi,
dicat «De nostro surge, poeta, toro».
nam mea cum recitat, dicit se odisse beatos:
carmina tam sancte nulla puella colit.
multum in amore fides, multum constantia prodest:
qui dare multa potest, multa et amare potest.
heu, mare per longum mea cogitat ire puella!
hanc sequar et fidos una aget aura duos.
unum litus erit sopitis unaque tecto
arbor, et ex una saepe bibemus aqua;
et tabula una duos poterit componere amantis,
prora cubile mihi seu mihi puppis erit.
omnia perpetiar: saevus licet urgeat Eurus,
velaque in incertum frigidus Auster agat,
quicumque et venti miserum vexastis Ulixem
et Danaum Euboico litore mille ratis
et qui movistis duo litora, cum ratis Argus
dux erat ignoto missa columba mari.
illa meis tantum non umquam desit ocellis,
incendat navem Iuppiter ipse licet.
certe isdem nudi pariter iactabimur oris:
me licet unda ferat, te modo terra tegat.
sed non Neptunus tanto crudelis amori,
Neptunus fratri par in amore Iovi:
testis Amymone, latices dum ferret, in Argis
compressa, et Lernae pulsa tridente palus;
iam deus amplexu votum persolvit; at illi
aurea divinas urna profudit aquas.
crudelem et Borean rapta Orithyia negavit:
hic deus et terras et maria alta domat.
crede mihi, nobis mitescet Scylla nec umquam

и, уже на краю гибели, повторяешь моё имя.
Если бы Главк видел в этот миг твои глаза,
ты стала бы насельницей Ионийского моря,
и возроптали бы от зависти Нереиды,
и белокожая Несея, и лазурная Кимотоя.
Но — я видел — на помощь тебе поспешил дельфин, — думаю,
тот самый, который некогда посадил себе на спину Ариона с лирою.
Я уже готов был броситься со скалы вниз,
но страх разогнал моё сновидение.
А теперь все дивятся, что меня слушается такая прекрасная
девушка, и весь город полнится слухами о моей власти!
Оберни свой бег золотые реки Камбиза и Крёза —
она ни за что не скажет: «Ну-ка, поэт, прочь с моего ложа!»
Читая мои элегии, она говорит о своей неприязни к богачам —
ни одна девушка не относится к стихам с таким благоговением.
В любви всесильна верность, всесильно и постоянство:
кто может дать много, тот может и любить многих.
Увы, моя девушка собирается плыть по широким морям; мой путь —
вслед за ней, и один ветер повлечёт нас обоих, верных друг другу;
берег станет нашей общей постелью, одно на двоих дерево —
заменит нам крышу, и мы будем вместе пить из одного ручья.
Даже одной доски — на носу или на корме корабля —
довольно для того, чтобы служить ложем для влюблённых.
Вытерплю всё: пусть беснуется свирепый Эвр,
пусть ледяной Австр грозно раздувает паруса,
да какие угодно ветра! Даже те, которые трепали несчастного Улисса
и весь Данайский флот в тысячу кораблей у Эвбейских утёсов,
или столкнувшие два берега — когда голубка, посланная
в неведомое море, стала проводницей корабля Арго:
только бы мне не терять её из вида,
а там пусть хоть сам Юпитер сжигает корабль.
Тогда — я уверен — волна выбросила бы нас, нагих, на один берег.
Но лишь бы тебя покрыла земля — меня пусть уносит вода!
Нептун, однако же, не будет так жесток к любви,
Нептун, равный своей страстью брату Юпитеру:
свидетельница Амимона, попавшая в его объятия на Аргосском
берегу, когда она несла воду, и Лернейское болото, возникшее
от удара трезубцем: бог исполнил обещание, данное в её объятиях,
и золотая урна излила для неё божественную влагу.
Похищенная Орифия тоже не признавала жестокость Борея:
а ведь этот бог укрощает и землю, и морские пучины.
Верь мне, для нас смягчится Сцилла и даже громадная Харибда,

alternante vorans vasta Charybdis aqua;
ipsaque sidera erunt nullis obscura tenebris,
purus et Orion, purus et Haedus erit.
quod mihi si ponenda tuo sit corpore vita,
exitus hic nobis non inhonestus erit.

27

At vos incertam, mortales, funeris horam
quaeritis, et qua sit mors aditura via;
quaeritis et caelo, Phoenicum inventa, sereno,
quae sit stella homini commoda quaeque mala!
seu pedibus Parthos sequimur seu classe Britannos
et maris et terrae caeca pericla viae;
rursus et obiectum †fletus† caput esse tumultu[m],
cum Mavors dubias miscet utrimque manus;
praeterea domibus flammam metuisque ruinas,
neu subeant labris pocula nigra tuis.
solus amans novit quando periturus et a qua
morte, neque hic Boreae flabra neque arma timet.
iam licet et Stygia sedeat sub harundine remex,
cernat et infernae tristia vela ratis:
si modo clamantis revocaverit aura puellae,
concessum nulla lege redibit iter.

28

Iuppiter, affectae tandem miserere puellae:
tam formosa tuum mortua crimen erit.
venit enim tempus, quo torridus aestuat aer,
incipit et sicco fervere terra Cane.
sed non tam ardoris culpa est neque crimina caeli,
quam totiens sanctos non habuisse deos.
hoc perdit miseras, hoc perdidit ante puellas:
quidquid iurarunt, ventus et unda rapit.
num sibi collatam doluit Venus? illa peraeque
prae se formosis invidiosa dea est.
an contempta tibi Iunonis templa Pelasgae?
Palladis aut oculos ausa negare bonos?
semper, formosae, non nostis parcere verbis.
hoc tibi lingua nocens, hoc tibi forma dedit.
sed tibi vexatae post multa pericula vitae

непрерывно глотающая и извергающая потоки воды.
Даже звёзды не померкнут для нас в кромешной тьме —
ясным останется Орион, ясным будет и Козерог.
Потому, если мне суждено испустить дух на твоём теле,
этот конец будет для нас не бесславным.

27

Вы, смертные, ищете неверный час кончины
и спрашиваете, каким путем придёт смерть;
спрашиваете и у ясного неба — изобретение Финикийцев! —
какая звезда благоприятна для человека, какая пагубна!
Преследует ли наша пехота Парфян, теснит ли Британцев наш флот —
и на суше, и на море таятся непредсказуемые опасности.
И вот в который уже раз оплакиваешь свою жизнь, участвуя в бою, —
ведь когда Марс сводит врагов, исход схватки сомнителен;
а с другой стороны, как бы не обрушился и не сгорел дом,
как бы не поднесли тебе чашу с чёрным зельем.
Только влюблённый знает, когда и какой смертью
ему суждено погибнуть, и не боится ни дыхания Борея, ни клинка.
И даже если он уже сел за вёсла в зарослях Стигийского тростника
и увидел зловещие паруса рокового челна —
как только порыв ветра донесёт до него призывы его девушки,
он вернётся к ней путём, не подвластным никаким законам.

28

Юпитер, сжалься, наконец, над больной девушкой:
если она, такая прекрасная, умрёт, виноват будешь ты.
У нас сейчас такое время: свирепствует безжалостная жара,
а земля горит и сохнет под губительным созвездием Пса.
Но дело не в жаркой погоде, да и небеса здесь ни при чём:
она так часто не оказывала богам должного почтения!
Вот что губит и прежде губило несчастных девушек:
все их клятвы уносили ветер и волна.
Неужели это Венера обиделась на невыгодное для неё сравнение?
Эта богиня одинаково ревнива ко всем, предпочтённым ей.
Или ты пренебрегла храмом Пеласгийской Юноны?
Или сочла недобрым взгляд Паллады?
Красавицы, никогда-то вы не умеете держать язык за зубами.
Вот и погубили тебя твой враг — язык — и твоя красота!
Но, когда тебя истерзают жизненные невзгоды,

extremo veni<e>t mollior hora die.
Io versa caput primos mugiverat annos:
nunc dea, quae Nili flumina vacca bibit.
Ino etiam prima terris aetate vagata est:
hanc miser implorat navita Leucothoen.
Andromede monstris fuerat devota marinis:
haec eadem Persei nobilis uxor erat.
Callisto Arcadios erraverat ursa per agros:
haec nocturna suo sidere vela regit.
quod si forte tibi properarint fata quietem,
illa sepultura facta beata tuae,
narrabis Semelae, quo sis formosa periclo,
credet et illa, suo docta puella malo;
et tibi Maeonias omnis heroidas inter
primus erit nulla non tribuente locus.
nunc, utcumque potes, fato gere saucia morem:
et deus et durus vertitur ipse dies.
hoc tibi vel poterit coniunx ignoscere Iuno:
frangitur et Iuno, si qua puella perit.
deficiunt magico torti sub carmine rhombi,
et iacet exstincto laurus adusta foco
et iam Luna negat totiens descendere caelo
nigraque funestum concinit omen avis.
una ratis fati nostros portabit amores
caerula ad infernos velificata lacus.
si non unius, quaeso, miserere duorum!
vivam, si vivet; si cadet illa, cadam.
pro quibus optatis sacro me carmine damno:
scribam ego «Per magnum est salva puella Iovem»;
ante tuosque pedes illa ipsa operata sedebit,
narrabitque sedens longa pericla sua.
haec tua, Persephone, maneat clementia, nec tu,
Persephonae coniunx, saevior esse velis.
sunt apud infernos tot milia formosarum:
pulchra sit in superis, si licet, una locis!
vobiscum Antiope, vobiscum candida Tyro,
vobiscum Europe nec proba Pasiphae
et quot Troia tulit vetus et quot Achaia formas,
et Thebae et Priami diruta regna senis:
et quaecumque erat in numero Romana puella,
occidit: has omnis ignis avarus habet.
nec forma aeternum aut cuiquam est fortuna perennis:

твой последний час будет безболезненным.
Пережив превращение, Ио первые годы мычала —
а теперь та, что коровой пила нильскую воду, стала богиней.
В ранней молодости Ино блуждала по земле —
ныне несчастный моряк взывает к богине Левкотее.
Андромеда была обречена в жертву морским чудовищам:
и она же стала женой благородного Персея.
Каллисто, будучи медведицей, бродила по полям Аркадии:
теперь по ночам она своим светом направляет движение кораблей.
Поэтому, если даже судьба приблизит миг твоего успокоения,
ты сама, удостоенная лёгкой кончины, расскажешь Семеле,
какой опасностью обернулась для тебя твоя красота,
и она, испытавшая это на собственном опыте, поверит твоим словам.
Среди Меонийских героинь не найдётся ни одной,
которая не уступила бы тебе первого места.
А пока ты больна, насколько это в твоих силах, не противься судьбе:
бог непостоянен — проходит и самый чёрный день.
Тогда, Юпитер, на тебя не стала бы сердиться и ревнивая Юнона —
и она не останется безучастной, если погибает девушка.
Падает от усталости волшебный волчок, крутившийся под звук
заклинаний, сожжённый лист лавра лежит на потухшей жаровне,
луна отказывается сходить с небес уже в который раз,
и недоброе предвещает крик чёрной птицы.
Скоро одна роковая ладья, распустив тёмные паруса,
понесёт нашу общую любовь по подземному потоку.
Юпитер, если не жаль тебе одной, смилуйся над обоими:
она будет жить — и я тоже; погибнет она — конец и мне.
Если моё желание будет исполнено — обрекаю себя священному обету:
я напишу: «Девушка жива и здорова благодаря великому Юпитеру».
А она сядет у твоих ног, совершая жертвоприношение,
и, сидя, расскажет тебе о своих злоключениях.
Также и ты, Персефона, не оставь её своей милостью,
и ты, Персефонин супруг, не будь к ней слишком жесток.
Столько прекрасных девушек в ваших подземных владениях —
так пусть хоть одна красавица останется у нас на земле.
С вами — Антиопа, с вами — светлокожая Тиро,
с вами — Европа и отбросившая стыд Пасифая,
и все красавицы, сколько их породил древний Крит, сколько Ахея,
Фивы и до основания разрушенное царство старца Приама:
и Римские девушки, способные с ними сравниться,
которые уже мертвы — все они стали добычей жадного костра.
Никто не обладает ни вечной красотой, ни постоянным счастьем:

longius aut propius mors sua quemque manet.
tu quoniam es, mea lux, magno dimissa periclo,
munera Dianae debita redde choros,
redde etiam excubias divae nunc, ante iuvencae;
votivas noctes et mihi solve decem!

29

Hesterna, mea lux, cum potus nocte vagarer,
nec me servorum duceret ulla manus,
obvia nescio quot pueri mihi turba minuta
venerat (hos vetuit me numerare timor);
quorum alii faculas, alii retinere sagittas,
pars etiam visa est vincla parare mihi.
sed nudi fuerant. quorum lascivior unus,
«Arripite hunc», inquit, «nam bene nostis eum.
hic erat, hunc mulier nobis irata locavit».
dixit, et in collo iam mihi nodus erat.
hic alter iubet in medium propellere, at alter,
«Intereat, qui nos non putat esse deos!
haec te non meritum totas exspectat in horas:
at tu nescio quas quaeris, inepte, foris.
quae cum Sidoniae nocturna ligamina mitrae
solverit atque oculos moverit illa gravis,
afflabunt tibi non Arabum de gramine odores,
sed quos ipse suis fecit Amor manibus.
parcite iam, fratres, iam certos spondet amores;
et iam ad mandatam venimus ecce domum».
atque ita mi iniecto dixerunt rursus amictu:
«I nunc et noctes disce manere domi».
mane erat, et volui, si sola quiesceret illa,
visere: at in lecto Cynthia sola fuit.
obstipui: non illa mihi formosior umquam
visa, neque ostrina cum fuit in tunica,
ibat et hinc castae narratum somnia Vestae,
neu sibi neve mihi quae nocitura forent:
talis visa mihi somno dimissa recenti.
heu quantum per se candida forma valet!
«Quid tu matutinus», ait, «speculator amicae?
me similem vestris moribus esse putas?
non ego tam facilis: sat erit mihi cognitus unus,
vel tu vel si quis verior esse potest.

раньше ли, позже — каждого подстерегает своя смерть.
Ты же, мой свет, избавившись от тяжёлой опасности,
устрой в честь Дианы должный хоровод;
соверши священное бодрствование в честь богини, которая некогда
была коровой; но посвяти и мне десять обетованных ночей!

29

Вчерашней ночью, мой свет, когда я бродил пьяный
и свита рабов не сопровождала меня, — навстречу мне,
откуда ни возьмись, — воинственная толпа мальчишек —
от страха я даже не смог сосчитать, сколько их было;
одни были вооружены факелами, другие — стрелами,
а кто-то, кажется, нёс для меня оковы.
Они были голыми. И вот самый дерзкий из толпы
говорит: «Хватайте его! Вам ли его не знать? Это он!
Тот самый, которого заказала нам обиженная женщина».
Едва он промолвил это — узел был затянут у меня на шее.
Тогда другой велел окружить меня и вытолкать на середину,
а ещё один воскликнул: «Смерть ему — он не считает нас за богов.
Она ждёт тебя — чего ты вовсе не стоишь — часы напролёт,
а ты, дурак, ищешь непонятно чью дверь!
Когда она развяжет ночную тесьму Сидонской митры
и обернёт на тебя глаза, тяжёлые от сна,
на тебя повеют не ароматы Арабских трав,
а те, которые собственноручно приготовил Амур.
Пощаду ему, братья, он обещает быть верным в любви:
а теперь пойдёмте к дому, к которому велено».
Они вновь набросили на меня плащ и сказали:
«Иди и научись по ночам сидеть дома!»
Было раннее утро, и я хотел посмотреть, одна ли
она спит: и Кинфия была на ложе одна.
Я онемел: никогда она не казалась мне прекраснее,
даже когда надевала пурпурную тунику,
отправляясь поведать о своих снах девственной Весте,
чтобы те не повредили ни ей, ни мне;
такой она мне показалась, только что встав ото сна:
ах, как прекрасна естественная красота!
«Ну чего ты, — сказала она мне, — приходишь спозаранку
подсматривать за подругой? Думаешь, мои нравы похожи на ваши?
Я не так легкомысленна: хватит с меня и одного — тебя,
или кого-нибудь, ещё более верного, чем ты!

apparent non ulla toro vestigia presso,
signa volutantis nec iacuisse duos.
aspice ut in toto nullus mihi corpore surgat
spiritus admisso notus adulterio».
dixit, et opposita propellens savia dextra
prosilit in laxa nixa pedem solea.
sic ego tam sancti custos excludor amoris:
ex illo felix nox mihi nulla fuit.

30

Quo fugis, a demens? nulla est fuga: tu licet usque
ad Tanain fugias, usque sequetur Amor.
non si Pegaseo vecteris in aere dorso,
nec tibi si Persei moverit ala pedes,
vel si te sectae rapiant talaribus aurae,
nil tibi Mercurii proderit alta via.
instat semper Amor supra caput, instat amanti
et gravis ipsa super libera colla sedet.
excubat ille acer custos et tollere numquam
te patietur humo lumina capta semel.
et iam si pecces, deus exorabilis ille est,
si modo praesentis viderit esse preces.
ista senes licet accusent convivia duri:
nos modo propositum, vita, teramus iter.
illorum antiquis onerantur legibus aures:
hic locus est in quo, tibia docta, sones,
quae non iure vado Maeandri iacta natasti,
turpia cum faceret Palladis ora tumor.
non tamen immerito! Phrygias nunc ire per undas
et petere Hyrcani litora nota maris,
spargere et alterna communis caede Penatis
et ferre ad patrios praemia dira Lares!
una contentum pudeat me vivere amica?
hoc si crimen erit, crimen Amoris erit:
mi nemo obiciat! libeat tibi, Cynthia, mecum
rorida muscosis antra tenere iugis.
illic aspicies scopulis haerere Sorores
et canere antiqui dulcia furta Iovis,
ut Semela est combustus, ut est deperditus Io,
denique ut ad Troiae tecta volarit avis.
quod si nemo exstat qui vicerit Alitis arma,

Видишь, на постели нет следов другого мужчины,
и не скажешь, что двое сплетались на ней телами.
Ну, смотри: я дышу ровно, не так,
как бывает после тайной измены».
И сказав это, она заслонилась от моих поцелуев
и вскочила с постели, поспешно надевая сандалии.
А теперь мне, стражу столь целомудренной любви, нет хода:
с тех пор я не провёл ни одной радостной ночи.

30

Куда ты бежишь, сумасшедшая? — ведь некуда! доберись хоть до Танаиса,
и до Танаиса за тобою последует Амур.
Тебе не уйти, даже если ты оседлаешь Пегасову спину,
а твоим ногам придут на помощь Персеевы крылья;
напрасно подхватят тебя пернатые сандалии, рассекающие воздух, —
тебя не спасёт высокий Меркуриев путь.
Амур всегда за тобою — нависает над головой, наступает на пятки
и клонит к земле своей тяжестью шею свободного.
Он вечно бодрствует, бдительный страж, и взяв тебя в плен,
уже не позволит даже глаз поднять от земли.
Но если согрешишь, этот бог не глух к мольбам,
если только почувствует их настоятельность.
Пусть иссохшие старцы винят нас за наши пиры:
мы, жизнь моя, пойдём по предназначенному пути.
Их уши законопачены законами седой древности —
а здесь ждут твоих песен, искусная флейта,
неправедно брошенная в волны Меандра за то,
что надутые щёки Паллады повредили её красоте.
Однако ж по заслугам! Теперь ступай по Фригийским водам
к знаменитым берегам Гирканского моря,
обагри взаимной резнёй общих Пенатов
и принеси жестокую добычу отеческим Ларам!
Неужели я постыжусь жить, довольствуясь одной только подругой?
Если это преступление, то виновник Амур.
И не нужно меня порицать! Лишь бы ты, Кинфия, согласилась
жить со мною в росистой пещере среди мшистых утёсов.
Здесь ты увидишь, как на скалах показываются девять сестёр
и воспевают древние похождения нежного Юпитера,
как его жёг огонь любви к Семеле, как он пропал из-за Ио,
как, обернувшись птицей, летел к кровлям Троянских жилищ.
Если нет никого, кто одолел бы оружие крылатого бога,

communis culpae cur reus unus agor?
nec tu Virginibus reverentia moveris ora:
hic quoque non nescit, quid sit amare, chorus;
si tamen Oeagri quaedam compressa figura
Bistoniis olim rupibus accubuit.
hic ubi te prima statuent in parte choreae
et medius docta cuspide Bacchus erit,
tum capiti sacros patiar pendere corymbos:
nam sine te nostrum non valet ingenium.

31

Quaeris, cur veniam tibi tardior? aurea Phoebi
porticus a magno Caesare aperta fuit.
tanta erat in speciem Poenis digesta columnis,
inter quas Danai femina turba senis.
†hic equidem Phoebo† visus mihi pulchrior ipso
marmoreus tacita carmen hiare lyra;
atque aram circum steterant armenta Myronis,
quattuor artifices, vivida signa, boves.
tum medium claro surgebat marmore templum,
et patria Phoebo carius Ortygia:
in quo Solis erat supra fastigia currus
et valvae, Libyci nobile dentis opus;
altera deiectos Parnasi vertice Gallos,
altera maerebat funera Tantalidos.
deinde inter matrem deus ipse interque sororem
Pythius in longa carmina veste sonat.

32

Qui videt, is peccat: qui te non viderit, ergo
non cupiet: facti lumina crimen habent.
nam quid Praenesti dubias, o Cynthia, sortis,
quid petis Aeaei moenia Telegoni?
cur ita te Herculeum deportant esseda Tibur?
Appia cur totiens te via Lanuvium?
hoc utinam spatiere loco, quodcumque vacabis,
Cynthia! sed tibi me credere turba vetat,
cum videt accensis devotam currere taedis
in nemus et Triviae lumina ferre deae.
scilicet umbrosis sordet Pompeia columnis

то почему я один повинен в преступлении, которое совершают все?
Едва ли ты, Кинфия, смутишь стыдливость целомудренных Дев:
их хороводу тоже хорошо знакома любовь,
если некогда одну из них покорила красота Эагра,
и она разделила с ним ложе на Бистонийских утёсах.
Здесь, когда тебе отведут первое место в хороводе,
в середине которого будет Вакх с искусным тирсом,
я почувствую на своей голове священный плющ —
наш талант без тебя бессилен.

31

Ты спрашиваешь, почему я прихожу к тебе с опозданием? —
по воле великого Цезаря открылся золотой Фебов портик.
Что за пунийские колонны! как они ровно стоят!
А между ними толпятся дочери старца Даная.
Мраморный же Феб, чья песнь застыла на струнах безмолвной лиры,
наверняка ещё прекраснее, чем настоящий…
Вокруг самого алтаря стоит Миронов скот,
четыре искусно выполненные коровы — словно живые.
В середине возвышается храм из светлого мрамора —
думаю, Фебу он милее родной Ортигии —
его кровлю украшает колесница Солнца,
а створки ворот отделаны благородной Ливийской костью.
На одной из них — Галлы, отражённые от Парнасской вершины,
на другой — плачевная гибель Танталидов.
Затем — между матерью и сестрой — сам Пифийский бог,
облачённый в длинную одежду и исполняющий песни.

32

Всякий, кто тебя видит, грешит! А если и найдётся тот, кто тебя не желает,
значит, он тебя не видел: в этом деле виновники преступления — глаза.
Зачем тебе, Кинфия, искать сомнительные жребии в Пренесте,
зачем спешить к стенам Ээйского Телегона?
Почему твой стремительный экипаж везет тебя в Геркулесов Тибур,
а частенько и по Аппиевой дороге — в Ланувий?
Ах, Кинфия! Если бы ты и впрямь тратила всё своё свободное время
на невинные прогулки в этих краях! Но как я могу тебе верить,
когда многие видели, как ты благоговейно бежишь в рощу
с зажжёнными факелами и подносишь светочи богине Тривии.
Так, стало быть, заброшен тенистый Помпеев портик с колоннами,

porticus, aulaeis nobilis Attalicis,
et platanis creber pariter surgentibus ordo,
flumina sopito quaeque Marone cadunt,
et leviter nymphis toto crepitantibus orbe
cum subito Triton ore recondit aquam.
falleris, ista tui furtum via monstrat amoris:
non urbem, demens, lumina nostra fugis!
nil agis, insidias in me componis inanis,
tendis iners docto retia nota mihi.
sed de me minus est: famae iactura pudicae
tanta tibi miserae, quanta meretur, erit.
nuper enim de te nostras †me laedit† ad auris
rumor, et in tota non bonus urbe fuit.
sed tu non debes inimicae c[r]edere linguae:
semper formosis fabula poena fuit.
non tua deprenso damnata est fama veneno:
testis eris puras, Phoebe, videre manus.
sin autem longo nox una aut altera lusu
consumpta est, non me crimina parva movent.
Tyndaris externo patriam mutavit amore
et sine decreto viva reducta domum est.
ipsa Venus fertur corrupta libidine Martis,
nec minus in caelo semper honesta fuit,
quamvis Ida †parim† pastorem dicat amasse
atque inter pecudes accubuisse deam;
hoc et Hamadryadum spectavit turba sororum
Silenique senes et pater ipse chori,
cum quibus Idaeo legisti poma sub antro,
supposita excipiens, Nai, caduca manu.
an quisquam in tanto stuprorum examine quaerit:
«Cur haec tam dives? quis dedit? unde dedit?»
o nimium nostro felicem tempore Romam,
si contra mores una puella facit!
haec eadem ante illam impune et Lesbia fecit:
quae sequitur, certe est invidiosa minus.
qui quaerit Tatios veteres durosque Sabinos,
hic posuit nostra nuper in urbe pedem.
tu prius et fluctus poteris siccare marinos,
altaque mortali deligere astra manu,
quam facere, ut nostrae nolint peccare puellae:
hic mos Saturno regna tenente fuit.
at cum Deucalionis aquae fluxere per orbem

славный своими Атталийскими занавесями,
и частая роща, усаженная стройными платанами,
и водопад уснувшего Марона,
и лёгкий ропот нимф по кругу водоёма,
когда Тритон внезапно останавливает текущую из уст влагу.
Ты ошибаешься: этот путь — улика твоих любовных проделок,
ты бежишь не из города, ты бежишь от наших глаз!
Только всё это без толку, тщетны твои козни против нас,
ты расставляешь сети, мне хорошо уже знакомые.
Но дело здесь даже не во мне… Нечастная! В первую очередь
пострадает — и по заслугам — твоя собственная слава!
Недавно ведь меня обидел дурной слух о тебе —
но, достигнув наших ушей, он прошёл и по всему городу.
Но тебе не след уступать враждебным языкам:
молва — вечное наказание прекрасных девушек.
Ведь даже не обнаруженный с поличным яд повредил твоей славе:
Феб, ты будь свидетелем чистоты её рук!
Что же до двух-трёх ночей, проведённых в забавах,
то лёгкие прегрешения меня не особенно волнуют.
Тиндарида покинула отечество ради любви к чужеземцу —
но не убили же её, не судили, а живой вернули домой!
Говорят, и саму Венеру соблазнила страсть к Марсу,
но на небесах её почёт от того не уменьшился,
пусть даже Ида и утверждает, что она влюбилась
в пастуха Париса и сочеталась с ним среди пасущихся стад.
Это видели и сёстры-Гамадриады,
и старцы Силены, и сам предводитель хоровода,
вместе с которыми ты, Наяда, собирала яблоки под Идейскими утёсами,
подставляя руки и ловя падающие плоды на лету.
Будет ли кто в таком множестве любовных грехов расследовать:
«Откуда у неё такое богатство? кто дал? почему дал?»
Да, у нас теперь такие времена, что если только одна девушка
грешит против нравственности, так это счастье для Рима!
Ведь до неё то же самое безнаказанно вытворяла Лесбия!
Без сомнения, эта её последовательница менее заслуживает ненависти.
Кто ищет у нас древних Тациев и суровых Сабинян,
наверняка недавно остановился в нашем городе.
Ты скорее иссушишь морскую влагу и смертною
рукой снимешь звёзды с небесной высоты,
чем заставишь наших девушек отказаться от любовных похождений:
таков был их нрав ещё в те времена, когда царствовал Сатурн.
И когда Девкалионов потоп распространился по земле,

et post antiquas Deucalionis aquas,
dic mihi, quis potuit lectum servare pudicum,
quae dea cum solo vivere sola deo?
uxorem quondam magni Minois, ut aiunt,
corrupit torvi candida forma bovis;
nec minus aerato Danae circumdata muro
non potuit magno casta negare Iovi.
quod si tu Graias es tuque imitata Latinas,
semper vive meo libera iudicio!

33a

Tristia iam redeunt iterum sollemnia nobis:
Cynthia iam noctes est operata decem.
atque utinam pereant, Nilo quae sacra tepente
misit matronis Inachis Ausoniis!
quae dea tam cupidos totiens divisit amantis,
quaecumque illa fuit, semper amara fuit.
tu certe Iovis occultis in amoribus, Io,
sensisti multas quid sit inire vias,
cum te iussit habere puellam cornua Iuno
et pecoris duro perdere verba sono.
a quotiens quernis laesisti frondibus ora,
mandisti <et> stabulis arbuta pasta tuis!
an, quoniam agrestem detraxit ab ore figuram
Iuppiter, idcirco facta superba dea es?
an tibi non satis est fuscis Aegyptus alumnis?
cur tibi tam longa Roma petita via?
quidve tibi prodest viduas dormire puellas?
sed tibi, crede mihi, cornua rursus erunt,
aut nos e nostra te, saeva, fugabimus urbe:
cum Tiberi Nilo gratia nulla fuit.
at tu, quae nostro nimium placata dolore es,
noctibus his vacui, ter faciamus iter.

33b

Non audis et verba sinis mea ludere, cum iam
flectant Icarii sidera tarda boves.
lenta bibis: mediae nequeunt te frangere noctes.
an nondum est talos mittere lassa manus?
a pereat, quicumque meracas repperit uvas

и после древнего Девкалионова потопа,
скажи мне, кто сумел сохранить ложе в целомудрии
и какая богиня жила одна с одним только богом?
Говорят, что когда-то супругу великого Миноса
соблазнила блистательная красота свирепого быка;
не менее того и Даная, в окружении медных стен, не смогла
сохранить свой стыд и отказать великому Юпитеру.
Потому можешь подражать хоть Гречанкам, хоть Латинянкам;
а по мне, так живи свободно, как хочешь!

33a

Ну вот, опять к нам вернулись печальные ежегодные торжества,
и Кинфия занята ими уже десять ночей напролёт.
Пропади ты пропадом, Инахида! ты и твои таинства,
прибывшие к жёнам Авзонии с тёплых берегов Нила!
Богиня — вечная разлучница жадных влюблённых,
кем бы она ни была, всё одно — суровая богиня.
Не сомневаюсь, Ио, что и ты, тайная возлюбленная Юпитера,
постигла на собственном опыте, что значит исходить множество дорог,
когда, по воле Юноны, твою девичью голову увенчали рога,
а человеческая речь превратилась в коровье мычание.
Ах! как часто ты ранила себе губы дубовой листвой
и, стоя в стойле, с трудом пережёвывала побеги земляничного дерева!
Неужели оттого, что Юпитер совлёк с тебя звериное обличье,
ты стала столь надменной богиней?
Или мало тебе смуглолицых питомцев Египта?
Зачем тебе приходить так далеко — в Рим?
Что пользы в том, что девушки спят одиноко?
Так, поверь мне, у тебя снова будут рога
или за твою жестокость мы изгоним тебя из нашего города:
нет и не будет дружбы между Тибром и Нилом.
А ты, по чьей милости мы терпели столь жестокую обиду, —
дождавшись конца этих ночей, мы трижды совершим путь любви!

33b

Ты не слушаешь меня и воспринимаешь мои слова как игру;
а ведь Икаровы быки уже поворачивают свои медленные звёзды.
Ты пьёшь неторопливо: неужели и полночь не может
с тобой справиться? Как твоя рука не устала бросать кости?
Пусть пропадёт тот, кто открыл пьянящую силу лозы

corrupitque bonas nectare primus aquas!
Icare, Cecropiis merito iugulate colonis,
pampineus nosti quam sit amarus odor!
tuque o Eurytion vino Centaure peristi,
nec non Ismario tu, Polypheme, mero.
vino forma perit, vino corrumpitur aetas,
vino saepe suum nescit amica virum.
me miserum, ut multo nihil est mutata Lyaeo!
iam bibe: formosa es: nil tibi vina nocent!
cum tua praependent demissae in pocula sertae
et mea deducta carmina voce legis,
largius effuso madeat tibi mensa Falerno,
spumet et aurato mollius in calice.
nulla tamen lecto recipit se sola libenter:
est quiddam, quod vos quaerere cogat Amor.
semper in absentis felicior aestus amantis:
elevat assiduos copia longa viros.

34

Cur quisquam faciem dominae iam credat Amori?
sic erepta mihi paene puella mea est.
expertus dico, nemo est in amore fidelis:
formosam raro non sibi quisque petit.
polluit ille deus cognatos, solvit amicos
et bene concordis tristia ad arma vocat.
hospes in hospitium Menelao venit adulter:
Colchis et ignotum nonne secuta virum est?
Lynceu, tune meam potuisti, perfide, curam
tangere? nonne tuae tum cecidere manus?
quid si non constans illa et tam certa fuisset?
posses in tanto vivere flagitio?
tu mihi vel ferro pectus vel perde veneno:
a domina tantum te modo tolle mea!
te socium vitae, te corporis esse licebit,
te dominum admitto rebus, amice, meis:
lecto te solum, lecto te deprecor uno:
rivalem possum non ego ferre Iovem.
ipse meae solus, quod nil est, aemulor umbras,
stultus, quod stulto saepe timore tremo.
una tamen causa est, cur crimina tanta remitto,
errabant multo quod tua verba mero.

и первым испортил её соком добрую воду!
Поделом тебя, Икар, растерзали Кекроповы земледельцы:
ты узнал, как горек запах виноградных ягод.
И ты, кентавр Эвритион, погиб от вина,
и тебя, Полифем, не пощадил крепкий Исмарийский напиток.
От вина исчезает красота, погибает юность,
Из-за вина подруга не узнает своего мужа.
Ах я несчастный! Столько Лиэя, а тебе хоть бы что!
Ладно уж, пей; ты прекрасна! Вино тебе не вредит.
Когда венок свешивается уже на край чаши
и ты вполголоса читаешь мои стихи,
пусть будет обильнее Фалернский напиток на твоём столе,
пусть нежнее пенится в позолоченном кубке.
И всё-таки ни одна из вас по своей воле не ляжет в постель одна:
есть кое-что, чего вы домогаетесь по веленью Амура.
А ваш пыл жарче тогда, когда возлюбленного нет рядом —
долгая привычка обесценивает поднадоевшего юношу.

34

Зачем вверять красоту своей госпожи Амуру?
Так у меня чуть не похитили мою девушку. Говорю, наученный
горьким опытом, — в любви нет дружеской верности: редко когда
найдёшь такого, кто не стремился бы завладеть красавицей.
Этот бог оскверняет родство, губит приязнь и заставляет
прежних союзников обращать оружие друг против друга.
Соблазнитель пришёл гостем к гостеприимному Менелаю —
и разве Колхидянка не последовала в путь за незнакомцем?
Линкей, коварный, и ты смог прикоснуться
к моей любви? И как только руки у тебя не отсохли?
Ну а если бы не её постоянство, не её верность?
Так бы ты и жил с таким пятном?
Лучше пронзи мне грудь клинком, дай мне яду —
не прикасайся только к моей госпоже!
Если хочешь, я стану твоим и душой и телом,
будь единственным судьёй во всех моих делах —
одного только ложа, прошу тебя, не трогай:
я не стал бы терпеть соперничества и со стороны Юпитера.
Даже наедине с собой я ревную к собственной тени,
к пустоте, и часто, глупец, дрожу от глупого страха.
Лишь одно заставляет меня быть снисходительным
к твоей вине — твой язык заплетался от обильного вина.

sed numquam vitae fallet me ruga severae:
omnes iam norunt quam sit amare bonum.
Lynceus ipse meus seros insanit amores!
solum te nostros laetor adire deos.
quid tua Socraticis tibi nunc sapientia libris
proderit aut rerum dicere posse vias?
aut quid †erechti† tibi prosunt carmina lecta?
nil iuvat in magno vester amore senex.
tu †satius memorem musis† imitere Philitan
et non inflati somnia Callimachi.
nam rursus licet Aetoli referas Acheloi,
fluxerit ut magno f<r>actus amore liquor,
atque etiam ut Phrygio fallax Maeandria campo
errat et ipsa suas decipit unda vias,
qualis et Adrasti fuerit vocalis Arion,
tristia ad Archemori funera victor equus:
†non amphiareae prosint tibi† fata quadrigae
aut Capanei magno grata ruina Iovi.
desine et Aeschyleo componere verba coturno,
desine, et ad mollis membra resolve choros!
incipe iam angusto versus includere torno,
inque tuos ignis, dure poeta, veni!
tu non Antimacho, non tutior ibis Homero:
despicit et magnos recta puella deos.
harum nulla solet rationem quaerere mundi,
nec cur fraternis Luna laboret equis,
nec si post Stygias aliquid restabit †erumpnas†,
nec si consulto fulmina missa tonent.
sed non ante gravi[s] taurus succumbit aratro,
cornua quam validis haeserit in laqueis,
nec tu tam duros per te patieris amores:
trux tamen a nobis ante domandus eris.
aspice me, cui parva domi fortuna relicta est,
nullus et antiquo Marte triumphus avi,
ut regnem mixtas inter conviva puellas
hoc ego, quo tibi nunc elevor, ingenio!
me iuvet hesternis positum languere corollis,
quem tetigit iactu certus ad ossa deus;
Actia Vergiliu<m> custodis litora Phoebi,
Caesaris et fortis dicere posse ratis,
qui nunc Aeneae Troiani suscitat arma
iactaque Lavinis moenia litoribus.

Меня не проведут и твои морщины, свидетельницы
суровой жизни: всем ведомо, как приятна любовь.
Мой Линкей, и тот безумствует в запоздалой любви!
Я только рад тому, что и ты приходишь поклониться нашим богам.
Ну и чем помогла тебе мудрость, вычитанная из Сократических книг,
или умение рассуждать о природе вещей?
Что толку, что ты знаешь стихи, написанные земляком Эрехтея?
В великой любви ваш старец бесполезен.
Ты скорее уж подражай Филиту, памятному Музам,
или сновидениям чуждого высокопарности Каллимаха.
Можешь снова рассказать об Этолийце Ахелое,
как текут его струи, поражённые великой любовью,
а также, как блуждает обманчивая Меандрова волна
по Фригийским равнинам, пряча от себя собственные стези,
расскажи про Ариона, про говорящего Адрастова коня,
победившего на печальных состязаниях в честь Архемора;
не поможет тебе судьба Амфиараевой квадриги
и крушение Капанея — радость великого Юпитера.
Брось сочинять поэмы, надев Эсхилов котурн,
брось и освободи тело для нежных хороводов.
Начни обтачивать свои стихи тонким резцом,
от суровых песней, поэт, обратись к своему пламени! Твой путь
не станет надёжнее, если возьмёшь в провожатые Антимаха или даже
Гомера: настоящая девушка свысока смотрит и на великих богов.
Ни одна из них не станет спрашивать ни о законах, управляющих миром,
ни о причине ущерба Луны от колесницы её брата, ни о том, остаётся ли
от нас хоть что-нибудь, когда мы пересекаем Стигийскую волну,
ни о том, намеренно ли посылаются нам молнии с громом.
Впрочем, и бык не покоряется бремени плуга,
пока его рога не застрянут в прочной петле;
так и ты не сможешь один переносить жестокую любовь,
прежде нам нужно укротить твоё бешенство.
Взгляни не меня: предки оставили мне скромное наследство,
никто из моих дедов не справлял в древности воинственных триумфов,
но какова моя власть на пиру среди девушек —
и всё благодаря таланту, который так роняет меня в твоих глазах!
Мне любо лежать, нежась, на вчерашних венках,
и ощущать в своём теле стрелу меткого бога,
а Вергилию — рассказывать о берегах Акциума,
охраняемых Фебом, и об отважных моряках Цезаря.
Ныне он оживляет бранную славу Троянца Энея
и стены Лавиния, воздвигнутые на морском берегу.

cedite Romani scriptores, cedite, Grai!
nescio quid maius nascitur Iliade.
tu canis umbrosi subter pineta Galaesi
Thyrsin et attritis Daphnin harundinibus,
utque decem possint corrumpere mala puellas
missus et impressis haedus ab uberibus.
felix, qui vilis pomis mercaris amores!
huic licet ingratae Tityrus ipse canat.
felix intactum Corydon qui temptat Alexin
agricolae domini carpere delicias!
quamvis ille sua lassus requiescat avena,
laudatur facilis inter Hamadryadas.
tu canis Ascraei veteris praecepta poetae,
quo seges in campo, quo viret uva iugo.
tale facis carmen docta testudine, quale
Cynthius impositis temperat articulis.
non tamen haec ulli venient ingrata legenti,
sive in amore rudis sive peritus erit.
nec minor hic animis, [a]ut sit minor ore, canorus
anseris indocto carmine cessit olor.
haec quoque perfecto ludebat Iasone Varro,
Varro Leucadiae maxima flamma suae;
haec quoque lascivi cantarunt scripta Catulli,
Lesbia quis ipsa notior est Helena;
haec etiam docti confessast pagina Calvi,
cum caneret miserae funera Quintiliae.
et modo formosa quam multa Lycoride Gallus
mortuus inferna vulnera lavit aqua!
Cynthia †quin etiam† versu laudata Properti,
hos inter si me ponere Fama volet.

Уступите дорогу, Римские писатели, уступите и вы, Греки:
здесь рождается нечто большее, чем Илиада.
Ты воспеваешь под сенью сосновых рощ у берегов Галеза
Тирсиса и Дафниса на видавшей виды флейте,
поёшь и о том, как десять яблок или козлёнок, отнятый
от набухшего материнского вымени, могут соблазнить девушку.
Счастливчик — тебе любовь стоит дёшево, ты можешь купить
её за яблоки! А этой неблагодарной — пой хоть сам Титир!
Счастливчик и Коридон, соблазняющий нетронутого Алексиса —
чтобы похитить утеху сельского господина.
Хотя он, устав от игры на флейте, отдыхает,
похвалы ему не смолкают среди легкомысленных Гамадриад.
Ты вторишь в своих стихах наставлениям Аскрейского поэта,
в каком поле лучше себя чувствует злак, на каком хребте — лоза,
и такими искусными песнями звучит твоя лира-черепаха,
словно сам Кинфий касается её перстами.
Однако и эти стихи придутся по вкусу читателю,
независимо от того, новичок он в любви или опытен.
Певчий лебедь уступил неискусному гусиному крику —
но, не будучи столь громок, он не уступит ему во вдохновении.
Завершив своего Язона, Варрон не отказывался от таких игр, —
Варрон, жгучее пламя его Левкадии;
О том же рассказывают стихи распалённого Катулла,
который сделал Лесбию более знаменитой, чем Елена;
эти же признания звучали со страниц искусного Кальва,
когда он пел о смерти несчастной Квинтилии,
и недавно похищенный смертью Галл — сколько ран, нанесённых
прекрасной Ликоридой, омыла ему вода подземных рек!
Но и Кинфия — если молва причислит меня к этим певцам —
стяжает вечную славу благодаря стихам Проперция.

LIBER TERTIUS

1

Callimachi Manes et Coi sacra Philitae,
in vestrum, quaeso, me sinite ire nemus!
primus ego ingredior puro de fonte sacerdos
Itala per Graios orgia ferre choros.
dicite, quo pariter carmen tenuastis in antro?
quove pede ingressi? quamve bibistis aquam?
a valeat, Phoebum quicumque moratur in armis!
exactus tenui pumice versus eat,
quo me Fama levat terra sublimis, et a me
nata coronatis Musa triumphat equis,
et mecum in curru parvi vectantur Amores,
scriptorumque meas turba secuta rotas.
quid frustra missis in mecum certatis habenis?
non datur ad Musas currere lata via.
multi, Roma, tuas laudes annalibus addent,
qui finem imperii Bactra futura canent:
sed, quod pace legas, opus hoc de monte Sororum
detulit intacta pagina nostra via.
mollia, Pegasides, date vestro serta poetae:
non faciet capiti dura corona meo.
at mihi quod vivo detraxerit invida turba,
post obitum duplici faenore reddet Honos;
omnia post obitum fingit maiora vetustas:
maius ab exsequiis nomen in ora venit.
nam quis equo pulsas abiegno nosceret arces,
fluminaque Haemonio comminus isse viro,
Idaeum Simoenta Iovis cum prole Scamandro,
Hectora per campos ter maculasse rotas?
Deiphobumque Helenumque et Pulydamanta et in armis
qualemcumque Parim vix sua nosset humus.
exiguo sermone fores nunc, Ilion, et tu,
Troia, bis Oetaei numine capta dei.
nec non ille tui casus memorator Homerus
posteritate suum crescere sensit opus.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Каллимаховы Маны и святыни Косского Филита,
молю вас, позвольте мне войти в вашу рощу!
Я первым прихожу, жрец прозрачного источника,
чтобы воплотить Италийские таинства в Греческих хороводах.
Скажите, в какой пещере вы так отточили свой стих?
Как вы туда вошли? Какую воду пришлось вам пить?
Ах! Распрощаемся с теми, кто держит Феба в военном лагере!
Стих должен быть до блеска отполирован гладкой пемзой:
и тогда Молва вознесёт меня над землей, а Муза, рождённая мною,
будет праздновать триумф на колеснице с венценосными конями;
на ней вместе со мной понесутся маленькие Амуры,
а за нашими колёсами будет гнаться толпа поэтов.
Что вы состязаетесь со мной? — это напрасно, хоть скачите
во весь опор! Путь Муз неширок и открыт немногим.
Пусть те, кто воспевает Бактры как грядущий предел державы,
хвалят тебя, Рим, в своих анналах — таких немало,
но этот труд (да прочтёшь ты его в мире) с горы девяти Сестёр
сошёл на наши страницы по нехоженой дороге.
Итак, Пегасиды, возложите на вашего поэта нежный венец:
для моей головы жёсткий венок не подходит.
Но чего завистливая толпа лишит меня при жизни —
то с двойной прибылью мне посмертно возместит Честь.
Посмертно всё минувшее представляется величественнее —
после похорон твоё имя произносят с большей важностью.
Ведь кто бы знал о твердыне, сокрушённой деревянным конём,
о том, как реки, Идеец Симоис и потомок Юпитера Скамандр,
схватились врукопашную с Гемонийским героем, и о том,
как тело Гектора окровавило колесницу в троекратном беге?
Деифоб, Гелен, Пулидамант и Парис — каков бы он ни был в бою —
о них едва бы слышали и у них на родине.
Не говорили бы теперь о тебе, Илион, и о тебе, Троя,
дважды взятая по воле Этейского бога.
Да и самому Гомеру, рассказавшему о превратностях твоей судьбы,
довелось увидеть, как растёт его слава с течением времени.

meque inter seros laudabit Roma nepotes:
illum post cineres auguror ipse diem.
ne mea contempto lapis indicet ossa sepulcro,
provisum est Lycio vota probante deo.

2

Carminis interea nostri redeamus in orbem:
gaudeat ut solito tacta puella sono.
Orphea detinuisse feras et concita dicunt
flumina Threicia sustinuisse lyra;
saxa Cithaeronis Thebanam agitata per artem
sponte sua in muri membra coisse ferunt;
quin etiam, Polypheme, fera Galatea sub Aetna
ad tua rorantis carmina flexit equos:
miremur, nobis et Baccho et Apolline dextro,
turba puellarum si mea verba colit?
quod non Taenariis domus est mihi fulta columnis,
nec camera auratas inter eburna trabes,
nec mea Phaeac[i]as aequant pomaria silvas,
non operosa rigat Marcius antra liquor;
at Musae comites et carmina cara legenti
nec defessa choris Calliopea meis.
fortunata, meo si qua est celebrata libello!
carmina erunt formae tot monumenta tuae.
nam neque Pyramidum sumptus ad sidera ducti,
nec Iovis Elei caelum imitata domus,
nec Mausolei dives fortuna sepulcri
mortis ab extrema condicione vacant.
aut illis flamma aut imber subducet honores,
annorum aut ictu, pondere victa, ruent.
at non ingenio quaesitum nomen ab aevo
excidet: ingenio stat sine morte decus.

3

Visus eram molli recubans Heliconis in umbra,
Bellerophontei qua fluit umor equi,
reges, Alba, tuos et regum facta tuorum,
tantum operis, nervis hiscere posse meis,
parvaque tam magnis admoram fontibus ora,
unde pater sitiens Ennius ante bibit,

И меня Рим восславит устами поздних потомков —
предвещаю, что по смертном часе настанет этот день.
Не будет предан забвению могильный камень, где лежат мои кости;
так суждено — мне за это поручился Ликийский бог.

2

Вернёмся, между тем, в круг, назначенный для наших песен, —
они тронут девушку, она будет рада услышать привычный звук.
Говорят, Орфей сдерживал ярость зверей
и быстрый бег потоков своей Фракийской лирой;
Киферонова камни, сдвинутые с мест искусной игрой,
сами собой — рассказывают — сложились в Фиванские стены,
и даже Галатея, о Полифем, под отрогами дикой Этны
повернула влажных коней на звуки твоей песни.
Удивительно ли, что мои стихи обрели толпы поклонниц,
если мои союзники — Вакх и Аполлон?
Ну и что, что колонны из Лаконского мрамора не подпирают мой дом,
потолок слоновой кости не блистает меж золочёных балок,
мои фруктовые сады не тягаются с рощами Феаков,
а Марциева влага не орошает искусно высеченные гроты;
зато мои спутницы — Музы, а мои стихи дороги читателю,
и Каллиопа не устаёт от моего хоровода.
Счастлива девушка, которую я прославлю своей книжкой!
Сколько будет стихотворений, столько и памятников твоей красоте.
Ни роскошь пирамид, досягающих до звёзд,
ни храм Юпитера Элейского — соперник самого Олимпа,
ни роскошь и богатство Мавсоловой усыпальницы
не избавлены от смертного часа.
Либо огонь, либо дождь совлекут с них пышность,
либо они рухнут под гнётом лет и собственного бремени.
Славу же, которую стяжал талант, не погубят годы:
блеск таланта не знает смерти.

3

Я видел себя во сне лежащим в прохладной тени Геликона —
там, где течёт ключ, высеченный конём Беллерофонта;
мне казалось, что мои струны могут отважиться на столь великий труд —
воспеть твоих царей, Альба, и деяния твоих царей —
и я приник слабыми устами к великому источнику,
чьей влагой некогда утолял жажду отец Энний,

et cecinit Curios fratres et Horatia pila,
regiaque Aemilia vecta tropaea rate,
victricesque moras Fabii pugnamque sinistram
Cannensem et versos ad pia vota deos,
Hannibalemque Lares Romana sede fugantis,
anseris et tutum voce fuisse Iovem:
cum me Castalia speculans ex arbore Phoebus
sic ait aurata nixus ad antra lyra:
«Quid tibi cum tali, demens, est flumine? quis te
carminis heroi tangere iussit opus?
non hic ulla tibi speranda est fama, Properti:
mollia sunt parvis prata terenda rotis;
ut tuus in scamno iactetur saepe libellus,
quem legat exspectans sola puella virum.
cur tua praescriptos evecta est pagina gyro<s>?
non est ingenii cumba gravanda tui.
alter remus aquas alter tibi radat harenas,
tutus eris: medio maxima turba mari est».
dixerat, et plectro sedem mihi monstrat eburno,
quo nova muscoso semita facta solo est.
hic erat affixis viridis spelunca lapillis,
pendebantque cavis tympana pumicibus,
orgia Musarum et Sileni patris imago
fictilis et calami, Pan Tegeaee, tui;
et Veneris dominae volucres, mea turba, columbae
tingunt Gorgoneo punica rostra lacu;
diversaeque novem sortitae iura Puellae
exercent teneras in sua dona manus:
haec hederas legit in thyrsos, haec carmina nervis
aptat, at illa manu texit utraque rosam.
e quarum numero me contigit una dearum
(ut reor a facie, Calliopea fuit):
«Contentus niveis semper vectabere cycnis,
nec te fortis equi ducet ad arma sonus.
nil tibi sit rauco praeconia classica cornu
flare, nec Aonium tingere Marte nemus;
aut quibus in campis Mariano proelia signo
stent et Teutonicas Roma refringat opes,
barbarus aut Suevo perfusus sanguine Rhenus
saucia maerenti corpora vectet aqua.
quippe coronatos alienum ad limen amantis
nocturnaeque canes ebria signa fugae,

прославляя братьев Куриациев и Горациевы копья,
царские трофеи, привезённые на Эмилиевом корабле,
победную медлительность Фабия, несчастную Каннскую битву
и богов, склонившихся к благочестивым обетам,
Ларов, изгнавших Ганнибала из отеческой земли,
и Юпитера, спасённого гусиным криком, —
но Феб, наблюдая за мной из Кастальской рощи,
подошёл к пещере и сказал, опершись на золотую лиру:
«Что тебе за дело, безумный, до этой реки? Кто тебе велел
прикасаться к высокому труду — к героической песни?
Не надейся, Проперций, что здесь твоя слава:
отправляйся на нежные луга в скромной колеснице.
Твоей книжке место на скамейке, где её будет читать
девушка, в одиночестве ожидающая своего друга.
Зачем твоя песнь преступила назначенную черту?
Не след тебе перегружать чёлн своего дарования.
Пусть одно весло бьёт по воде, другое задевает прибрежный песок;
так надёжнее — в середине моря больше смятение».
Так он промолвил и показал мне плектром из слоновой кости
новую тропинку на мшистой почве.
Рядом была зелёная пещера, сложенная из небольших кусков туфа,
где со сводчатого верха свешивались тимпаны, предназначенные
для мусических таинств, была там и глиняная статуэтка,
изображающая отца Силена, а также твоя цевница, Тегейский Пан;
там были и птицы владычицы Венеры — голубки, моя свита,
они мочили пурпурные клювики в Горгониной воде,
и девять дев, получившие по жребию различные права,
занимали нежные руки дарами, которые им достались:
одна рвала плющ для тирса, другая пела песни, подыгрывая себе
на лире, третья обеими руками плела венки из роз.
И вот какая-то из богинь прикоснулась ко мне
(судя по лицу, это была Каллиопа):
«Будь доволен, что белые лебеди понесут твою колесницу,
не позовёт тебя в битву ржанье боевого скакуна,
не для тебя будет петь хриплый рожок, вестник морской победы,
и не тебе — окрашивать бранной кровью рощу Аонид
и рассказывать, на каких полях под знамёнами Мария
Рим сломил в сражении Тевтонские рати,
как варварский Рейн, обагрённый кровью Свевов,
влачил в печальных волнах израненные тела.
Посему воспевай венок влюблённого у чужого порога
и ночные битвы, где рекою льется вино, чтобы

ut per te clausas sciat excantare puellas,
qui volet austeros arte ferire viros».
talia Calliope, lymphisque a fonte petitis
ora Philitea nostra rigavit aqua.

4

Arma deus Caesar dites meditatur ad Indos,
et freta gemmiferi findere classe maris.
magna, viri, merces! parat ultima terra triumphos;
Tigris et Euphrates sub tua iura fluent;
sera, sed Ausoniis veniet provincia virgis;
assuescent Latio Partha tropaea Iovi.
ite agite, expertae bello date lintea prorae
et solitum, armigeri, ducite munus equi!
omina fausta cano: Crassos clademque piate!
ite et Romanae consulite historiae!
Mars pater et sacrae fatalia lumina Vestae,
ante meos obitus sit precor illa dies,
qua videam, spoliis onerato[s] Caesaris axe[s],
ad vulgi plausus saepe resistere equos,
inque sinu carae nixus spectare puellae
incipiam et titulis oppida capta legam,
tela fugacis equi et bracati militis arcus
et subter captos arma sedere duces!
ipsa tuam serva prolem, Venus: hoc sit in aevum,
cernis ab Aenea quod superesse caput.
praeda sit haec illis, quorum meruere labores:
me sat erit Sacra plaudere posse Via.

5

Pacis Amor deus est, pacem veneramur amantes:
sat mihi cum domina proelia dura mea.
nec tamen inviso pectus mihi carpitur auro,
nec bibit e gemma divite nostra sitis,
nec mihi mille iugis Campania pinguis aratur,
nec mixta aera paro clade, Corinthe, tua.
o prima infelix fingenti terra Prometheo!
ille parum caute pectoris egit opus.
corpora disponens mentem non vidit in arte:
recta animi primum debuit esse via.

с твоей помощью тот, кто желает уязвить с помощью искусства
суровых мужей, смог бы выманивать их жён твоими песнями».
Так сказала Каллиопа и, зачерпнув из ручья,
оросила наши уста Филитовой влагой.

4

Бог Цезарь строит планы войны против богатой Индии, желая
вспенить корабельными носами влагу морей, где таятся самоцветы.
Велика будет пожива, Квириты: край земли ждёт
нашего триумфа —нам покорятся воды Тигра и Евфрата.
Поздно, но и там возникнет провинция под властью фасций Авзонии,
и Парфянские трофеи уже не будут редкостью для Латинского Юпитера.
Вперёд, разверните паруса на привыкших к войне кораблях!
Гоните скакунов, опытные оруженосцы, исполняйте свой долг!
Я пою в добрый час: искупите гибель обоих Крассов и их воинов!
Ступайте: Римская история ждёт описания ваших подвигов.
Отец Марс и роковой очаг священной Весты,
молю вас, дайте мне дожить до того дня, когда
я увижу: колесница Цезаря, ломясь от добычи,
часто останавливается под всенародный плеск.
Тогда я обниму мою дорогую девушку, стану рассматривать
всё это и смогу прочитать названия захваченных городов.
Погляжу на стрелы, которые мечет на бегу Парфянский всадник,
одетых в шаровары воинов и пленных вождей, сидящих на своём оружии.
Венера, будь хранительницей своего потомства: выживший род Энея,
на который ты взираешь, да пребудет в вечности.
Пусть эту добычу получат те, кто заслужил её своими трудами:
мне же довольно будет хлопать им на Священной дороге.

5

Амур — бог мира, и мы, влюблённые, почитаем мир:
довольно мне жестоких сражений с моей девушкой.
Золоту завидуют другие, над моим сердцем оно не властно,
и моей жажде не нужно сосудов из дорогого самоцвета.
Бычьи упряжки не распахивают для меня тучные нивы Кампании,
и твоя гибель, Коринф, не обогатила меня, бедного, ценной бронзой.
О, как жестоко ошибся Прометей, когда лепил первую глину, —
создавая наше сердце, он был так неосторожен!
Занимаясь телом, он пренебрёг в своей искусной работе умом:
а прежде всего нужно было бы назначить прямой путь для нашей души.

nunc maris in tantum vento iactamur et hostem
quaerimus atque armis nectimus arma nova.
haud ullas portabis opes Acherontis ad undas,
nudus at inferna[s], stulte, vehere rate[s].
victor cum victis pariter miscebitur umbris:
consule cum Mario, capte Iugurtha, sedes.
Lydus Dulichio non distat Croesus ab Iro:
optima mors, Parcae quae venit acta die.
me iuvet in prima coluisse Helicona iuventa
Musarumque choris implicuisse manus:
me iuvet et multo mentem vincire Lyaeo
et caput in verna semper habere rosa.
atque ubi iam Venerem gravis interceperit aetas,
sparserit et nigras alba senecta comas,
tum mihi naturae libeat perdiscere mores,
quis deus hanc mundi temperet arte domum,
qua venit exoriens, qua deficit, unde coactis
cornibus in plenum menstrua luna redit,
unde salo superant venti, quid flamine captet
Eurus, et in nubes unde perennis aqua,
sit ventura dies mundi quae subruat arces,
purpureus pluvias cur bibit arcus aquas,
aut cur Perrhaebi tremuere cacumina Pindi,
solis et atratis luxerit orbis equis,
cur serus versare boves et plaustra Bootes,
Pleiadum spisso cur coit igne chorus,
curve suos finis altum non exeat aequor,
plenus et in partis quattuor annus eat,
sub terris sint iura deum et tormenta nocentum,
Tisiphones atro si furit angue caput,
aut Alcmaeoniae furiae aut ieiunia Phinei,
num rota, num scopuli, num sitis inter aquas,
num tribus infernum custodit faucibus antrum
Cerberus, et Tityo iugera pauca novem,
an ficta in miseras descendit fabula gentis,
et timor haud ultra quam rogus esse potest.
exitus hic vitae superest mihi: vos, quibus arma
grata magis, Crassi signa referte domum!

Вот нас и швыряют ветры по морским просторам,
и, не закончив один бой, мы замышляем новые.
По водам Ахеронта не увезёшь с собой никаких богатств,
глупец, — на смертном челне ты поплывёшь нагим.
Среди теней бывший победитель ничем не отличается от побеждённого:
и ты, пленник Югурта, будешь сидеть рядом с консулом Марием.
Нет разницы между Иром из Дулихии и Лидийским Крёзом —
лучшая смерть — та, которая придёт в назначенный Паркой день.
В ранней юности мне отрада — гулять на Геликоне
и водить хороводы, держа за руки Муз;
мне отрада — сковывать ум обильным Лиэем,
не снимая с головы венок из весенних роз.
А когда преклонный возраст лишит нас утех Венеры,
когда седая старость окрасит белизной наши волосы,
я с удовольствием займусь изучением природы вещей,
узнаю, что за искусный бог правит мирозданьем,
где его восход, где закат, и почему луна,
соединив свои рога, ежемесячно вновь становится полной,
откуда прилетают ветры, господствующие над морем, и что
своим дуновением похищает Эвр, почему в тучах не иссякает вода
и придёт ли день, который сокрушит твердыню вселенной,
почему разноцветная радуга пьёт дождевую воду
и дрожат вершины Перребийского Пинда,
почему облекается в траур солнечный диск, зачем ему чёрные кони,
почему так неповоротлив Волопас со своей повозкой и быками,
а хоровод Плеяд сходится в плотном огне,
почему море остаётся в своей впадине и не выходит за берега,
а полный год состоит из четырёх частей.
Узнаю также, есть ли под землёй суд богов и мученья виновных,
вьются ли чёрные змеи на голове Тисифоны,
существуют ли Алкмеоновы фурии и голод Финея,
есть ли колесо, утёсы и жажда среди воды,
действительно ли сторожит подземные своды пёс с тремя гортанями,
Цербер, а простёртому Титию не хватает девяти югеров земли,
либо несчастные земные племена обмануты баснями,
и нечего нам бояться после погребального костра.
Закат моей жизни да будет таков — а вы,
кому милее брани, верните домой Крассовы знамёна!

6

Dic mihi de nostra quae sentis vera puella:
sic tibi sint dominae, Lygdame, dempta iuga.
num me laetitia tumefactum fallis inani,
haec referens, quae me credere velle putas?
omnis enim debet sine vano nuntius esse,
maioremque timens servus habere fidem.
nunc mihi, si qua tenes, ab origine dicere prima
incipe: suspensis auribus ista bibam.
sicin eram incomptis vidisti flere capillis?
illius ex oculis multa cadebat aqua?
nec speculum strato vidisti, Lygdame, lecto
scriniaque ad lecti clausa iacere pedes
ac maestam teneris vestem pendere lacertis?
ornabat niveas nullane gemma manus?
tristis erat domus, et tristes sua pensa ministrae
carpebant, medio nebat et ipsa loco,
umidaque impressa siccabat lumina lana,
rettulit et querulo iurgia nostra sono?
«Haec te teste mihi promissa est, Lygdame, merces?
est poena e<t> servo rumpere teste fidem.
ille potest nullo miseram me linquere facto
et qualem nolo dicere habere domi!
gaudet me vacuo solam tabescere lecto:
si placet, insultet, Lygdame, morte mea!
non me moribus illa, sed herbis improba vicit:
staminea rhombi ducitur ille rota;
illum turgentis ranae portenta rubetae
et lecta exsuctis anguibus ossa trahunt
et strigis inventae per busta iacentia plumae
cinctaque funesto lanea vitta toro.
si non vana canunt mea somnia, Lygdame, testor,
poena erit ante meos sera sed ampla pedes,
putris et in vacuo texetur aranea lecto:
noctibus illorum dormiet ipsa Venus».
quae tibi si veris animis est questa puella,
hac eadem rursus, Lygdame, curre via,
et mea cum multis lacrimis mandata reporta,
iram, non fraudes esse in amore meo,
me quoque consimili impositum torquerier igni:
iurabo bis sex integer esse dies.

6

Скажи мне правду, что ты думаешь о нашей девушке,
и да избавишься ты, Лигдам, от ярма твоей госпожи!
Неужели ты стал бы тешить моё самолюбие
приятной ложью, говоря то, чему я, по-твоему, поверю?
Нет, вестник не должен болтать по-пустому,
и больше веры рабу, потому что ему есть чего бояться.
Итак, если знаешь, расскажи мне всё с самого начала —
давай по порядку — а я буду слушать жадным ухом.
Действительно ли ты видел, как она плакала с неубранными волосами?
И так ли был обилен поток слёз из её очей?
Не видел ли ты, Лигдам, зеркала на застеленном ложе,
запертого ларца у ножки кровати
и печальной одежды у неё на плечах?
Был ли драгоценный камень на её белой руке?
Весь дом был погружён в печаль, и печально исполняли
свой урок служанки, посередине пряла она сама,
осушая влажные глаза мотками шерсти,
и горестно причитала, вспоминая нашу ссору — так ли всё это было?
«Так вот, значит, Лигдам, обещанная мне награда?
Даже если свидетель — раб, вероломство заслуживает кары.
Он смог безо всякой причины бросить меня, несчастную,
и сейчас у него в доме не хочу даже говорить кто!
Он рад, что я чахну от одиночества на своей постели —
похоже, Лигдам, что его не смутила бы и моя смерть!
Не нравами, а травами эта коварная победила меня:
им руководит волчок, вращающийся на нитке;
его к ней влечёт слизь распухшей жабы
и собранные кости засушенных змей,
перья сыча, найденные на заброшенном кладбище,
и шерстяная повязка с ложа мертвеца.
Если не врут мои сны, Лигдам, клянусь, его ждёт наказание —
хоть позднее, но в полную меру — и он будет лежать у моих ног.
Паук застелет его постель своей пыльной тканью,
а ночи их любви проспит и сама Венера».
Если на самом деле правдива эта жалоба,
то давай, Лигдам, бегом ступай по той же дороге
и передай ей то, что я скажу, с обильными слезами, —
что в моей любви есть гнев, но нет обмана,
что я мучусь от подобного же пламени и клянусь
не прикасаться ни к одной женщине дважды шесть дней.

quod mihi si e tanto felix concordia bello
exstiterit, per me, Lygdame, liber eris.

7

Ergo sollicitae tu causa, pecunia, vitae!
per te immaturum mortis adimus iter;
tu vitiis hominum crudelia pabula praebes,
semina curarum de capite orta tuo.
tu Paetum ad Pharios tendentem lintea portus
obruis insano terque quaterque mari.
nam dum te sequitur, primo miser excidit aevo
et nova longinquis piscibus esca natat.
et mater non iusta piae dare debita terrae
nec pote cognatos inter humare rogos,
sed tua nunc volucres astant super ossa marinae,
nunc tibi pro tumulo Carpathium omne mare est.
infelix Aquilo, raptae timor Orithyiae,
quae spolia ex illo tanta fuere tibi?
aut quidnam fracta gaudes, Neptune, carina?
portabat sanctos alveus ille viros.
Paete, quid aetatem numeras? quid cara natanti
mater in ore tibi est? non habet unda deos.
nam tibi nocturnis ad saxa ligata procellis
omnia detrito vincula fune cadunt.
reddite corpus humo, posita est in gurgite vita;
Paetum sponte tua, vilis harena, tegas;
et quotiens Paeti transibit nauta sepulcrum,
dicat «Et audaci tu timor esse potes».
ite, rates curvas et leti texite causas:
ista per humanas mors venit acta manus.
terra parum fuerat, fatis adiecimus undas:
Fortunae miseras auximus arte vias.
ancora te teneat, quem non tenuere penates?
quid meritum dicas, cui sua terra parum est?
ventorum est, quodcumque paras: haud ulla carina
consenuit, fallit portus et ipse fidem.
natura insidians pontum substravit avaris:
ut tibi succedat, vix semel esse potest.
sunt Agamemnonias testantia litora curas,
quae notat Argynni poena minantis aquae:
hoc iuvene amisso classem non solvit Atrides,

Так что, Лигдам, если война закончится для меня миром и согласием,
то — насколько смогу — я помогу тебе добиться свободы.

7

Вы, деньги, — причина того, что наша жизнь полна беспокойств!
Ради вас мы стремимся навстречу преждевременной смерти;
вы открываете жестокое поприще человеческим порокам,
и в вас таятся семена наших невзгод.
Вы трижды и четырежды обрушились на Пета безумным штормом,
пока он направлял свои паруса к Фаросу: такой юный,
пока он гнался за вами, он был настигнут смертью,
и вот он в воде — невиданная пища диковинных рыб.
Мать не сможет, как должно, предать земле его прах,
похоронить пепел сына среди родных могил.
Над твоими останками кружатся морские птицы,
и вместо кургана над тобой — все воды Карпафийского моря.
Злосчастный Аквилон, ужас похищенной Орифии,
неужели он для тебя такая завидная добыча?
И тебе ли, Нептун, гордиться, что ты расщепил киль его корабля?
На нём шли по морю благочестивые люди.
К чему теперь, Пет, взывать о своей молодости? К чему, захлёбываясь,
выкрикивать имя милой матери? В морской пучине нет богов.
Ночная буря, перетерев канаты,
оторвала от берега твой привязанный к скалам корабль.
Верните тело земле — жизнь окончена в волнах;
Ты сам, жалкий песок, покрыл несчастного Пета;
и моряк всякий раз, проходя мимо Петовой могилы,
скажет: «От тебя станет не по себе и смельчаку».
Плывите, корабли с высокой кормой, навстречу гибели!
Так человеческие руки сами приближают смерть.
Мало нам было земли — к роковому поприщу мы добавили пучину:
собственным искусством мы проложили Фортуне пагубные пути.
Как тебя удержит якорь, если не удержали пенаты?
Чего, скажи, заслужил тот, кому мало своей земли?
Твоё стяжание — добыча ветров; нет корабля, который
дожил бы до старости: даже и гавань не оправдывает надежд.
Судоходный понт — силки, расставленные природой для ненасытных
и жадных: невероятно, чтобы он уступил тебе хоть однажды.
Есть знаменитые берега — свидетели Агамемноновых тягот:
грозная влага покарала его за Аргинна.
Когда пропал этот юноша, Атрид не отправил флот в плаванье,

pro qua mactata est Iphigenia mora.
saxa triumphalis fregere Capherea puppis,
naufraga cum vasto Graecia tracta salo est.
paulatim socium iacturam flevit Ulixes,
in mare cui soli<ti> non valuere doli.
quod si contentus patrio bove verteret agros
verbaque duxisset pondus habere mea,
viveret ante suos dulcis conviva Penatis,
pauper, at in terra nil nisi fleret opes.
non tulit haec Paetus, stridorem audire procellae
et duro teneras laedere fune manus;
sed thyio thalamo aut Oricia terebintho
ecfultum pluma versicolore caput.
hunc parvo ferri vidit nox improba ligno
et miser invisam traxit hiatus aquam;
huic fluctus vivo radicitus abstulit unguis;
Paetus ut occideret, tot coiere mala.
flens tamen extremis dedit haec mandata querelis,
cum moribunda niger clauderet ora liquor:
«Di maris Aegaei, quos sunt penes aequora, venti,
et quaecumque meum degravat unda caput,
quo rapitis miseros primae lanuginis annos?
attulimus longas in freta vestra manus.
a miser alcyonum scopulis affligar acutis!
in me caeruleo fuscina sumpta deo est!
at saltem Italiae regionibus evehat aestus:
hoc de me sat erit si modo matris erit».
subtrahit haec fantem torta vertigine fluctus;
ultima quae Paeto voxque diesque fuit.
o centum aequoreae Nereo genitore puellae,
et tu materno tacta dolore Theti[s];
vos decuit lasso supponere bracchia mento:
non poterat vestras ille gravare manus.
at tu, saeve Aquilo, numquam mea vela videbis:
ante fores dominae condar oportet iners.

8

Dulcis ad hesternas fuerat mihi rixa lucernas,
vocis et insanae tot maledicta tuae,
cum furibunda mero mensam propellis et in me
proicis insana cymbia plena manu.

и промедленье стоило ему Ифигении.
Каферейские скалы стали могилой победоносных кораблей,
и вся Греция носилась после крушения по широкому морю.
Одного за другим оплакивал своих товарищей Улисс —
обычные хитрости не помогли ему среди волн.
Потому, если бы Пет удовольствовался отеческой пашней и плугом,
если бы признал справедливость моих слов,
он жил бы сейчас у родных Пенатов, был бы желанным гостем на пирах,
он был бы беден, но, кроме денег, не имел бы никаких забот.
Но не вынес этого Пет — слушать вой бури
и ранить нежную ладонь о жёсткий канат, чтобы зато потом
в покоях из туевого дерева или Орицийского терпентина
возлежать на пуховых подушках, испещрённых разноцветными тканями.
Злая ночь видела, как он носился на утлой доске,
как в его несчастную глотку хлестала вода;
волна у него — ещё живого — вырывала ногти,
цепляющиеся за доску; все беды соединились, чтобы погубить Пета.
Со слезами он однако же успел попросить в последний час,
когда чёрная пучина уже смыкала его коченеющие уста:
«Боги Эгейского моря, в чьей власти его простор, ветры,
всякая волна, которая ложится на мою голову новым бременем,
зачем вы похищаете меня во цвете лет, когда только пробился
первый пушок? мы протянули навстречу вашим потокам длинные руки.
Горе мне! меня прибьёт волной к диким скалам, где живут гальционы!
Бог лазури вооружился против меня своей острогою!
Пусть; лишь бы прибой вынес меня к берегам Италии:
что бы от меня ни осталось — довольно, если достанется матери».
Когда он промолвил это, его закружил водоворот —
таков был последний день Пета, таковы его последние слова.
О сто морских дев, дочери Нерея,
и ты, Фетида, испытавшая на себе материнское горе!
Вам следовало бы поддержать его усталую голову —
он не стал бы тяжким бременем для ваших рук.
А тебе, свирепый Аквилон, никогда не видать моих парусов —
мне подобает покой и потаённое место у дверей моей госпожи.

8

Мне понравились вчерашняя ссора при свете ламп
и потоки твоей безумной брани,
когда вино ударило тебе в голову, ты опрокинула стол
и безумной рукой швырнула в меня чашу, полную до краёв.

tu vero nostros audax invade capillos
et mea formosis unguibus ora nota,
tu minitare oculos subiecta exurere flamma,
fac mea rescisso pectora nuda sinu!
nimirum veri dantur mihi signa caloris:
nam sine amore gravi femina nulla dolet.
quae mulier rabida iactat convicia lingua,
haec Veneris magnae volvitur ante pedes.
custodum gregibus circa se stipat euntem,
seu sequitur medias, Maenas ut icta, vias,
seu timidam crebro dementia somnia terrent,
seu miseram in tabula picta puella movet,
his ego tormentis animi sum verus haruspex,
has didici certo saepe in amore notas.
non est certa fides, quam non in iurgia vertas:
hostibus eveniat lenta puella meis!
in morso aequales videant mea vulnera collo:
me doceat livor mecum habuisse meam.
aut in amore dolere volo aut audire dolentem,
sive meas lacrimas sive videre tuas,
tecta superciliis si quando verba remittis,
aut tua cum digitis scripta silenda notas.
odi ego quos numquam pungunt suspiria somnos:
semper in irata pallidus esse velim.
dulcior ignis erat Paridi, cum Graia per arma
Tynaridi<s> poterat gaudia ferre suae:
dum vincunt Danai, dum restat barbarus Hector,
ille Helenae in gremio maxima bella gerit.
aut tecum aut pro te mihi cum rivalibus arma
semper erunt: in te pax mihi nulla placet.
gaude, quod nulla est aeque formosa! doleres,
si qua foret: nunc sis iure superba licet!
at tibi, qui nostro nexisti retia lecto,
sit socer aeternum nec sine matre domus!
cui nunc si qua data est furandae copia noctis,
offensa[m] illa mihi, non tibi amica, dedit.

9

Maecenas, eques Etrusco de sanguine regum,
intra fortunam qui cupis esse tuam,
quid me scribendi tam vastum mittis in aequor?

Не робей — займись и моими волосами,
оставь у меня на лице отметины своих прекрасных ногтей,
возьми факел, пригрози выжечь мне глаза
и, разорвав одежду, обнажи мне грудь!
Эти признаки огня совершенно правдивы —
не влюбившись как следует, девушка не будет обижаться.
Женщина с бешеным языком, изрыгающим брань,
распростёрта у ног могучей Венеры.
Будет ли она шествовать в окружении толпы стражей
или среди пути взовьётся как Менада в священном восторге,
будет ли она робеть, пугаясь частых безумных сновидений,
или портрет какой-нибудь девушки не даёт ей, бедняжке, покоя —
я верный истолкователь этих мучительных движений души,
я на опыте познал смысл этих признаков прочной любви.
Ненадёжна верность безо всяких ссор —
пусть девушка без огня достанется моим врагам.
Пусть ровесники видят на моей шее следы укусов:
синяки докажут, что моя девушка была со мной.
Я хочу любовных обид, моих и твоих,
хочу видеть — мои и твои — слёзы,
хочу, чтобы ты отвечала мне тайным движением бровей
и писала пальцем то, о чём нельзя сказать вслух.
Я не понимаю сон, не прерываемый вздохами;
ни на что не променяю бледность, вызванную твоим гневом.
Пыл Париса был тем жарче, что он мог наслаждаться
любовью своей Тиндариды среди битв с Греками;
пока они побеждали, пока Гектор, варвар, им противился,
он вёл свою великую войну на лоне Елены.
Моя брань — либо против тебя, либо за тебя с соперниками.
Так будет всегда — что касается тебя, я не сторонник мира.
Радуйся что нет другой, такой же красивой! Была бы другая,
тогда стоило бы огорчаться; но сейчас гордись по праву!
А ты, кто плёл сети, покушаясь на моё ложе,
пусть в твоём доме будут вечно и тесть, и мать!
Если тебе и удастся похитить у нас одну ночь, то потому,
что она в обиде на меня — а не из-за любви к тебе.

9

Меценат, всадник, в чьих жилах течёт кровь этрусских царей,
зачем ты, сам не желая преступать пределов собственного жребия,
отправляешь меня в столь пространное поэтическое море?

non sunt apta meae grandia vela rati.
turpe est, quod nequeas, capiti committere pondus
et pressum inflexo mox dare terga genu.
omnia non pariter rerum sunt omnibus apta,
palma nec ex aequo ducitur ulla iugo.
gloria Lysippo est animosa effingere signa;
exactis Calamis se mihi iactat equis;
in Veneris tabula summam sibi poscit Apelles;
Parrhasius parva vindicat arte locum;
argumenta magis sunt Mentoris addita formae;
at Myos exiguum flectit acanthus iter;
Phidiacus signo se Iuppiter ornat eburno;
Praxitelen propria vendit ab urbe lapis.
est quibus Eleae concurrit palma quadrigae,
est quibus in celeres gloria nata pedes;
hic satus ad pacem, hic castrensibus utilis armis:
naturae sequitur semina quisque suae.
at tua, Maecenas, vitae praecepta recepi,
cogor et exemplis te superare tuis.
cum tibi Romano dominas in honore securis
et liceat medio ponere iura foro,
vel tibi Medorum pugnaces ire per hastas
atque onerare tuam fixa per arma domum,
et tibi ad effectum vires det Caesar et omni
tempore tam faciles insinuentur opes,
parcis et in tenuis humilem te colligis umbras:
velorum plenos subtrahis ipse sinus.
crede mihi, magnos aequabunt ista Camillos
iudicia, et venies tu quoque in ora virum,
Caesaris et famae vestigia iuncta tenebis:
Maecenatis erunt vera tropaea fides.
non ego velifera tumidum mare findo carina:
tota sub exiguo flumine nostra mora est.
non flebo in cineres arcem sedisse paternos
Cadmi nec septem proelia clade pari,
nec referam Scaeas et Pergama Apollinis arces,
et Danaum decimo vere redisse ratis,
moenia cum Graio Neptunia pressit aratro
victor Palladiae ligneus artis equus.
inter Callimachi sat erit placuisse libellos
et cecinisse modis, Coe poeta, tuis.
haec [c]urant pueros, haec [c]urant scripta puellas,

Широкие паруса — не для моего челнока.
Постыдно взвалить на плечи бремя, которое не в силах снести,
чтоб под ним подломилось колено и согнулось плечо.
Не все занятия одинаково пригодны для всех дарований,
и одну и ту же пальму не получишь на одинаковой вершине.
Слава Лисиппа — изваянные им живые статуи;
Каламид хвастает передо мной своими превосходными конями;
Апеллес требует первенства, написав Венеру;
Паррасий добывает себе почётное имя в искусстве малыми вещицами;
что до Ментора, то красоту его фигур дополняет сюжет,
а Мисов акант плетётся по скромному пути;
Фидиев Юпитер украшает себя слоновой костью,
и Праксителя расхваливает мрамор его собственного города.
Есть те, кому доставляет пальму Элейская квадрига,
кто-то стяжает себе славу проворством ног,
тот рождён для мира, а этот выказывает себя дельным на войне;
каждый даёт взойти семенам собственной природы.
Я же, Меценат, получил твои жизненные наставления,
и теперь я должен превзойти тебя, следуя твоему собственному примеру.
Тебе дано с властительными секирами — знаками Римской чести —
произносить приговоры на середине форума,
тебе же — пробиваться сквозь Мидийские копья
и наполнять свой дом прибитым к стенам оружием,
и да прибавит тебе на всё это сил Цезарь, и непрестанно
пусть богатства крадутся к тебе лёгкой стопой —
но ты скромен, ты удаляешься в смиренную тень,
ты сам приспускаешь паруса, наполненные ветром.
Верь мне, твоя жизнь сравняет тебя с великими Камиллами,
и ты также станешь притчей на человеческих устах,
ты последуешь в своей славе непосредственно за Цезарем:
ценнейшим достоянием Мецената будет его верность.
Я не рассекаю пенную пучину на паруснике и не тороплюсь
расстаться с тихой речушкой, где я в безопасности.
Я не буду оплакивать Кадмову цитадель, рухнувшую на пепел отцов,
ни семь одинаково жестоких сражений, не буду
повествовать о Скейских воротах и Аполлоновой твердыне —
Пергаме, о Данайских кораблях, вернувшихся домой на десятую весну,
с тех пор как по стенам — Нептунову труду — прошёлся Греческим
плугом победный деревянный конь, созданный искусством Паллады.
Довольно, если мои стихи будут нравиться наряду с книжками Каллимаха;
мне достаточно для песен ладов Косского поэта.
Пусть в них будет пламя для юношей, пламя для девушек,

meque deum clament et mihi sacra ferant!
te duce vel Iovis arma canam caeloque minantem
Coeum et Phlegraeis Eurymedonta iugis;
celsaque Romanis decerpta palatia tauris
ordiar et caeso moenia firma Remo,
eductosque pares silvestri ex ubere reges,
crescet et ingenium sub tua iussa meum;
prosequar et currus utroque ab litore ovantis,
Parthorum astutae tela remissa fugae,
c<l>a<u>straque Pelusi Romano subruta ferro,
Antonique gravis in sua fata manus.
mollia tu coeptae fautor cape lora iuventae,
dexteraque immissis da mihi signa rotis.
hoc mihi, Maecenas, laudis concedis, et a te est
quod ferar in partis ipse fuisse tuas.

10

Mirabar, quidnam visissent mane Camenae,
ante meum stantes sole rubente torum.
natalis nostrae signum misere puellae
et manibus faustos ter crepuere sonos.
transeat hic sine nube dies, stent aere venti,
ponat et in sicco molliter unda minax.
aspiciam nullos hodierna luce dolentis;
et Niobae lacrimas supprimat ipse lapis;
alcyonum positis requiescant ora querelis;
increpet absumptum nec sua mater Itym.
tuque, o cara mihi, felicibus edita pennis,
surge et poscentis iusta precare deos.
ac primum pura somnum tibi discute lympha
et nitidas presso pollice finge comas:
dein, qua primum oculos cepisti veste Properti,
indue, nec vacuum flore relinque caput;
et pete, qua polles, ut sit tibi forma perennis,
inque meum semper stent tua regna caput.
inde coronatas ubi ture piaveris aras,
luxerit et tota flamma secunda domo,
sit mensae ratio, noxque inter pocula currat,
et crocino naris murreus ungat onyx.
tibia nocturnis succumbat rauca choreis,
et sint nequitiae libera verba tuae,

пусть они назовут меня богом и станут приносить мне жертвы!
Веди меня — я стану петь и брань Юпитера, и грозящего небу
Кея, и Евримедонта на Флегрейских хребтах;
сочиню песню о высоком Палатине, где паслись Римские быки,
о стенах, крепких Ремовой кровью,
о царях-близнецах, воспитанных молоком лесного зверя,
и моё дарование возрастёт в меру твоих повелений;
я приступлю к ликующим колесницам от одного края земли и другого,
к Парфянским стрелам, пущенным в притворном бегстве,
к оплоту Пелузия, прорванному Римским мечом,
и Антонию, которого не пощадила собственная рука.
Ты же, покровитель моей нежной юности, возьми мягкую узду
и дай мне благоприятный знак для колесничного бега.
Ты, Меценат, уступаешь мне эту славу, и зависит от тебя,
чтобы говорили — сей был из твоего круга.

10

Я удивился, увидев Камен ранним утром —
они пришли на рассвете и встали у моей постели.
Они напомнили мне, что сегодня день рождения моей девушки,
и трижды ударили ладонью о ладонь в знак счастья.
Пусть этот день не будет омрачён ни одним облаком,
не колышется воздух, а грозная волна нежно плещет о берег.
Мне не хочется видеть, чтоб кто-то печалился в этот день,
и самый Ниобин камень — да сдержит он слёзы!
Пусть клюв гальционы отдохнёт от вечных жалоб,
пусть мать не сетует об отнятом у неё Итисе.
А ты, моя дорогая, рождённая под знаком счастливой птицы,
вставай и требуй от богов заслуженного — они сами ждут этого.
Но прежде стряхни с себя сон чистой водою,
приведи в порядок и уложи прекрасные волосы;
затем, в каком платье ты впервые пленила взор Проперция,
то и надень, и не забудь убрать голову цветами;
проси, чтобы красота, твоя сила, была вечной,
а власть твоя надо мной не знала конца.
Потом, когда ты освятишь благовониями увенчанные алтари
и весь дом засияет благотворным племенем,
надо позаботиться и о трапезе — пусть ночь пройдёт за чашами,
а мирровый оникс усладит обоняние душистым шафраном.
Пусть флейта охрипнет во время ночных плясок,
а ты без стесненья говори всё, что придёт в голову.

dulciaque ingratos adimant convivia somnos,
publica vicinae perstrepat aura viae.
sit sors et nobis talorum interprete iactu,
quem gravius pennis verberet ille puer.
cum fuerit multis exacta trientibus hora,
noctis et instituet sacra ministra Venus,
annua solvamus thalamo sollemnia nostro,
natalisque tui sic peragamus iter.

11

Quid mirare, meam si versat femina vitam
et trahit addictum sub sua iura virum,
criminaque ignavi capitis mihi turpia fingis,
quod nequeam fracto rumpere vincla iugo?
†venturam† melius praesagit navita †mortem†,
vulneribus didicit miles habere metum.
ista ego praeterita iactavi verba iuventa:
tu nunc exemplo disce timere meo.
Colchis flagrantis adamantina sub iuga tauros
egit et armigera proelia sevit humo,
custodisque feros clausit serpentis hiatus,
iret ut Aesonias aurea lana domos.
ausa ferox ab equo quondam oppugnare sagittis
Maeotis Danaum Penthesilea ratis;
aurea cui postquam nudavit cassida frontem,
vicit victorem candida forma virum.
Omphale in tantum formae processit honorem,
Lydia Gygaeo tincta puella lacu,
ut, qui pacato statuisset in orbe columnas,
tam dura traheret mollia pensa manu.
Persarum statuit Babylona Semiramis urbem,
ut solidum cocto tolleret aggere opus,
et duo in adversum mitti per moenia currus
nec possent tacto stringere ab axe latus;
duxit et Euphraten medium, quam condidit, arcis,
iussit et imperio subdere Bactra caput.
nam quid ego heroas, quid raptem in crimina divos?
Iuppiter infamat seque suamque domum.
quid, modo quae nostris opprobria nexerit armis,
et (famulos inter femina trita suos!)
coniugis obsceni pretium Romana poposcit

Пусть сладостный пир избавит нас от скучного сна,
и вся соседняя улица огласится ночным шумом.
Будем и гадать — толкователем станет бросок костей —
кого ударит своим тяжёлым крылом этот мальчишка.
Когда же достаточно времени пройдёт за обильными чашами,
Венера станет помощницей наших ночных таинств,
и мы отметим годовщину в нашем брачном покое
и так завершим торжество — твой день рождения.

11

Стоит ли тебе удивляться тому, что женщина вертит
моей жизнью и влечёт обречённого мужа в своё ярмо,
и стоит ли облыжно обвинять меня в недостатке мужества,
раз уж я не могу порвать оковы и свергнуть иго?
Опытный моряк лучше чувствует близость смертельной опасности,
и раны приучают воина к осторожности.
Я бросался такими словами в юности, которая уже прошла:
ты же учись быть осмотрительным на моём примере.
Колхидянка склонила выи огнедышащих быков под ярмо из адаманта
и посеяла в поле зародыши броненосных браней,
сомкнула разверстый зев змея — стража золотого руна,
чтобы можно было доставить драгоценную шерсть в дом Эсона.
Некогда ярая Пентесилея, примчавшись на скакуне от берегов
Меотиды, отважилась грозить стрелами Данайским кораблям;
но когда упал с прекрасного лба золотой шлем,
сам её победитель был побежден блистательной красотою девы.
Лидиянка Омфала, омочившись водами Гигова озера,
стяжала такую славу своей прелестью,
что даже тот, кто поставил столпы на краю замирённого
земного круга, согласился прясть грубой рукой нежную шерсть.
Семирамида воздвигла Вавилон, цитадель Персов,
соорудила прочную стену из обожжённых кирпичей,
такую, по которой можно пустить две колесницы навстречу
друг другу, и ни одна не заденет осью бока другой.
Она провела Евфрат через основанную ею твердыню
и повелела Бактрам склонить голову перед своей властью.
Но что мне говорить о слабостях героев, о проступках богов?
Сам Юпитер покрыл позором себя и свой дом.
А что сказать о той, которая недавно сочетала свой блуд
с нашим оружием и — женщина, состарившаяся среди своих рабов, —
потребовала в приданое за постыдную любовь Римские стены

moenia et addictos in sua regna Patres.
noxia Alexandria, dolis aptissima tellus,
et totiens nostro Memphi cruenta malo,
tres ubi Pompeio detraxit harena triumphos!
tollet nulla dies hanc tibi, Roma, notam.
issent Phlegraeo melius tibi funera campo,
vel tua si socero colla daturus eras.
scilicet incesti meretrix regina Canopi,
una Philippeo sanguine adusta nota,
ausa Iovi nostro latrantem opponere Anubim,
et Tiberim Nili cogere ferre minas,
Romanamque tubam crepitanti pellere sistro,
baridos et contis rostra Liburna sequi,
foedaque Tarpeio conopia tendere saxo,
iura dare <et> statuas inter et arma Mari!
quid nunc Tarquinii fractas iuvat esse securis,
nomine quem simili vita superba notat,
si mulier patienda fuit? cape, Roma, triumphum
et longum Augusto salva precare diem!
fugisti tamen in timidi vaga flumina Nili:
accepere tuae Romula vincla manus.
bracchia spectavi sacris admorsa colubris
et trahere occultum membra soporis iter.
«Non hoc, Roma, fui[t] tanto tibi cive verenda!»
dixerat assiduo lingua sepulta mero.
septem urbs alta iugis, toto quae praesidet orbi,
femineo timuit territa Marte minas.
nunc ubi Scipiadae classes, ubi signa Camilli,
aut modo Pompeia, Bospore, capta manu?
Hannibalis spolia et victi monumenta Syphacis
et Pyrrhi ad nostros gloria fracta pedes?
Curtius expletis statuit monumenta lacunis,
at Decius misso proelia rupit equo,
Coclitis abscissos testatur semita pontis,
e<s>t cui cognomen corvus habere dedit:
haec di condiderant, haec di quoque moenia servant:
vix timeat salvo Caesare Roma Iovem.
Leucadius versas acies memorabit Apollo:
tantum operis belli sustulit una dies.
at tu, sive petes portus seu, navita, linques,
Caesaris in toto sis memor Ionio.

и пожелала заставить Сенат служить своей державе?
Преступная Александрия, земля, обильная коварством,
Мемфис, столько раз нам на горе обагрённый кровью,
где прибрежный песок совлёк с Помпея славу триумфов над тремя
частями света! это клеймо ты, Рим, никогда с себя не смоешь.
Лучше бы его погребли на Флегрейских полях
или бы он достался в плен своему тестю.
Неужто ты, развратная царица кровосмесительного Канопа,
клеймо, выжженное на Филипповой крови,
ты отважилась противостоять нашему Юпитеру со своим
лающим Анубисом и заставить Тибр выслушивать угрозы Нила?
Заглушить Римскую трубу треском кастаньет?
Следовать на челнах, вооружённых шестами, за нашими либурнами?
Развесить уродливый накомарник над Тарпейской скалой
и вершить суд среди статуй Мария и его трофеев!
Для того ли мы сломали топоры Тарквиния,
чья надменная жизнь заклеймила его подобным же прозвищем,
чтобы потом терпеть женскую власть? Справляй триумф, Рим,
и, спасённый Августом, молись о его долголетии!
Но сама ты бежала под прикрытие блуждающих потоков робкого Нила;
твои запястья не приняли на себя тяжесть Римских оков.
Я видел руку со следом укуса священной змеи,
видел, как в члены тайным путём проникает сон.
«При таком гражданине, Рим, я не была для тебя опасна!» —
так произнёс язык, скованный постоянными возлияниями.
Город, с высоты семи холмов владеющий всем миром,
в робости устрашился угроз женственного Марса.
Где ныне Сципионов флот, где знамёна Камилла
и те, которые недавно, Боспор, были взяты в плен Помпеевой рукой?
Где трофеи Ганнибаловых войн и побед над Сифаком,
где слава Пирра, поверженная к нашим ногам?
Курций воздвиг себе памятник, заполнив пропасть своим телом,
а Деций положил конец битве, бросившись в бездну с конём,
Коклесова тропа свидетельствует о разрушенном им мосте,
нам известен и тот, кто получил своё имя от ворона.
Боги воздвигли эти стены, боги их и охраняют —
будь жив Цезарь, и Риму не страшен даже Юпитер.
Аполлон Левкадский напомнит о строе, обращённом в бегство:
такую воинскую мощь погубил один день!
А ты, моряк, выходя из гавани или отправляясь в гавань,
никогда не забывай о Цезаре, бороздя Ионийское море.

12

Postume, plorantem potuisti linquere Gallam,
miles et Augusti fortia signa sequi?
tantine ulla fuit spoliati gloria Parthi,
ne faceres Galla multa rogante tua?
si fas est, omnes pariter pereatis avari
et quisquis fido praetulit arma toro!
tu tamen iniecta tectus, vesane, lacerna
potabis galea fessus Araxis aquam.
illa quidem interea fama tabescet inani,
haec tua ne virtus fiat amara tibi,
neve tua Medae laetentur caede sagittae,
ferreus aurato neu cataphractus equo,
neve aliquid de te flendum referatur in urna:
sic redeunt, illis qui cecidere locis.
ter quater in casta felix, o Postume, Galla!
moribus his alia coniuge dignus eras.
quid faciet nullo munita puella timore,
cum sit luxuriae Roma magistra suae?
sed securus eas: Gallam non munera vincent,
duritiaeque tuae non erit illa memor.
nam quocumque die salvum te fata remittent,
pendebit collo Galla pudica tuo.
Postumus alter erit miranda coniuge Ulixes
(non illi longae tot nocuere morae,
castra decem annorum et Ciconum mons Ismara, Calpe.
exustaeque tuae nox, Polypheme, genae
et Circae fraudes lotosque herbaeque tenaces,
Scyllaque et alternas scissa Charybdis aquas,
Lampeties Ithacis veribus mugisse iuvencos
— paverat hos Phoebo filia Lampetie —
et thalamum Aeaeae flentis fugisse puellae,
totque hiemis noctes totque natasse dies,
nigrantisque domos animarum intrasse silentum,
Sirenum surdo remige adisse lacus,
et veteres arcus le[c]to renovasse procorum,
errorisque sui sic statuisse modum;
nec frustra, quia casta domi persederat uxor):
vincit Penelopes Aelia Galla fidem.

12

Постум, у тебя хватило смелости оставить Галлу в слезах
и с оружием в руках отправиться на войну вслед за Цезарем?
Стоила ли того слава Парфянской добычи, чтоб так упорствовать
в своих намерениях — ведь Галла так усердно тебя просила!
Да погубят боги всех без изъятья жадных до чужого добра,
всех, кто предпочёл войну верному ложу!
Ты же, безумный, прикрывшись плащом, будешь, изнемогая
от усталости, пить из шлема воду, зачерпнутую в Араксе,
а она между тем исчахнет от пустых слухов,
боясь, что твоя отвага не пойдёт тебе на пользу,
что Мидийские стрелки или всадник-катафракт на убранном
золотом коне, закованный в железо, будет радоваться твоей крови,
что к ней вернётся назад жалкий прах в урне —
так приходят домой павшие в тех местах.
Постум, трижды и четырежды блаженный целомудрием Галлы!
С такими нравами ты заслуживал бы не такой жены.
Знаешь, что станет делать девушка, не сдерживаемая страхом,
в этом Риме — учителе роскоши и распутства?
Ты-то можешь идти спокойно: Галлу не победят подарки,
она не станет злопамятно мстить за твою чёрствость.
В любой день, когда судьба позволит тебе вернуться домой,
верная Галла бросится к тебе на шею.
Благодаря своей чудесной жене Постум станет вторым Улиссом —
тому тоже не причинило вреда длительное отсутствие.
Ни десять лет осады, ни Исмарийская гора, где живут Киконы,
ни Кальпа, ни выжженный глаз Полифема,
ни хитрости Цирцеи, ни лотос, ни волшебные травы,
ни Сцилла, ни Харибда, отделённая от неё приливом и отливом,
ни мычание Лампетиевых быков на вертелах Итакийцев —
их дочь Лампетия пасла для Феба, —
ни бегство из брачного чертога плачущей Ээйской девы,
ни столько дней и ночей, проведённых в бурном море,
ни схождение в темные жилища молчаливых душ,
ни плавание вблизи озера Сирен с глухими гребцами,
ни то, что ему пришлось обновить старый лук кровью женихов
и так положить предел своим скитаниям —
всё это не было напрасно: дома ждала целомудренная супруга;
а Элия Галла своей верностью выше Пенелопы.

13

Quaeritis, unde avidis nox sit pretiosa puellis
et Venere[m] exhaustae damna querantur opes.
certa quidem tantis causa et manifesta ruinis:
luxuriae nimium libera facta via est.
Inda cavis aurum mittit formica metallis,
et venit e Rubro concha Erycina salo,
et Tyros ostrinos praebet Cadmea colores,
cinnamon et multi pastor odoris Arabs:
haec etiam clausas expugnant arma pudicas,
quaeque gerunt fastus, Icarioti, tuos.
matrona incedit census induta nepotum
et spolia opprobrii nostra per ora trahit.
nulla est poscendi, nulla est reverentia dandi;
aut si qua est, pretio tollitur ipsa mora.
felix Eois lex funeris una maritis,
quos Aurora suis rubra colorat equis!
namque ubi mortifero iacta est fax ultima lecto,
uxorum fusis stat pia turba comis,
et certamen habent leti, quae viva sequatur
coniugium: pudor est non licuisse mori.
ardent victrices et flammae pectora praebent,
imponuntque suis ora perusta viris.
hoc genus infidum nuptarum, hic nulla puella
nec fida Euadne nec pia Penelope.
felix agrestum quondam pacata iuventus,
divitiae quorum messis et arbor erant!
illis munus erant decussa Cydonia ramo
et dare puniceis plena canistra rubis,
nunc violas tondere manu, nunc mixta referre
lilia vimineos lucida per calathos,
et portare suis vestitas frondibus uvas
aut variam plumae versicoloris avem.
his tum blanditiis furtiva per antra puellae
oscula silvicolis empta dedere viris.
inulei pellis †totos† operibat amantis,
altaque nativo creverat herba toro,
pinus et incumbens lentas circumdabat umbras,
nec fuerat nudas poena videre deas;
corniger Arcadii vacuam pastoris in aulam
dux aries saturas ipse reduxit ovis.

13

Вы спрашиваете, почему жадные девушки так высоко ценят ночь,
а богатства, истощённые Венерой, жалуются на ущерб?
Причина для разорения — явная и неизбежная:
слишком свободным стал путь к роскоши. Индийские муравьи
доставляют золото из рудников в подземных провалах,
а Эрицинская жемчужная раковина прибывает к нам с Красного моря,
из Кадмова Тира доставляют краску пурпурной улитки,
Арабы выращивают киннамон и многочисленные ароматы.
Это оружие берёт приступом твердыни даже целомудренных дев,
и даже тех, кто не менее горд, чем ты, дочь Икария.
Матрона шествует, нарядившись за счет чужих промотавшихся внуков,
и выставляет на всеобщее обозрение трофеи своего греха.
Нет никакого стыда ни в просьбе, ни в её исполнении;
но если и есть, то промедление устраняется за плату.
Счастливы жители крайнего Востока, которых озаряет алая Аврора
светом своих коней; у них закон единой смерти для супругов.
Когда бросают последний факел на печальное ложе,
вокруг стоят толпой благочестивые жёны с распущенными волосами
и устраивают состязание — кто последует заживо
за мужем: для них постыдно нежелание умереть.
Они горят торжествуя и подставляют грудь пламени,
сожжёнными устами лобзая мужей.
Здесь же неверность заложена в браке, здесь ни одна женщина
не станет ни верной Эвадной, ни благочестивой Пенелопой.
Некогда была счастлива и безмятежна сельская молодежь,
чьи богатства заключались в деревьях и жатве!
Для них роскошным даром было Кидонское яблоко с ветки
или плетёное лукошко, полное багряной ежевики,
сорванные рукой фиалки и вперемежку с ними
в корзинке из ивовых прутьев ослепительно белые лилии,
а можно было поднести виноградные гроздья в одежде
из собственной листвы, или птицу с пёстрым оперением.
Тогда, подкупленные такой лестью, в потаённых пещерах
девушки отвечали поцелуями своими лесным гостям.
Влюблённые укрывались шкурой оленёнка,
ложем была для них высокая трава,
сосна, склонившись над ними, давала им спокойную тень,
и безнаказанно можно было смотреть на обнажённых богинь;
рогатый баран — вождь стада — сам приводил
во двор Идейского пастуха овец, сытых паствою.

dique deaeque omnes, quibus est tutela per agros,
praebebant vestri[s] verba benigna foci[s]:
«et leporem, quicumque venis, venaberis, hospes,
et si forte meo tramite quaeris, avem:
et me Pana tibi comitem de rupe vocato,
sive petes calamo praemia, sive cane».
at nunc desertis cessant sacraria lucis:
aurum omnes victa iam pietate colunt.
auro pulsa fides, auro venalia iura,
aurum lex sequitur, mox sine lege pudor.
torrida sacrilegum testantur limina Brennum,
dum petit intonsi Pythia regna dei:
at mox laurigero concussus vertice diras
Gallica Parnasus sparsit in arma nives.
te scelus accepto Thracis Polymestoris auro
nutrit in hospitio non, Polydore, pio.
tu quoque ut auratos gereres, Eriphyla, lacertos,
delapsis nusquam est Amphiaraus equis.
proloquar (atque utinam patriae sim verus haruspex!):
frangitur ipsa suis Roma superba bonis.
certa loquor, sed nulla fides; neque enim Ilia quondam
verax Pergameis Maenas habenda malis.
sola Parim Phrygiae fatum componere, sola
fallacem Troiae serpere dixit equum.
ille furor patriae fuit utilis, ille parenti:
experta est veros irrita lingua deos.

14

Multa tuae, Sparte, miramur iura palaestrae,
sed mage virginei tot bona gymnasii,
quod non infamis exercet corpore ludos
inter luctantis nuda puella viros,
cum pila velocis fallit per bracchia iactus,
increpat et versi clavis adunca trochi,
pulverulentaque ad extremas stat femina metas,
et patitur duro vulnera pancratio:
nunc ligat ad caestum gaudentia bracchia loris,
missile nunc disci pondus in orbe rotat,
et modo Taygeti, crinis aspersa pruina,
sectatur patrios per iuga longa canis:
gyrum pulsat equis, niveum latus ense revincit,

Все боги и богини, которые охраняли поля,
сулили им благо огнями своих алтарей:
«Гость, кто бы ты ни был, ты поймаешь и зайца,
и птицу, если будешь искать на моей тропе;
позови меня, Пана, с утёса себе на помощь,
охотишься ли ты с луком или с собаками».
А теперь святилища заброшены в пустых рощах:
благочестья больше нет, у всех один кумир — золото.
Золото уничтожило верность, золото сделало продажным право,
золоту подчиняется закон, а вслед за ним — стыд, не знающий закона.
Испепелённый порог свидетельствует о кощунстве Бренна,
который стремился попрать Пифийское царство длинноволосого бога:
но увенчанная лавром Парнасская гора, потрясённая
до самых недр, обрушила на Галльскую рать свирепые снега.
Преступный замысел Фракийца Полиместора, принявшего золото,
предоставил тебе, Полидор, кров нечестивого гостеприимства.
И чтобы у тебя, Эрифила, было золото, которое ты носишь на руках,
пропали кони Амфиарая, нет и его самого.
Предсказываю (и да буду я не лживым пророком своих сограждан!):
Рим погибнет от обилия собственных благ.
Я говорю правду — а мне не верят; но и правдивая Илионская менада
не стяжала доверия, когда речь шла о бедах Пергама.
Она одна говорила о том, что Парис погубит Фригию, одна —
что обманчив конь, который прокрался в цитадель её отечества.
В одном её неистовство было на пользу отечеству, в другом —
отцу; её тщетные вещания подтвердили на опыте: боги нелживы.

14

Спарта, мы восхищаемся многими из правил твоей палестры,
но более всего величайшим благом — твоими гимнасиями для дев:
обнажённые девушки упражняют тело
невинными играми среди борющихся мужчин,
когда из рук ускользает мяч, посланный стремительным ударом,
а крючок обруча шумит от его движения,
когда покрытая пылью женщина стоит у предельной меты
и переносит раны в суровом панкратии;
вот она для кулачного боя перевязывает руки ремнями,
вот раскручивает в отведённом кругу груз метательного диска,
а бывает, несётся за отцовскими псами по бескрайним
котловинам Тайгета, и морозный иней искрится на её волосах;
копыта её коней бьют дорожку ипподрома, меч опоясывает

virgineumque cavo protegit aere caput,
qualis Amazonidum nudatis bellica mammis
Thermodontiacis turba lavatur aquis;
qualis et Eurotae Pollux et Castor harenis,
hic victor pugnis, ille futurus equis,
inter quos Helene nudis capere arma papillis
fertur nec fratres erubuisse deos.
lex igitur Spartana vetat secedere amantis
et licet in triviis ad latus esse suae,
nec timor aut ulla est clausae tutela puellae,
nec gravis austeri poena cavenda viri.
nullo praemisso de rebus tute loquaris
ipse tuis: longae nulla repulsa morae.
nec Tyriae vestes errantia lumina fallunt,
est neque odoratae cura molesta comae.
at nostra ingenti vadit circumdata turba,
nec digitum angusta est inseruisse via.
nec quae sint facies nec quae sint verba rogandi
invenias: caecum versat amator iter.
quod si iura fores pugnasque imitata Laconum,
carior hoc esses tu mihi, Roma, bono.

15

Sic ego non ullos iam norim in amore tumultus,
nec veniat sine te nox vigilanda mihi!
ut mihi praetexti pudor est relevatus amictus
et data libertas noscere amoris iter,
illa rudis animos per noctes conscia primas
imbuit, heu nullis capta Lycinna datis!
tertius (haud multo minus est) cum ducitur annus,
vix memini nobis verba coisse decem.
cuncta tuus sepelivit amor, nec femina post te
ulla dedit collo dulcia vincla meo.
testis erit Dirce tam vero crimine saeva
Nycteos Antiopen accubuisse Lyco.
a quotiens pulchros vulsit regina capillos,
molliaque immites fixit in ora manus!
a quotiens famulam pensis oneravit iniquis
et caput in dura ponere iussit humo!
saepe illam immundis passa est habitare tenebris,
vilem ieiunae saepe negavit aquam.

белое тело, полая медь покрывает девичью голову,
как у Амазонок, чья воинственная стая
с голой грудью купалась в волнах Термодонта;
словно Кастор и Поллукс на песках Эврота,
один — будущий победитель в борьбе, другой — в скачках.
Говорят, и Елена с обнажённой грудью вместе с ними
брала в руки оружие и не стыдилась братьев-богов.
Стало быть, Спартанский закон запрещает возлюбленным разлучаться
и позволяет на перекрёстках льнуть к телу своей девушки,
за девушек не боятся, их не сторожат, не держат взаперти,
и не следует страшиться кары со стороны сурового мужа.
Ты можешь без посредников сам спокойно беседовать
о своих делах — не будет отказа после долгого молчания.
Богатые Тирийские одежды не введут твой взор в заблуждение,
и не нужно волноваться и заботиться, чтобы были надушены волосы.
У нас же девушка ходит, окружённая плотной толпой,
тут не только сам не пройдёшь — и мизинца-то к ней не протянешь!
С каким выражением лица, какими словами просить —
и не поймёшь; влюблённый на ощупь, вслепую прокладывает свой путь.
Потому, Рим, если бы ты подражал законам Лаконской палестры,
благодаря этому достоинству ты стал бы мне ещё дороже.

15

Как бы мне хотелось не испытывать больше любовных волнений
и одному без тебя проводить бессонные ночи!
Когда вместе с юношеской тогой я совлёк с себя стыд
и получил право шествовать по путям Амура,
она, Лицинна, сообщница моих первых ночей, взялась обучить
мою неопытность, — взятая в плен и не взявшая никакой платы!
Минуло три года или чуть меньше, и, насколько я помню,
за это время мы не обменялись и десятью словами.
Всё похоронила любовь к тебе, и нежные оковы на мою шею
больше не наложила ни одна женщина после тебя.
Дирка будет свидетельницей, — Дирка, раздражённая
обвинением, будто дочь Никтея возлегла с её Ликом.
Ах! Сколько раз царица терзала прекрасные волосы
и мучила нежное лицо жестокими руками!
Сколько раз она обременяла рабыню непомерными уроками
и заставляла её спать на жёсткой земле!
Не раз принуждала её жить в потемках и грязи
и отказывала голодной даже в глотке ничего не стоящей воды!

Iuppiter, Antiopae nusquam succurris habenti
tot mala? corrumpit dura catena manus.
si deus es, tibi turpe tuam servire puellam:
invocet Antiope quem nisi vincta Iovem?
sola tamen, quaecumque aderant in corpore vires,
regalis manicas rupit utraque manu.
inde Cithaeronis timido pede currit in arces.
nox erat, et sparso triste cubile gelu.
saepe vago Asopi sonitu permota fluentis
credebat dominae pone venire pedes.
et durum Zethum et lacrimis Amphiona mollem
experta est <s>tabulis mater abacta suis.
ac veluti magnos cum ponunt aequora motus,
Eurus ubi adversus desinit ire Noto,
litore sub tacito sonitus rarescit harenae,
sic cadit inflexo lapsa puella genu.
sera, tamen pietas: natis est cognitus error.
digne Iovis natos qui tueare senex!
tu reddis pueris matrem, puerique trahendam
vinxerunt Dircen sub trucis ora bovis.
Antiope, cognosce Iovem: tibi gloria Dirce
ducitur in multis mortem habitura locis.
prata cruentantur Zethi, victorque canebat
paeana Amphion rupe, Aracynthe, tua.
at tu non meritam parcas vexare Lycinnam:
nescit vestra ruens ira referre pedem.
fabula nulla tuas de nobis concitet auris:
te solam et lignis funeris ustus amem.

16

Nox media, et dominae mihi venit epistula nostrae:
Tibure me missa iussit adesse mora,
candida qua geminas ostendunt culmina turris
et cadit in patulos nympha Aniena lacus.
quid faciam? obductis committam mene tenebris,
ut timeam audaces in mea membra manus?
at si distulero haec nostro mandata timore,
nocturno fletus saevior hoste mihi.
peccaram semel, et totum sum pulsus in annum:
in me mansuetas non habet illa manus.
nec tamen est quisquam, sacros qui laedat amantis:

Юпитер, и ты не поможешь Антиопе в стольких её бедах?
Даже руки стянула ей тяжёлая цепь.
Если ты бог, то позор для тебя, что твоя девушка — рабыня:
к кому взывать скованной Антиопе, как не к Юпитеру?
Всё же она сама — на это хватило сил —
сорвала царицыны кандалы с запястий.
Потом робкою стопою побежала к вершине Киферона —
была ночь, и её печальное ложе покрылось ледяной коркой.
Часто она вздрагивала, прислушиваясь к рокоту
стремительного Асопа, думая, что это шаги госпожи за спиной.
Она испытала своими слезами и жестокость Зета, и мягкость Амфиона —
когда её, родную мать, прогнали из стойла, служившего ей жилищем.
Как волны останавливают свой мощный бег,
когда Эвр перестаёт рваться навстречу Ноту,
и на молчаливом берегу стихает шуршанье песка —
так, поскользнувшись, упала девушка, у которой подкосились колени.
Благочестие хоть поздно, но восторжествовало: сыновья поняли своё
заблуждение. О старец, достойный воспитывать потомство Юпитера!
Ты возвратил детям их мать, и дети привязали Дирку
к бычьим рогам, и свирепый бык потащил её за собой.
Узнай Юпитера, Антиопа: бык влечёт Дирку на твою славу,
и она найдёт свою смерть не в одном, а во многих местах.
Окровавлены Зетовы луга, и победный пеан
поет Амфион с утёса — с твоего утёса, Аракинф.
Так и ты перестань незаслуженно оскорблять Лициннy:
ваш гнев, распалившись, не умеет отступать.
Пусть никакие сплетни обо мне не тревожат твоих ушей:
тебя одну я буду любить и на погребальном костре.

16

Глубокая ночь, и вот ко мне приносят письмо моей госпожи —
она велит мне незамедлительно прибыть в Тибур,
где на белых вершинах видны башни-близнецы
и влага нимфы Аниена падает в пространные озёра.
Что делать? Вериться ночной темноте и ждать,
пока чья-нибудь дерзкая рука не покусится на мою жизнь?
Но если со страха я отложу исполнение приказа,
её слёзы будут для меня наказанием пуще ночного злодея.
Один раз достаточно согрешить — и отказ на целый год:
когда речь идёт обо мне, она не знает, что такое кротость.
Однако найдётся ли такой, кто сможет напасть на влюблённого?

Scironis medias his licet ire via.
quisquis amator erit, Scythicis licet ambulet oris,
nemo <a>deo ut noceat barbarus esse volet.
luna ministrat iter, demonstrant astra salebras,
ipse Amor accensas praecutit ante faces,
saeva canum rabies morsus avertit hiantis:
huic generi quovis tempore tuta via est.
sanguine tam parvo quis enim spargatur amantis
improbus? †exclusis† fit comes ipsa Venus.
quod si certa meos sequerentur funera casus,
talis mors pretio vel sit emenda mihi.
afferet haec unguenta mihi sertisque sepulcrum
ornabit custos ad mea busta sedens.
di faciant, mea ne terra locet ossa frequenti,
qua facit assiduo tramite vulgus iter!
post mortem tumuli sic infamantur amantum.
me tegat arborea devia terra coma,
aut humer ignotae cumulis vallatus harenae:
non iuvat in media nomen habere via.

17

Nunc, o Bacche, tuis humiles advolvimur aris:
da mihi pacato vela secunda, pater!
tu potes insanae Veneris compescere fastus,
curarumque tuo fit medicina mero.
per te iunguntur, per te solvuntur amantes:
tu vitium ex animo dilue, Bacche, meo!
te quoque enim non esse rudem testatur in astris
lyncibus ad caelum vecta Ariadna tuis.
hoc mihi, quod veteres custodit in ossibus ignis,
funera sanabunt aut tua vina malum.
semper enim vacuos nox sobria torquet amantis,
spesque timorque animo<s> versat utroque modo.
quod si, Bacche, tuis per fervida tempora donis
accersitus erit somnus in ossa mea,
ipse seram vitis pangamque ex ordine collis,
quos carpant nullae me vigilante ferae,
dum modo purpureo tumeant mihi dolia musto
et nova pressantis inquinet uva pedes.
quod superest vitae per te et tua cornua vivam,
virtutisque tuae, Bacche, poeta ferar.

Они святы, им можно пройти и там, где засел Скирон.
Кто влюблён, тот пусть смело отправляется и на Скифский берег —
никто не будет таким дикарём, чтобы напасть на него.
Луна указует ему путь, звёзды остерегают от рытвин,
и сам Амур машет перед ним зажжённым факелом,
бешеные собаки отвращают от него злую пасть —
этому племени в любое время путь безопасен.
Кто, бесчестный, захочет осквернить себя несколькими каплями крови
влюблённого? кого не пустили в дверь, тем спутница сама Венера.
Потому, даже если бы превратности моей судьбы венчала
верная смерть, такая смерть для меня дорогого стоит!
Она принесёт мне ароматы, она украсит венками могилу
и сядет стражем у моего погребального костра.
Да позволят боги, чтобы моё тело не было погребено в земле,
где рядом постоянно идёт толпа по торному пути!
После смерти это оскорбительно для могильных курганов влюблённых.
Хочу лежать в уединении, под кроной тенистого дерева,
или пусть меня похоронят под покровом безвестных дюн —
ужасно, когда камень с твоим именем стоит посреди улицы!

17

Теперь, Вакх, мы в смирении склоняемся к твоим алтарям —
будь милостив, отец, пошли моим парусам попутный ветер!
Ты можешь подавить надменность безумной Венеры,
и твой пьянящий напиток — лекарство от моих печалей.
Ты соединяешь влюблённых, ты же их и разлучаешь —
Вакх, облегчи недуг, снедающий моё сердце!
Ты не новичок в подобных делах, свидетельница тому — Ариадна,
которую привезла на небо упряжка из твоих рысей!
Ту порчу, которая жжёт мои кости застарелой любовной лихорадкой,
под силу исцелить только смерти или твоему вину!
Трезвая ночь — вечная пытка для одиноких влюблённых,
душа трепещет, разрываясь между страхом и надеждою.
А потому, Вакх, если в этих мучениях твои дары
сумеют дать моему телу желанный сон,
я сам буду сажать лозу, покрою посадками холмы,
стану следить, чтобы им не вредили дикие звери,
чтобы бочки пенились у меня от пурпурного сусла
и молодая гроздь окрашивала своим соком ноги давильщика.
Я проживу остаток жизни для тебя и твоих рогов,
и обо мне будут говорить: вот поэт Вакхова могущества.

dicam ego maternos Aetnaeo fulmine partus,
Indica Nysaeis arma fugata choris,
vesanumque nova nequiquam in vite Lycurgum,
Pentheos in triplices funera grata greges,
curvaque Tyrrhenos delphinum corpora nautas
in vada pampinea desiluisse rate,
et tibi per mediam bene olentia flumina Naxon,
unde tuum potant †naxia† turba merum.
candida laxatis onerato colla corymbis
cinget Bassaricas Lydia mitra comas,
levis odorato cervix manabit olivo
et feries nudos veste fluente pedes.
mollia Dircaeae pulsabunt tympana Thebae,
capripedes calamo Panes hiante canent,
vertice turrigero iuxta dea magna Cybebe
tundet ad Idaeos cymbala rauca choros.
ante fores templi, crater<e> antistes et auro
libatum fundens in tua sacra merum,
haec ego non humili referam memoranda coturno,
qualis Pindarico spiritus ore tonat:
tu modo servitio vacuum me siste superbo,
atque hoc sollicitum vince sopore caput.

18

Clausus ab umbroso qua ludit pontus Averno,
fumida Baiarum stagna tepentis aquae,
qua iacet et Troiae tubicen Misenus harena
et sonat Herculeo structa labore via,
hic ubi, mortales dexter cum quaereret urbes,
cymbala Thebano concrepuere deo
(at nunc invisae magno cum crimine Baiae,
quis deus in vestra constitit hostis aqua?),
hic pressus Stygias vultum demisit in undas,
errat et in vestro spiritus ille lacu.
quid genus aut virtus aut optima profuit illi
mater, et amplexum Caesaris esse focos?
aut modo tam pleno fluitantia vela theatro
et per maternas omina gesta manus?
occidit, et misero steterat vicesimus annus:
tot bona tam parvo clausit in orbe dies.
i nunc, tolle animos et tecum finge triumphos,

Я расскажу о том, как родила тебя мать в перунах Этны,
как Нисейский хоровод сломил Индийскую рать,
как тщетно противился безумный Ликург невиданной лозе,
как погиб Пенфей на радость трём стаям Вакханок,
как Тирренские моряки, превратившись в гибких дельфинов,
спрыгнули в пучину с корабля, увитого виноградной лозою,
воспою благовонные реки, текущие на твоей Дии,
откуда жители Наксоса берут чистое вино.
Широкая гирлянда из плюща украсит тебе белую шею,
а волосы, Бассарей, стянет Лидийская митра.
По гладкому затылку потечёт душистый елей,
а струящаяся складками одежда ниспадёт до босых стоп.
Диркейские Фивы ударят в сладкозвучные тимпаны,
козлоногие спутники Пана будут играть на цевницах,
а рядом Кибела, великая богиня в украшенной башнями короне,
будет бить в хриплые кимвалы впереди Идейского хоровода.
Первый жрец, у дверей храма я буду возливать тебе
на алтарь чистое вино, черпая золотом из кратера,
и воспою это торжество, стоя на высоких котурнах,
с вдохновением, достойным Пиндаровых уст, —
только ты избавь меня от надменного ига,
устрани мои заботы, ниспошли мне сон!

18

Там, где плещется море, отделённое от тенистого Аверна,
где в Байях дымятся пруды с теплой водой,
где погребён на песчаном берегу Троянский трубач Мизен,
где шумит дорога, выстроенная трудами Геркулеса, —
где когда-то грохотали кимвалы Фиванского бога,
когда он во благости своей шествовал по городам смертных
(теперь, Байи, какой враждебный бог засел в ваших водах,
что вы сделали ненавистны своей неизмеримой порочностью?) —
там сражённый роком Марцелл окунул лицо в Стигийские волны,
и в вашем озере до сих пор блуждает его дух.
Чем помогли ему знатность рода, доблесть, его прекрасная мать,
чем помогла близость к Цезареву очагу?
Чем — ещё так недавно парусивший над заполненным театром
покров и всё, что сделано руками его матери?
Он умер, несчастный, едва на двадцатом году своей жизни —
такие дарования в столь малом кругу заключил один день.
Что же теперь... давай, гордись и воображай себе триумфы,

stantiaque in plausum tota theatra iuvent;
Attalicas supera vestis, atque omnia magnis
gemmea sint ludis: ignibus ista dabis.
sed tamen huc omnes, huc primus et ultimus ordo:
est mala, sed cunctis ista terenda via est.
exoranda canis tria sunt latrantia colla,
scandenda est torvi publica cumba senis.
ille licet ferro cautus se condat et aere,
mors tamen inclusum protrahit inde caput.
Nirea non facies, non vis exemit Achillem,
Croesum aut, Pactoli quas parit umor, opes.
hic olim ignaros luctus populavit Achivos,
Atridae magno cum stetit alter amor.
at tibi, nauta, pias hominum qui traicis umbras,
hoc animae portet corpus inane suae:
qua Siculae victor telluris Claudius et qua
Caesar, ab humana cessit in astra via.

19

Obicitur totiens a te mihi nostra libido:
crede mihi, vobis imperat ista magis.
vos, ubi contempti rupistis frena pudoris,
nescitis captae mentis habere modum.
flamma per incensas citius sedetur aristas,
fluminaque ad fontis sint reditura caput
et placidum Syrtes portum et bona litora nautis
praebeat hospitio saeva Malea suo,
quam possit vestros quisquam reprehendere cursus
et rabidae stimulos frangere nequitiae.
testis, Cretaei fastus quae passa iuvenci
induit abiegnae cornua falsa bovi<s>;
testis Thessalico flagrans Salmonis Enipeo,
quae voluit liquido tota subire deo.
crimen et illa fuit, patria succensa senecta
arboris in frondes condita Myrrha novae.
nam quid Medeae referam, quo tempore matris
iram natorum caede piavit amor?
quidve Clytaemestrae, propter quam tota Mycenis
infamis stupro stat Pelopea domus?
tuque o Minoa venumdata, Scylla, figura,
tonde[n]s purpurea regna paterna coma.

радуйся, кода весь театр встаёт и приветствует тебя плеском;
превзойди пышностью Атталийские уборы, пусть они будут все
в самоцветах на Великих играх — всё равно они станут добычей огня.
По этому пути пойдём мы все, и первое сословье,
и последнее — злой путь, но никому не удастся избежать его.
Придётся умолять трехглавого пса с лающей пастью и сесть
в лодку грозного старика, которая предназначена для всех.
Пусть тот, осторожный, отгораживается железом и медью —
смерть найдёт стезю, чтобы унести из-под затворов его душу.
Нирея не спасла его красота, сила не спасла Ахиллеса,
а Крёза — все богатства, которые несёт струя Пактола. Некогда эта же
смерть опустошила ряды ни о чём не подозревающих Ахейцев,
и Атриду пришлось дорогою ценой заплатить за свою новую любовь.
А тебе, лодочник, переправляющий на тот берег
благочестивые тени, пусть отнесут это тело, где нет души: по какому пути
пошли Клавдий, победитель Сицилийской земли, и Цезарь —
по тому же пути, расставшись с земной юдолью, он ушёл к звёздам.

19

Ты всё время ставишь мне в вину похоть: но, поверь,
над вами, женщинами, она имеет ещё большую власть.
Стоит вам только отбросить стыд, который вас держит в узде,
вы не в силах управлять своей пленённой душой.
Скорее угаснет пламя на зажжённом жнивье,
а реки вернуться вспять к истокам, Сирты станут
спокойной гаванью для судов, свирепый Малейский мыс
превратится в берег, гостеприимный для моряков,
чем кто-то сможет стать поперёк на вашем стремительном пути
и вырвать жало, подстрекающее бешенство.
Свидетельница та Критянка, которая вынесла бычью гордость
и надела на себя обманные рога деревянной коровы;
свидетельница Салмонида, распалённая любовью к Фессалийцу Энипею
и захотевшая нераздельного ложа с влажным богом.
Ещё поношение вашему полу — пленённая отцовской старостью Мирра,
её позор был скрыт под корой дерева, в которое она превратилась.
Что говорить о Медее, когда её любовь
утолила убийством материнский гнев?
Или о Клитемнестре, обесчестившей
Пелопов дом и ославившей его на все Микены?
И о тебе, Сцилла, продавшаяся за красоту Миноса,
погубив — вместе со срезанным волосом — отцовское царство.

hanc igitur dotem virgo desponderat hosti!
Nise, tuas portas fraude reclusit amor.
at vos, innuptae, felicius urite taedas:
pendet Cretaea tracta puella rate.
non tamen immerito! Minos sedet arbiter Orci:
victor erat quamvis, aequus in hoste fuit.

20

Credis eum iam posse tuae meminisse figurae,
vidisti a lecto quem dare vela tuo?
durus, qui lucro potuit mutare puellam!
tantine, ut lacrimes, Africa tota fuit?
at tu, stulta, deos, tu fingis inania verba:
forsitan ille alio pectus amore terat.
est tibi forma potens, sunt castae Palladis artes,
splendidaque a docto fama refulget avo.
fortunata domus, modo sit tibi fidus amicus!
fidus ero: in nostros curre, puella, toros!
tu quoque, qui aestivos spatiosius exigis ignis,
Phoebe, moraturae contrahe lucis iter.
nox mihi prima venit! primae data tempora noctis!
longius in primo, Luna, morare toro.
quam multae ante meis cedent sermonibus horae,
dulcia quam nobis concitet arma Venus!
foedera sunt ponenda prius signandaque iura
et scribenda mihi lex in amore novo.
haec Amor ipse suo constringit pignora signo:
testis sidereae to[r]ta corona deae.
namque ubi non certo vincitur foedere lectus,
non habet ultores nox vigilanda deos,
et quibus imposuit, solvit mox vincla libido:
contineant nobis omina prima fidem.
ergo, qui pactas in foedera ruperit aras,
pollueritque novo sacra marita toro,
illi sint quicumque solent in amore dolores,
et caput argutae praebeat historiae;
nec flenti dominae patefiant nocte fenestrae:
semper amet, fructu semper amoris egens.

Стало быть, такое приданое дева посулила врагу!
Нис, твои ворота Амур растворил с помощью измены.
А вы, незамужние девы, радостно возжигайте факел!
Критская корма влечёт за собой висящую девушку.
И по заслугам! Минос — судья Орка: одержав победу,
он поступил с побеждёнными по справедливости.

20

Ты действительно веришь, что он помнит о твоей красоте —
ты же видела, как он сорвался с твоего ложа, распустив паруса!
Бесчувствен тот, кто может променять девушку на прибыль!
Да стоила ли вся Африка твоих слёз?
А ты, дура, выдумываешь богов, выдумываешь лживые обещания:
может быть, дескать, он питает в своём сердце другую любовь.
Твоя сила — в твоей красоте и в искусствах целомудренной Паллады,
твой дом прославлен молвой о талантах твоего деда.
Одного тебе не хватает — верного и надёжного друга.
А я — надёжный и верный: девушка, скорей ко мне на ложе!
И ты, Феб, столь щедрый на летний жар,
поторопи неповоротливый и медлительный день:
у меня скоро первая ночь! Так удели ей побольше времени!
Не будь тороплива и ты, луна, над моим первым ложем.
Сколько часов пройдут в беседах прежде,
чем Венера призовёт нас к нежной брани.
Сначала мне нужно заключить договор, назначить права
и предписать законы в новой любви.
Амур сам скрепит это соглашение своей печатью:
свидетель ему — весь венец звёздной богини.
Там ведь, где ложе не связано надёжными правами, мстительные боги
не будут покровительствовать ночному бодрствованию,
и похоть, установив узы, разрывает их вновь;
но у нашей любви благое начало — и пусть оно нам не изменит.
Итак, кто нарушит заключённые на алтарях договоры
и осквернит новой постелью священные брачные узы,
пусть испытает все обиды, какие есть в любви, —
пусть он станет притчей во языцех для красноречивых сплетников;
пусть на его плач не распахнутся ночью окна госпожи;
пусть он вечно любит и никогда не вкусит плода любви.

21

Magnum iter ad doctas proficisci cogor Athenas,
ut me longa gravi solvat amore via.
crescit enim assidue spectando cura puellae:
ipse alimenta sibi maxima praebet Amor.
omnia sunt temptata mihi, quacumque fugari
posset: at ex omni me premit ipse deus.
vix tamen aut semel admittit, cum saepe negarit:
seu venit, extremo dormit amic<t>a toro.
unum erit auxilium: mutatis Cynthia terris
quantum oculis, animo tam procul ibit amor.
nunc agite, o socii, propellite in aequora navem,
remorumque pares ducite sorte vices,
iungiteque extremo felicia lintea malo:
iam liquidum nautis aura secundat iter.
Romanae turres et vos valeatis, amici,
qualiscumque mihi tuque, puella, vale!
ergo ego nunc rudis Hadriaci vehar aequoris hospes,
cogar et undisonos nunc prece adire deos.
deinde per Ionium vectus cum fessa Lechaeo
sedarit placida vela phaselus aqua,
quod superest, sufferre, pedes, properate laborem,
Isthmos qua terris arcet utrumque mare.
inde ubi Piraei capient me litora portus,
scandam ego Theseae bracchia longa viae.
illic vel stadiis animum emendare Platonis
incipiam aut hortis, docte Epicure, tuis;
persequar aut studium linguae, Demosthenis arma,
librorumque tuos, docte Menandre, sales;
aut certe tabulae capient mea lumina pictae,
sive ebore exactae, seu magis aere, manus.
aut spatia annorum aut longa intervalla profundi
lenibunt tacito vulnera nostra sinu:
seu moriar, fato, non turpi fractus amore;
atque erit illa mihi mortis honesta dies.

22

Frigida tam multos placuit tibi Cyzicus annos,
Tulle, Propontiaca qua fluit isthmos aqua,
Dindymis et sacra fabricata e vite Cybebe,

21

Я вынужден совершить путешествие в Афины — столицу вкуса,
чтобы долгая дорога избавила меня от тягостной любви.
Когда девушка у тебя перед глазами, твоя любовь только растёт —
Амур легко находит себе обильную пищу.
Я испробовал всё, чем можно прогнать этого бога, —
но и после всего бог осаждает меня со всех сторон.
Она не пускает меня, а если и пустит, то едва один раз
после долгих отказов, а когда придёт сама, то спит на краю постели.
Одно только сможет помочь: мне стоит переменить место —
и как Кинфия будет далеко от глаз, так и любовь — далеко от сердца.
А теперь давайте, товарищи, спускайте корабль на воду,
дружно гребите веслами поочерёдно, в лад,
распустите на верхушке мачты счастливый парус —
ветер облегчает морякам влажный путь.
Прощайте, башни Рима и вы, друзья,
прощай и ты, моя девушка, как бы ты со мной ни обошлась!
Сначала меня — неопытного странника — повезут по волнам Адриатики,
и теперь мне предстоит взывать с мольбою к волнозвучным богам.
Затем мы пересечём Ионийское море, и наш чёлн даст отдых
усталым парусам в спокойной воде Лехейской гавани;
остаток пути, ноги, спешите преодолеть сами
по Истму, отделяющему одно море от другого.
Потом, когда меня примут берега Пирейского порта,
я буду подниматься по длинной Тезеевой дороге.
Здесь я займусь исправлением своей души — либо на Платоновом
ристалище, либо в твоих садах, учёный Эпикур,
либо продолжу изучение языка — оружия Демосфена,
либо стану читать твои остроумные книги, изящный Менандр.
Может быть, моими очами овладеет живопись, может быть, труды
искусных рук из слоновой кости или — ещё лучше — из бронзы.
Течение лет или огромные морские пространства —
на их молчаливом лоне заживут мои раны;
а если я умру, то сломленный судьбой, а не постыдной страстью,
и для меня станет славным последний день.

22

Неужели, Тулл, тебе долгие годы нравился холодный Кизик,
чей перешеек обтекает волна Пропонтиды,
Диндим и Кибела, сотворённая из священного винограда, —

raptorisque tulit qua via Ditis equos?
si te forte iuvant Helles Athamantidos urbes,
at desiderio, Tulle, movere meo.
tu licet aspicias caelum omne Atlanta gerentem,
sectaque Persea Phorcidos ora manu,
Geryonis stabula et luctantum in pulvere signa
Herculis Antaeique Hesperidumque choros;
tuque tuo Colchum propellas remige Phasim,
Peliacaeque trabis totum iter ipse legas,
qua rudis Argoa natat inter saxa columba
in faciem prorae pinus adacta novae:
et si<s>, qua Or<t>yg<i>e visenda est, ora Caystri,
et qua septenas temperat unda vias;
omnia Romanae cedent miracula terrae:
natura hic posuit, quidquid ubique fuit.
armis apta magis tellus quam commoda noxae:
Famam, Roma, tuae non pudet historiae.
nam quantum ferro tantum pietate potentes
stamus: victrices temperat ira manus.
hic Anio Tiburne fluis, Clitumnus ab Umbro
tramite, et aeternum Marcius umor opus,
Albanus lacus et foliis Nemorensis ab unda,
potaque Pollucis nympha salubris equo.
at non squamoso labuntur ventre cerastae,
Itala portentis nec fu<r>it un<d>a novis,
non hic Andromedae resonant pro matre catenae,
nec tremis Ausonias, Phoebe fugate, dapes,
nec cuiquam absentes arserunt in caput ignes
exitium nato matre movente suo,
Penthea non saevae venantur in arbore Bacchae,
nec solvit Danaas subdita cerva ratis,
cornua nec valuit curvare in paelice Iuno
aut faciem turpi dedecorare bove;
. . . . . .
arboreasque cruces Sinis, et non hospita Grais
saxa, et curvatas in fera fata trabes.
haec tibi, Tulle, parens, haec est pulcherrima sedes,
hic tibi pro digna gente petendus honos,
hic tibi ad eloquium cives, hic ampla nepotum
spes et venturae coniugis aptus amor.

Кизик, куда дорога привела коней Дита — похитителя Прозерпины?
Если вдруг тебе по душе города Геллы, дочери Афаманта,
и тебя, Тулл, совсем не трогает моя тоска,
любуйся хоть на Атланта, держащего на себе всё небо,
и на голову дочери Форка, срубленную Персеевой рукой,
на Герионовы стойла и следы борющихся в пыли
Антея и Геркулеса, на хоры Гесперид —
ты со своими гребцами отправляйся хоть к Фасису в Колхиду,
и сам соверши весь путь Пелионской сосны, который она,
неопытная в морском деле, но превращённая в невиданный корабль,
прошла, одолев скалы под водительством Аргосской голубки;
ты можешь плыть к берегам Ортигии — на неё стоит взглянуть —
и к устьям Каистра, или туда, где вода бежит к морю семью путями, —
всё равно перед Римом должны склониться все земные чудеса:
всё, что было где-нибудь и когда-нибудь, природа соединила здесь.
Это страна, которая сильна оружием, но не способна
на коварство — о Рим, Молве не стыдно за твою историю.
У нас острый меч, но мы столь же и благочестивы —
наш гнев умеет сдерживать свою победную длань.
Здесь твоё русло, Тибурец Аниен, а здесь, по Умбрскому пути, течёт
Клитумн и Марциева вода — бессмертный труд человеческих рук;
здесь — и Альбанское озеро, и близ него озеро Неми
и родник с живительной водой, откуда пил конь Поллукса.
Здесь не пресмыкаются чешуйчатым брюхом керасты,
Италийские волны не знают невиданных чудовищ;
здесь не звенела цепь Андромеды, наказанной за вину матери,
и тебе, Феб, нет нужды бежать с неба, ужаснувшись Авзонийских трапез.
Здесь не горело на чью-то гибель заочное пламя,
зажжённое матерью в отместку сыну,
не охотились исступлённые Вакханки на Пенфея, укрывшегося на дереве,
а заменившая деву лань не дала Данайским судам попутного ветра.
Здесь Юнона не могла заставить соблазнительницу мужа
носить рога и не изуродовала её лица коровьей мордой…
. . . . . .
деревянные кресты Синиса, негостеприимные для Греков
скалистые берега и стволы, искривлённые на его собственную погибель.
Эта земля, Тулл, вскормила тебя, это твой лучший дом,
здесь тебе нужно стремиться к чести, достойной твоих предков,
здесь сограждане, внимающие твоему красноречию,
твёрдая надежда на потомков и любовь, готовая стать брачным союзом.

23

Ergo tam doctae nobis periere tabellae,
scripta quibus pariter tot periere bona!
has quondam nostris manibus detriverat usus,
qui non signatas iussit habere fidem.
illae iam sine me norant placare puellas
et quaedam sine me verba diserta loqui.
non illas fixum caras effecerat aurum:
vulgari buxo sordida cera fuit.
qualescumque mihi semper mansere fideles,
semper et effectus promeruere bonos.
forsitan haec illis fuerunt mandata tabellis:
«Irascor quoniam es, lente, moratus heri.
an tibi nescio quae visa est formosior? an tu
non bona de nobis crimina ficta iacis?»
aut dixit: «Venies hodie, cessabimus una:
hospitium tota nocte paravit Amor»,
et quaecumque volens reperit non stulta puella
garrula, cum blandis dicitur hora dolis.
me miserum, his aliquis rationem scribit avaru<s>
et ponit duras inter ephemeridas!
quas si quis mihi rettulerit, donabitur auro:
quis pro divitiis ligna retenta velit?
i puer, et citus haec aliqua propone columna,
et dominum Esquiliis scribe habitare tuum!

24

Falsa est ista tuae, mulier, fiducia formae,
olim oculis nimium facta superba meis.
noster amor talis tribuit tibi, Cynthia, laudes:
versibus insignem te pudet esse meis.
mixtam te varia laudavi saepe figura,
ut, quod non esses, esse putaret amor;
et color est totiens roseo collatus Eoo,
cum tibi quaesitus candor in ore foret.
quod mihi non patrii poterant avertere amici,
eluere aut vasto Thessala saga mari,
hoc ego non ferro, non igne coactus, et ipsa
naufragus Aegaea (ver[b]a fatebor) aqua.
correptus saevo Veneris torrebar aeno;

23

Ну вот! Пропали мои искусные таблички,
а с ними — столько хорошего, что там было написано!
Я часто заполнял их своими руками,
и им верили, даже не скреплённым печатью.
Они постигли науку и без меня умиротворять девушек
и говорить без меня красноречивые слова.
Они были дороги не золотыми уборами —
грязный воск покрывал дешёвый самшит.
Но — при всём при этом — они хранили мне верность
и всегда добивались для меня желанного успеха.
Может быть, им были вверены такие слова:
«Я сержусь на тебя, увалень, за вчерашнее опоздание.
Или другая показалась тебе красивее? Или ты
возвёл на нас бог весть какую напраслину?»
Или же она написала: «Приходи сегодня, отдохнём вместе;
Амур приготовил для гостя ложе на целую ночь»,
или ещё что-нибудь, что нетрудно при желании придумать неглупой
и речистой девушке, когда она назначает время для нежных хитростей.
Горе мне — теперь какой-нибудь скряга пишет на них счета
и держит их вместе с ужасными записями дневных трат!
Если кто вернёт их мне, обещаю вознаградить золотом —
кто ж захочет оставить у себя деревяшку взамен богатства?
Вперёд, мальчик, скорее выстави эти слова где-нибудь на колонне
и напиши, что твой хозяин живет на Эсквилине!

24

Напрасно ты полагаешься на свою красоту —
некогда ты пленила мой взор и слишком возгордилась этим.
Такую похвалу стяжала тебе именно наша любовь:
мне стыдно, Кинфия, что ты прославилась благодаря моим стихам.
Часто я тебя наделял всевозможными сочетаниями красоты —
влюблённый, я считал тебя тем, чем ты на самом деле не была.
Твоё лицо я часто сравнивал с розовой зарёй —
а ведь его непревзойдённая белизна была искусственной.
От чего не могли предостеречь меня отцовские друзья,
чего не смыла Фессалийская колдунья всей влагой пространной пучины,
к этому я был принуждён не огнём, не железом, и — признаюсь —
вот я потерпел кораблекрушение посреди самого Эгейского моря.
Меня, пленника, мучил на огне медный котёл Венеры;

vinctus eram versas in mea terga manus.
ecce coronatae portum tetigere carinae,
traiectae Syrtes, ancora iacta mihi est.
nunc demum vasto fessi resipiscimus aestu,
vulneraque ad sanum nunc coiere mea.
Mens Bona, si qua dea es[t], tua me in sacraria dono!
exciderant surdo tot mea vota Iovi.
III 25 risus eram positis inter convivia mensis
et de me poterat quilibet esse loquax.
quinque tibi potui servire fideliter annos:
ungue meam morso saepe querere fidem.
nil moveor lacrimis: ista sum captus ab arte;
semper ab insidiis, Cynthia, flere soles.
flebo ego discedens, sed fletum iniuria vincit:
tu bene conveniens non sinis ire iugum.
limina iam nostris valeant lacrimantia verbis,
nec tamen irata ianua fracta manu.
at te celatis aetas gravis urgeat annis
et veniat formae ruga sinistra tuae!
vellere tum cupias albos a stirpe capillos,
a! speculo rugas increpitante tibi,
exclusa inque vicem fastus patiare superbos
et quae fecisti facta queraris anus!
has tibi fatalis cecinit mea pagina diras:
eventum formae disce timere tuae!

руки мне заломили за спину и сковали цепью.
Но вот корабль достиг гавани со своим венком,
Сирты позади, и можно бросить якорь.
Только теперь я прихожу в себя после обширного поприща бурь,
и только теперь мои раны понемногу затягиваются.
Здравый Рассудок, если ты бог, твоим святыням я посвящаю
свою жизнь! — Ведь Юпитер столько раз был глух к моим обетам.
На пирах, за накрытыми столами, я был всеобщим посмешищем; III 25
кто угодно мог болтать обо мне, не сдерживая слов.
Я вынес пять лет верной службы тебе — и не раз
ты будешь, вспоминая мою верность, кусать от сожаления ногти.
Слёзы твои меня не тронут — именно это оружие было для меня
самым опасным; ты, Кинфия, обычно плакала, строя для меня козни.
Уходя восвояси, я расплачусь, но обида одолеет плач:
ты сама не позволяешь нести дальше хорошо прилаженное ярмо.
Прощай, порог, слезящийся от наших слов,
прощайте, двери, которые я так и не выломал гневными руками.
А тебе годы пусть станут незаметно всё более тяжким
бременем, пусть придут на смену твоей красоте уродливые морщины!
Тогда ты захочешь с корнем вырвать седые волосы —
тогда зеркало отразит твоё сморщенное лицо, и в свой черёд
перед закрытыми дверями ты столкнёшься с чужой надменностью
и, старуха, будешь сетовать на то, что делала сама.
Моя песнь пророчит тебе этот жестокий исход —
научись бояться за свою преходящую красоту!

LIBER QUARTUS

1

<PROPERTIUS>
«Hoc quodcumque vides, hospes, qua[m] maxima Roma est,
ante Phrygem Aenean collis et herba fuit;
atque ubi Navali stant sacra Palatia Phoebo,
Euandri profugae concubuere boves.
fictilibus crevere deis haec aurea templa,
nec fuit opprobrio facta sine arte casa;
Tarpeiusque Pater nuda de rupe tonabat
et Tiberis nostris advena bubus erat.
qua gradibus domus ista Remi se sustulit, olim
unus erat fratrum maxima regna focus.
Curia, praetexto quae nunc nitet alta senatu,
pellitos habuit, rustica corda, Patres.
bucina cogebat priscos ad verba Quiritis:
centum illi in prato saepe senatus erat.
nec sinuosa cavo pendebant vela theatro,
pulpita sollemnis non oluere crocos.
nulli cura fuit externos quaerere divos,
cum tremeret patrio pendula turba sacro,
annuaque accenso celebrante Parilia faeno,
qualia nunc curto lustra novantur equo.
Vesta coronatis pauper gaudebat asellis,
ducebant macrae vilia sacra boves.
parva saginati lustrabant compita porci,
pastor et ad calamos exta litabat ovis.
verbera pellitus saetosa movebat arator,
unde licens Fabius sacra Lupercus habet.
nec rudis infestis miles radiabat in armis:
miscebant usta proelia nuda sude.
prima galeritus posuit praetoria Lycmon,
magnaque pars Tatio rerum erat inter ovis.
hinc Tities Ramnesque viri Luceresque Soloni,
quattuor hinc albos Romulus egit equos.
quippe suburbanae parva minus urbe <Bo>villae,

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

1

ПРОПЕРЦИЙ:
«Здесь, куда ни обернись, чужеземец, где ныне Рим во всём его величии,
до Фригийского беглеца Энея были холмы и луга,
а где стоит священный Палатин — достояние Феба Корабельного —
когда-то легли отдыхать коровы скитальца-Евандра.
Эти златоверхие храмы возросли для глиняных богов,
и безыскусно сложенное жилище не вызывало порицаний;
отец Юпитер Тарпейский гремел перуном с голого утёса,
и для наших коров даже Тибр был чужой страной.
Где подымается на своих ступенях этот Ремов дом, когда-то
для обоих братьев единственный очаг был величайшим из царств.
В курию, ныне высокое здание для сенаторов с полосой
широкого пурпура, отцы-деревенщины сходились, облачённые в шкуры.
Витой рожок созывал прежних Квиритов на собрание,
и часто сотня их, собравшись на траве, составляла сенат.
Парусящее покрывало не нависало над чашевидным театром,
и подмостки не благоухали праздничным шафраном.
Никто не заботился о том, чтобы искать заморских богов, —
ведь робкой толпе было достаточно страху от отеческих таинств.
Ежегодно справляли Парилии зажжённым сеном —
ныне такое очищение совершается холощением коня.
Бедная Веста довольствовалась осликами с венками,
и тощие волы тащили нищую жертву.
Перекрёстки узких троп очищали откормленным поросёнком,
и под звук цевницы пастух сожигал внутренности жертвенной овцы.
Одетый в шкуру пахарь размахивал ворсистым кнутом —
отсюда пошёл обычай Фабиевых Луперкалий.
На воине не блестел внушающий ужас доспех:
сражались голыми, вооружившись обожжёнными кольями.
Лукумон в меховой шапке первым установил преторскую палатку,
а Таций предпочитал заниматься своими овечьими стадами.
Отсюда родом мужи Тиции, Рамнийцы и Солониевы Луцеры,
отсюда Ромул повёл для триумфа четвёрку белых коней.
Когда Рим был ещё мал, Бовиллы — крошечный пригород —

et, qui nunc nulli, maxima turba Gabi.
et stetit Alba potens, albae suis omine nata,
tunc ubi Fidenas longa erat isse via.
nil patrium nisi nomen habet Romanus alumnus:
sanguinis altricem non pudet esse lupam.
huc melius profugos misisti, Troia, Penatis;
heu quali vecta est Dardana puppis ave!
iam bene spondebant tunc omina, quod nihil illam
laeserat abiegni venter apertus equi,
cum pater in nati trepidus cervice pependit
et verita est umeros urere flamma pios.
tunc animi venere Deci Brutique secures,
vexit et ipsa sui Caesaris arma Venus,
arma resurgentis portans victricia Troiae.
felix terra tuos cepit, Iule, deos,
si modo Avernalis tremulae cortina Sibyllae
dixit Aventino rura pianda Remo,
aut si Pergameae sero rata carmina vatis
longaevum ad Priami vera fuere caput:
«vertite equum, Danai! male vincitis! Ilia tellus
vivet et huic cineri Iuppiter arma dabit».
optima nutricum nostris lupa Martia rebus,
qualia creverunt moenia lacte tuo!
moenia namque pio coner disponere versu:
ei mihi, quod nostro est parvus in ore sonus!
sed tamen exiguo quodcumque e pectore rivi
fluxerit, hoc patriae serviet omne meae.
Ennius hirsuta cingat sua dicta corona:
mi folia ex hedera porrige, Bacche, tua,
ut nostris tumefacta superbiat Umbria libris,
Umbria Romani patria Callimachi!
scandentis quisquis cernit de vallibus arces,
ingenio muros aestimet ille meo!
Roma, fave, tibi surgit opus: date candida, cives,
omina et inceptis dextera cantet avis!
sacra deosque canam et cognomina prisca locorum:
has meus ad metas sudet oportet equus».
<HOROS>
«Quo ruis imprudens, vage, dicere fata, Properti?
non sunt a dextro condita fila colo.
accersis lacrimas canta<n>s; aversus Apollo:
poscis ab invita verba pigenda lyra.

и Габии — сущее ничто — могли бы кичиться своим многолюдством.
Была могущественна Альба Лонга, получившая имя
от белой свиньи, и путь до Фиден казался далёк.
Рим, их питомец, не унаследовал от отцов ничего, кроме имени:
нет стыда в том, что кормилицею его рода была волчица.
В добрый час, Троя, ты направила к этой земле своих беглых Пенатов:
с какими предзнаменованиями шли в дальний путь Дарданские корабли!
Все они предвещали благой исход, ведь отверстое чрево
елового коня нисколько не повредило им,
когда трепещущий отец повис на шее у своего сына,
и само пламя постыдилось опалять плечи благочестивого мужа.
Тогда сюда прибыли мужество Деция и топоры Брута,
и сама Венера привезла оружие потомка-Цезаря —
победоносное оружие возрождённой Трои.
Иул, счастлива земля, приютившая твоих богов:
если правдивы слова дрожащей на треножнике Сивиллы
и Рему предстояло искупить своей кровью Авентинские поля,
и вещания Пергамской пророчицы, которым поверили слишком поздно,
произнесённые перед лицом долгожителя Приама:
«Данайцы, поверните коня вспять! Не на благо ваша победа!
Земля Илиона будет жить, Юпитер даст меч её пеплу».
Марсова волчица, лучшая из кормилиц, помощница наша —
какие великие стены возросли на твоём молоке!
Хотелось бы мне вместить эти стены в мой благоговейный стих —
но горе мне, сколь жалок для этого голос в моих устах!
Всё же ручеёк, текущий из моего сердца, пусть он и слаб, —
до последней капли послужит моему отечеству.
Пусть колючий венок подобает Энниевым стихам —
мне же, Вакх, дай листьев из твоего плюща,
пусть моя Умбрия гордится и хвастается моими книгами —
Умбрия, родина Римского Каллимаха!
Пусть всякий, кто видит встающие над валами твердыни, —
пусть он измерит их высоту моим талантом.
Будь милостив ко мне, Рим, — для тебя растёт мой труд. Встретьте его
добрыми предзнаменованиями, Квириты, и да поможет ему благая птица!
Я буду воспевать его таинства, его памятные дни и названия мест:
мой конь — весь в мыле —должен домчать меня до этой меты.

ГОР:

«Куда ты рвёшься напролом, безумный Проперций, вещать судьбы?
Твоя нить сплетена не на добром веретене.
Ты ещё наплачешься от своих песен: Аполлон немилостив к тебе —
ты насильно требуешь от лиры стихи, вызывающие лишь досаду.

certa feram certis auctoribus, aut ego vates
nescius aerata signa movere pila.
me creat Archytae suboles Babylonius Orops
Horon, et a proavo ducta Conone domus.
di mihi sunt testes non degenerasse propinquos,
inque meis libris nil prius esse fide.
nunc pretium fecere deos et fallimus auro
Iuppiter. obliquae signa iterata rotae,
felicisque Iovis stellas Martisque rapaces
et grave Saturni sidus in omne caput,
quid moveant Pisces animosaque signa Leonis,
lotus et Hesperia quid Capricornus aqua
dicam. «Troia cades, et Troica Roma resurges»
et maris et terrae longa †sepulcra† canam.
dixi ego, cum geminos produceret Arria natos
(illa dabat natis arma vetante deo),
non posse ad patrios sua pila referre Penates:
nempe meam firmant nunc duo busta fidem.
quippe Lupercus, equi dum saucia protegit ora,
heu sibi prolapso non bene cavit equo;
Gallus at, in castris dum credita signa tuetur,
concidit ante aquilae rostra cruenta suae:
fatales pueri, duo funera matris avarae!
vera, sed invito, contigit ista fides.
idem ego, cum Cinarae traheret Lucina dolores
et facerent uteri pondera lenta moram,
«Iunonis facito votum impetrabile» dixi:
illa parit: libris est data palma meis!
hoc neque harenosum Libyae Iovis explicat antrum,
aut sibi commissos fibra locuta deos,
aut si quis motas cornicis senserit alas,
umbrave quae magicis mortua prodit aquis:
aspicienda via est caeli verusque per astra
trames, et ab zonis quinque petenda fides.
exemplum grave erit Calchas: namque Aulide solvit
ille bene haerentis ad pia saxa ratis;
idem Agamemnoniae ferrum cervice puellae
tinxit, et Atrides vela cruenta dedit.
nec rediere tamen Danai: tu, diruta, fletum
supprime et Euboicos respice, Troia, sinus!
Nauplius ultores sub noctem porrigit ignis
et natat exuviis Graecia pressa suis.

Я поведаю об истине из истинных источников — или я прорицатель,
не умеющий справиться со знаками на медной сфере.
Меня, Гора, родил потомок Архита, Ороп из Вавилона,
и Конон — родоначальник нашего дома.
Боги — свидетели, я не посрамил своих родичей,
и в моих книгах первое дело — истина.
Теперь у нас торгуют богами и за золото обманывают даже Юпитера.
Я буду говорить о звёздах косвенного круга, повторно пронзаемого
Солнцем, о счастливом светиле Юпитера и хищном — Марса,
о злой Сатурновой звезде, опасной для смертных,
о том, что вызывают Рыбы и знак мужественного Льва,
а что — Козерог, омывшийся во влаге Гесперийского моря, —
и скажу: «Троя, падёшь, и воскреснешь, Троянский Рим» —
поведаю о длинной череде смертей на суше и на море.
Когда Аррия отправляла на войну сыновей-близнецов —
бог не хотел давать им оружие, она нарушила запрет, —
я сказал, что не суждено им вернуться с копьём к отцовским Пенатам.
И вот два погребальных костра подтверждают истинность моих слов.
Увы! Луперк, защищая своего коня, раненного в морду,
не позаботился о себе, когда тот рухнул на землю;
а Галл, охраняя в лагере вверенные ему знамёна,
пал у окровавленного клюва своего орла.
Обречённые року юноши, две смерти для жадной матери!
Я оказался прав — хотя желал бы ошибиться.
Я же, когда Луцина затянула родовые схватки Кинары
и тяжкое бремя медлило в её чреве,
сказал: «Дай Юноне убедительный обет».
Она родила, а благодарить надо мои книги!
Этого не может объяснить ни Ливийская пещера Юпитера, затерянная
среди песков, ни волокна печени, которым вверена воля судеб,
ни если кому-то почудится движение вороновых крыл,
ни тень мертвеца, вызванная волшебной водой, —
нужно следить небесные пути, увидеть по звёздам
истинную тропу и в пяти поясах искать достоверное знание. Суровым
предостережением пусть будет Калхант: в Авлиде он оправил в путь
корабли, у которых были причины коснеть в виду благочестивых скал;
он же окрасил багрецом лезвие на шее Агамемноновой дщери,
и Атрид распустил осквернённые кровью паруса.
Но Данайцы не вернулись — разрушенная Троя,
сдержи свои слезы и взгляни на Эвбейские излучины!
Навплий развёл к ночи мстительные огни,
и вот Греция тонет под тяжестью собственной добычи.

victor Oiliade, rape nunc et dilige vatem,
quam vetat avelli veste Minerva sua!
hactenus historiae! nunc ad tua devehar astra;
incipe tu lacrimis aequus adesse novis.
Umbria te notis antiqua Penatibus edit
(mentior? an patriae tangitur ora tuae?)
qua[m] nebulosa cavo rorat Mevania campo,
et lacus aestivis intepet Umber aquis,
scandentisque Asis consurgit vertice murus,
murus ab ingenio notior ille tuo.
ossaque legisti non illa aetate legenda
patris et in tenuis cogeris ipse lares:
nam tua cum multi versarent rura iuvenci,
abstulit excultas pertica tristis opes.
mox ubi bulla rudi dimissa est aurea collo,
matris et ante deos libera sumpta toga,
tum tibi pauca suo de carmine dictat Apollo
et vetat insano verba tonare Foro.
at tu finge elegos, fallax opus (haec tua castra!),
scribat ut exemplo cetera turba tuo.
militiam Veneris blandis patiere sub armis
et Veneris pueris utilis hostis eris.
nam tibi victrices quascumque labore parasti,
eludit palmas una puella tuas:
et bene cum fixum mento discusseris uncum,
nil erit hoc: rostro te premet ansa tuo.
illius arbitrio noctem lucemque videbis,
gutta quoque ex oculis non nisi iussa cadet.
nec mille excubiae nec te signata iuvabunt
limina: persuasae fallere [p]rima sat est.
nunc tua vel mediis puppis luctetur in undis,
vel licet armatis hostis inermis eas,
vel tremefacta cavum tellus diducat hiatum:
octipedis Cancri terga sinistra time!»

2

Qui mirare meas tot in uno corpore formas?
accipe Vertumni signa paterna dei.
Tuscus ego et Tuscis orior, nec paenitet inter
proelia Volsinios deseruisse focos.
haec me turba iuvat, nec templo laetor eburno:

Победоносный сын Оилея, похищай и люби свою пророчицу,
отрывай её от кумира Минервы, нарушай запрет богини!
Но довольно о прошлом! Теперь обратимся к твоим звёздам;
тебя ждут новые слёзы; выслушай же меня со спокойной душой.
Ты рождён в древней Умбрии, у славных Пенатов
(ложь? или этой край и впрямь был твоей родиной?),
где в росистой долине лежит туманная Мевания
и Умбрское озеро теплеет от летних вод,
где, карабкаясь, поднимаются к вершине стены Азизия —
стены, прославленные благодаря твоему таланту.
Ты похоронил отцовские кости не в том возрасте, когда бы следовало,
и не оставил он тебе обильного имущества в доме:
когда-то много быков обрабатывало твою пашню,
но безжалостный шест землемера отобрал насиженные угодья.
Когда ты снял с детской шеи золотой шарик
и перед лицом материнских богов облачился в тогу мужа,
тогда Аполлон подсказал тебе несколько своих стихов
и воспретил подавать голос на крикливом форуме.
Вот и сочиняй элегии, обманчивый жанр, — здесь твоё поприще! —
чтобы и прочие писали, взяв тебя за образец.
Этим изящным оружием ты будешь служить Венере
и станешь удобной целью для стрел её мальчишек-Амуров.
Все твои победные венцы, добытые усердным старанием,
вскоре станут добычей одной-единственной девушки.
И хоть ты избавишься от крючка, однажды зацепившего твои губы,
это ничем не поможет: петелька останется у тебя во рту.
По её произволу будут для тебя наступать ночь и день,
и без её воли капля не упадёт у тебя из глаз.
Не помогут тебе ни бдительная стража, ни опечатанная дверь:
для обольстительницы — коль скоро она захочет — и щёлки довольно.
Теперь, будет ли твой корабль бороться за жизнь посреди моря
или ты с голой грудью пойдёшь в гущу вооружённых врагов,
или сотрясённая земля разверзнется у тебя под ногами —
бойся мрачного панциря восьминогого Рака!»

2

Стоит ли удивляться, что у меня в одном теле столько обличий?
Вот — родовые знаки Вертумна!
Я Этруск, мои отцы — Этруски, и я не раскаиваюсь в том,
что среди битв оставил Волсиниев очаг.
Мне нравится эта толпа, а не храмы из слоновой кости:

Romanum satis est posse videre Forum.
hac quondam Tiberinus iter faciebat, et aiunt
remorum auditos per vada pulsa sonos:
at postquam ille suis tantum concessit alumnis,
Vertumnus verso dicor ab amne deus.
seu, quia vertentis fructum praecerpimus anni,
Vertumni rursus credis id esse sacrum.
prima mihi variat liventibus uva racemis
et coma lactenti spicea fruge tumet;
hic dulcis cerasos, hic autumnalia pruna
cernis et aestivo mora rubere die;
insitor hic solvit pomosa vota corona,
cum pirus invito stipite mala tulit.
mendax fama, noces: alius mihi nominis index:
de se narranti tu modo crede deo!
opportuna mea est cunctis natura figuris:
in quamcumque voles verte, decorus ero.
indue me Cois, fiam non dura puella:
meque virum sumpta quis neget esse toga?
da falcem et torto frontem mihi comprime faeno:
iurabis nostra gramina secta manu.
arma tuli quondam et, memini, laudabar in illis:
corbis in imposito pondere messor eram.
sobrius ad lites: at cum est imposta corona,
clamabis capiti vina subisse meo.
cinge caput mitra, speciem furabor Iacchi;
furabor Phoebi, si modo plectra dabis.
cassibus impositis venor: sed harundine sumpta
fautor plumoso sum deus aucupio.
est etiam aurigae species Vertumnus et eius
traicit alterno qui leve corpus equo.
suppetat hic, piscis calamo praedabor et ibo
mundus demissis institor in tunicis.
pastor me ad baculum possum cur<v>are vel idem
sirpiculis medio pulvere ferre rosam.
nam quid ego adiciam, de quo mihi maxima fama est,
hortorum in manibus dona probata meis?
caeruleus cucumis tumidoque cucurbita ventre
me notat et iunco brassica vincta levi;
nec flos ullus hiat pratis, quin ille decenter
impositus fronti langueat ante meae.
at mihi, quod formas unus vertebar in omnis,

я доволен тем, что могу любоваться Римским форумом.
Некогда этим путём шёл Тиберин и, говорят,
были слышны удары вёсел по текущей воде —
но после того, как он так далеко отступил перед своими питомцами,
я был назван богом Вертумном — за то, что повернул реку.
А ещё говорят: оттого, что мне положены первинки урожая,
при перемене времени года, — отсюда пошло это таинство.
Для меня на созревшей лозе синеет первая гроздь,
а в жёстком панцире колоса наливается млечное зерно.
Здесь ты увидишь и сладкие вишни, и осенние сливы,
здесь — шелковицу, краснеющую летним днём;
здесь после прививки садовник исполняет свой обет гирляндой
яблок, которые принесла слива вопреки своей воле.
Но ты вредишь мне, ложная молва: смысл моего имени — иной;
поверь хоть самому богу, когда он рассказывает о себе!
Моя природа пригодна для любого облика:
куда и как ни поверни, я буду прекрасен.
Облачи меня в Косскую ткань — и получится недурная девушка,
одень в тогу — кто не скажет: вот истинный муж!
Дай мне серп и накинь на лоб венок из сена —
ты поклянёшься, что я только что косил траву.
Когда-то я носил оружие, и, кажется, не бесславно;
взваливал на плечи корзинку, был и жнецом.
Для тяжб и споров я трезв, но когда я с венком на висках,
ты сам же громко воскликнешь, что мне в голову ударило вино.
Только я надену на себя митру — и тут же похищаю облик Иакха,
присвоил бы и Фебов, дай мне только в руки плектр.
Взяв тенёта, иду на охоту; запасшись тростником,
как Фавн, отправляюсь на ловлю пернатого племени.
Могу стать возничим, погоняющим лошадь, и даже уподобиться тому,
кто легко перекидывает тело с одного коня на другого.
Будет у меня удочка — пойду с удочкой ловить рыбу,
и, опустив тунику, стану дельным разносчиком.
Согнувшись над посохом, сойду за пастуха, и я же
могу в плетёной корзине нести розы, ступая по песку.
Что уж добавлять, чем я и без того славен —
что мои руки щедры для садовых плодов?
Зелёный огурец и тыква с громадным брюхом,
капуста в венке из лёгкого камыша — они сами говорят за меня;
не распустилось такого цветка на лугу, который
не лёг бы красиво в венок у меня на лбу.
И за то, что я один принимаю любой облик,

nomen ab eventu patria lingua dedit;
et tu, Roma, meis tribuisti praemia Tuscis
(unde hodie Vicus nomina Tuscus habet),
tempore quo sociis venit Lycomedius armis
atque Sabina feri contudit arma Tati.
vidi ego labentis acies et tela caduca,
atque hostis turpi terga dedisse fugae.
sed facias, divum Sator, ut Romana per aevum
transeat ante meos turba togata pedes.
sex superant versus: te, qui ad vadimonia curris,
non moror: haec spatiis ultima creta meis.
stipes acernus eram, properanti falce dolatus,
ante Numam grata pauper in urbe deus.
at tibi, Mamurri, formae caelator aenae,
tellus artifice ne terat Osca manus,
qui me tam docilis potuisti fundere in usus.
unum opus est, operi non datur unus honos.

3

Haec Arethusa suo mittit mandata Lycotae,
cum totiens absis, si potes esse meus.
si qua tamen tibi lecturo pars oblita derit,
haec erit e lacrimis facta litura meis:
aut si qua incerto fallet te littera tractu,
signa meae dextrae iam morientis erunt.
te modo viderunt iteratos Bactra per ortus,
te modo munito Neuricus hostis equo,
hibernique Getae pictoque Britannia curru
ustus et Eoa decolor Indus aqua.
haecne marita fides et †parce avia† noctes,
cum rudis urgenti bracchia victa dedi?
quae mihi deductae fax omen praetulit, illa
traxit ab everso lumina nigra rogo;
et Stygio sum sparsa lacu, nec recta capillis
vitta data est: nupsi non comitante deo.
omnibus heu portis pendent mea noxia vota:
texitur haec castris quarta lacerna tuis.
occidat, immerita qui carpsit ab arbore vallum
et struxit querulas rauca per ossa tubas,
dignior obliquo funem qui torqueat Ocno,
aeternusque tuam pascat, aselle, famem!

за мою превратность — отеческий язык дал мне имя Вертумна.
И ты, Рим, вознаградил моих Этрусков
(откуда пошло нынешнее имя Тусской улицы)
в ту пору, когда союзники — Ликомеды пришли с оружием на помощь
и отразили Сабинские клинки свирепого Тация.
Я видел, как смешался их строй, как пали на землю мечи,
и враг показал нам спину, обратившись в постыдное бегство.
Ты же, Отец богов, сделай так, чтобы веками толпы Римлян,
облачённые в тогу, проходили пред моими стопами.
Остаётся шесть стихов: тебя, спешащий в суд, я не задержу —
здесь проведена мелом последняя черта моего поприща.
Я был кленовым бревном, которое поспешно обтесал серп, —
бедным богом в городе, который принял меня ещё до Нумы.
А тебе, Мамуррий, художник моего бронзового изваяния,
пусть Оскская земля не натрет искусные руки —
ты сумел отлить меня в столь замечательной форме:
потрудился ты один раз, но похвалят твой труд не единожды.

3

Аретуза посылает это письмо своему Ликоту —
как часто ты меня бросаешь и вообще можешь ли быть моим?
Если, когда ты будешь его читать, чего-то не разберёшь
из-за пятна, то знай: это пятно от моих слёз.
А если письмо где-то окажется неразборчиво,
значит, его писала рука умирающей женщины.
Недавно Бактры видели тебя во второй раз на дорогах Востока,
недавно — враги Невры на облачённых в доспехи скакунах,
жители зимних стран Геты, Британцы на пёстрых колесницах
и загорелые под пламенным небом Индийцы, живущие у восточных вод.
Такова твоя супружеская верность? Вот награда за ночи лобзаний
для неопытной и покорной — ты её торопил, а она тянула к тебе руки?
Вещим был тот брачный факел, который несли передо мной, —
его чёрный свет был похищен из углей погребального костра.
Меня окропила Стигийская влага, и повязка на волосах
легла не по обычаю: бог не был благосклонен к нашему браку.
Ах, на всех дверях висят мои приношения, пагубные для меня же:
вот я тку для тебя уже четвёртый походный плащ.
Пусть пропадёт тот, кто вздумал рубить на валы невинные деревья
и смастерил из костей трубу, издающую жалобный стон!
Лучше бы ему, вместо Окна, согнувшись, плести верёвку
и непрестанно утолять ею голод, вечный голод ненасытного осла!

dic mihi, num teneros urit lorica lacertos?
num gravis imbellis atterit hasta manus?
haec noceant potius, quam dentibus ulla puella
det mihi plorandas per tua colla notas!
diceris et macie vultum tenuasse: sed opto
e desiderio sit color iste meo.
at mihi cum noctes induxit vesper amaras,
si qua relicta iacent, osculor arma tua;
tum queror in toto non sidere pallia lecto,
lucis et auctores non dare carmen avis.
noctibus hibernis castrensia pensa laboro
et Tyria in gladios vellera secta suo[s];
et disco, qua parte fluat vincendus Araxes,
quot sine aqua Parthus milia currat equus;
cogor et e tabula pictos ediscere mundos,
qualis et haec docti sit positura dei,
quae tellus sit lenta gelu, quae putris ab aestu,
ventus in Italiam qui bene vela ferat.
assidet una soror, curis et pallida nutrix
peierat hiberni temporis esse moras.
felix Hippolyte! nuda tulit arma papilla
et texit galea barbara molle caput.
Romanis utinam patuissent castra puellis!
essem militiae sarcina fida tuae,
nec me tardarent Scythiae iuga, cum Pater altas
acriter in glaciem frigore nectit aquas.
omnis amor magnus, sed aperto in coniuge maior:
hanc Venus, ut vivat, ventilat ipsa facem.
nam mihi quo Poenis nunc purpura fulgeat ostris
crystallusque meas ornet aquosa manus?
omnia surda tacent, rarisque assueta kalendis
vix aperit clausos una puella Lares.
Craugidos et catulae vox est mihi grata querentis:
illa tui partem vindicat una toro.
flore sacella tego, verbenis compita velo
et crepat ad veteres herba Sabina focos.
sive in finitimo gemuit stans noctua tigno,
seu voluit tangi parca lucerna mero,
illa dies hornis caedem denuntiat agnis,
succinctique calent ad nova lucra popae.
ne, precor, ascensis tanti sit gloria Bactris
raptave odorato carbasa lina duci,

Скажи мне, не жжёт ли тебе белые плечи в жёстком панцире?
Не натирает ли нежные ладони тяжкое копьё?
Но пусть уж скорее это, чем если бы какая-нибудь девушка
оставляла зубами на шее губительные для меня знаки!
Говорят, ты исхудал с лица; но мне хотелось бы,
чтобы эта бледность была вызвана тоскою по мне.
А я, когда вечер ведёт за собой тоскливую ночь,
лобзаю твоё оружие, которое ты оставил дома;
а потом жалуюсь, что покрывало не лежит ровно на постели
и не поют птицы, вестники утреней зари.
Зимними ночами я тружусь над пряжею для воинственной одежды
и шью из кусков Тирийской шерсти перевязь для меча,
изучаю, в какой стороне течет Аракс, где вам нужна победа,
и сколько миль без воды может проскакать Парфянский конь.
Мне приходилось смотреть на карту и разглядывать изображённые
на ней страны, как они расположены по воле премудрого бога:
какая земля скована льдом, какая — рыхлая от зноя,
какой ветер сулит парусам добрый путь в Италию.
Рядом со мной сидит лишь сестра, а кормилица, побледневшая от тревог,
клянется, — лжёт! — что ты медлишь из-за зимнего времени.
Повезло же Ипполите! Она сражалась с голой грудью,
по варварскому обычаю прикрыв шлемом нежную голову.
Вот бы и для Римских девушек было открыто военное поприще!
Я бы была для тебя надёжным военным снаряжением,
и меня не задержали бы Скифские хребты в ту пору,
когда Отец покрывает ледяной коркой глубокие воды.
Хоть любовь сильна всегда и везде, она сильней, если видишь супруга —
сама Венера раздувает факел, поддерживая её жизнь.
А так для кого мне блистать в Финикийском пурпуре
и носить на руках прозрачный, как вода, хрусталь?
Всё смолкло… и лишь изредка по привычке в день календ
одна служанка открывает запертое святилище Ларов.
Меня развлекает лишь жалобный вой собачонки Кравгиды:
она — единственная, кто требует твоей половины ложа.
Я убираю святилище цветами, украшаю вербеною перекрёстки,
и на старом очаге трещит Сабинская трава.
А если неподалёку застонет сыч, сидящий на чьей-нибудь крыше,
или скупой светильник захочет, чтоб его окропили вином,
значит, этот день грозит закланием годовалым ягнятам,
и помощники жреца, подпоясавшись, радостно ждут нового прибытка.
Молю, не гонись за славой, стремясь влезть на Бактрийские стены
или сорвать с умащённого вождя покрывало из тонкого полотна,

plumbea cum tortae sparguntur pondera fundae,
subdolus et versis increpat arcus equis!
sed (tua sic domitis Parthae telluris alumnis
pura triumphantis hasta sequatur equos)
incorrupta mei conserva foedera lecti!
hac ego te sola lege redisse velim:
armaque cum tulero portae votiva Capenae,
subscribam SALVO GRATA PUELLA VIRO.

4

Tarpeium nemus et Tarpeiae turpe sepulcrum
fabor et antiqui limina capta Iovis.
lucus erat felix hederoso conditus antro,
multaque nativis obstrepit arbor aquis,
Silvani ramosa domus, quo dulcis ab aestu
fistula poturas ire iubebat ovis.
hunc Tatius fontem vallo praecingit acerno,
fidaque suggesta castra coronat humo.
(quid tum Roma fuit, tubicen vicina Curetis
cum quateret lento murmure saxa Iovis,
atque ubi nunc terris dicuntur iura subactis,
stabant Romano pila Sabina Foro?
murus erant montes; ubi nunc est Curia, saepta;
bellicus ex illo fonte bibebat equus).
hinc Tarpeia deae fontem libavit: at illi
urgebat medium fictilis urna caput.
et satis una malae potuit mors esse puellae,
quae voluit flammas fallere, Vesta, tuas?
vidit harenosis Tatium proludere campis
pictaque per flavas arma levare iubas:
obstipuit regis facie et regalibus armis,
interque oblitas excidit urna manus.
saepe illa immeritae causata est omina lunae
et sibi tingendas dixit in amne comas:
saepe tulit blandis argentea lilia Nymphis,
Romula ne faciem laederet hasta Tati:
dumque subit primo Capitolia nubila fumo,
rettulit hirsutis bracchia secta rubis,
et sua Tarpeia residens ita flevit ab arce
vulnera, vicino non patienda Iovi:
«Ignes castrorum et Tatiae praetoria turmae

когда в воздухе так и свищут свинцовые снаряды из пращей
и лук в притворном бегстве всадника не скупится на стрелы.
Но (пусть боги позволят тебе, смирив питомцев Парфянской земли,
проследовать с копьём без наконечника за триумфальной колесницей)
не оскверняй заключённый нами союз и общее ложе!
Вот единственное условие, при котором я жажду твоего возвращения:
когда же я по обету понесу оружие к Капенским воротам, я напишу
на нём: БЛАГОДАРНАЯ ДЕВУШКА МУЖУ — ЦЕЛОМУ И НЕВРЕДИМОМУ.

4

Тарпейская роща и бесславная могила Тарпеи —
о вас моя повесть и о пленном пороге древнего Юпитера.
Была плодоносная роща, скрытая в котловине, заросшей плющом,
и много дерёв омывала, журча, ключевая вода, —
ветвистое жилище Сильвана, куда его нежная свирель
в полуденный зной скликала овец на водопой.
Этот ручей Таций обнёс частоколом из кленовых стволов,
увенчав надёжный оплот дерновым валом.
(Чем был тогда Рим, когда трубач из соседних Кур
сотрясал протяжным звуком скалы Юпитера,
а то место, где ныне дают законы для покорённых земель,
Римский форум, — занимали Сабинские копья?)
Стенами Риму были горы; где ныне курия, стояла изгородь,
а из этого ручья пил скакун воина.
Отсюда Тарпея брала воду для возлияний богине;
она носила на голове тяжёлый глиняный кувшин.
Но довольно ли одной смерти для этой порочной девы,
которая захотела, Веста, надругаться над твоим огнём?
Она увидела — Таций расположился лагерем на песчаной земле
и упражнял войско, подняв расписное оружие над рыжими гривами.
Она оцепенела, взглянув на лицо и доспехи царя,
забыла про воду, и кувшин выпал из рук.
Часто она измышляла повод, ссылаясь на знаменья луны,
и говорила, что ей нужно омыть волосы проточной водой;
часто носила серебряные лилии ласковым нимфам,
чтобы копьё Ромула не попало Тацию в лицо.
Когда в небо поднимался первый дым и она восходила на окутанный
туманом Капитолий, её руки были исцарапаны колючей ежевикой;
сидя на Тарпейской скале, она оплакивала свои раны,
которых не мог стерпеть соседственный Юпитер:
«Лагерные огни, палатка Тациевой турмы

et formosa oculis arma Sabina meis,
o utinam ad vestros sedeam captiva Penatis,
dum captiva mei conspicer esse Tati!
Romani montes, et montibus addita Roma,
et valeat probro Vesta pudenda meo:
ille equus, ille meos in castra reponet amores,
cui Tatius dextras collocat ipse iubas!
quid mirum in patrios Scyllam saevisse capillos,
candidaque in saevos inguina versa canis?
prodita quid mirum fraterni cornua monstri,
cum patuit lecto stamine torta via?
quantum ego sum Ausoniis crimen factura puellis,
improba virgineo lecta ministra foco!
Pallados exstinctos si quis mirabitur ignis,
ignoscat: lacrimis spargitur ara meis.
cras, ut rumor ait, tota pigrabitur urbe:
tu cape spinosi rorida terga iugi!
lubrica tota via est et perfida: quippe tacentis
fallaci celat limite semper aquas.
o utinam magicae nossem cantamina Musae!
haec quoque formoso lingua tulisset opem.
te toga picta decet, non quem sine matris honore
nutrit inhumanae dura papilla lupae.
†sic hospes pariamne tua regina sub aula†
dos tibi non humilis prodita Roma venit.
si minus, at raptae ne sint impune Sabinae,
me rape et alterna lege repende vices!
commissas acies ego possum solvere, nuptae:
vos medium palla foedus inite mea!
adde, Hymenaee, modos! tubicen, fera murmura conde!
credite, vestra meus molliet arma torus.
et iam quarta canit venturam bucina lucem,
ipsaque in Oceanum sidera lapsa cadunt.
experiar somnum, de te mihi somnia quaeram:
fac venias oculis umbra benigna meis!»
dixit, et incerto permisit bracchia somno,
nescia, vae, furiis accubuisse novis.
nam Vesta, Iliacae felix tutela favillae,
culpam alit et plures condit in ossa faces.
illa ruit, qualis celerem prope Thermodonta
Strymonis abscisso pectus aperta sinu.
urbi festus erat (dixere Parilia patres),

и ты, Сабинское оружие, желанное для моих очей!
О, если бы мне пришлось быть пленницей в ваших Пенатах,
лишь бы тот, кому я попала в плен, был мой Таций!
А вы, Римские горы и Рим в придачу к горам,
и оскорблённая моим поступком Веста — прощайте!
Пусть и меня, и мою любовь привезёт во вражеский лагерь
конь, чью гриву на правую сторону убирает сам Таций!
Диво ли, что Сцилла была так сурова к отцовским волосам,
что её белый живот превратился в бешеных псов?
Диво ли, что девушка предала брата — рогатое чудовище —
и дала нить, чтоб пройти обратно извилистый путь?
Какое нарекание я навлеку на девушек Авзонии,
предательница, избранная для служения девственному очагу!
Если кто удивится, что угас огонь Паллады,
пусть простит: её алтари были залиты моими слезами.
Говорят, что завтра будет отдых всему городу —
самое время для тебя взобраться на росистые хребты!
Путь твой — скользкий и неверный; в обманчивой земле
везде под коварною тропою кроются молчаливые воды.
О, если бы я только знала заклинания волшебницы-Музы!
Но всё же и мой язык в силах помочь милому.
Тебе подобает пёстрая тога, а не тому, кто, и матери не имея,
был выкормлен жёсткими сосцами дикой волчицы.
Будет ли мне суждено стать в твоём дворце царицей?
И приданое за мной немалое — преданный Рим.
А если не хочешь, воздай по заслугам за похищенных Сабинских дев:
укради меня, и тогда ты по закону отплатишь за равное равным!
Я, жёны, могу расстроить бой уже готовых отрядов:
заключайте мирный договор с помощью моего свадебного пеплоса!
Пой и играй, Гименей! Пусть трубач прекратит дикий рёв!
Поверьте, брачное ложе притупит ваши клинки.
Но четвёртый рокот горна уже возвещает наступление утра;
заходящие звёзды потихоньку скользят в Океан.
Попробую уснуть, во сне попытаюсь узреть тебя —
явись моим очам, как благосклонное видение!»
Так она сказала и отдалась на волю неверного сна —
увы, не зная, что возлегли рядом с ней неслыханные фурии.
Веста, благотворная хранительница горячей золы Пергамского очага,
питает её преступление, вонзая угольки в кости.
Она мечется, словно девушка со Стримона, на берегу
быстрого Термодонта, разодрав себе платье и обнажив грудь.
В Риме был праздник (отцы назвали его Парилии),

hic primus coepit moenibus esse dies,
annua pastorum convivia, lusus in urbe,
cum pagana madent fercula divitiis,
cumque super raros faeni flammantis acervos
traicit immundos ebria turba pedes.
Romulus excubias decrevit in otia solvi
atque intermissa castra silere tuba.
hoc Tarpeia suum tempus rata convenit hostem:
pacta ligat, pactis ipsa futura comes.
mons erat ascensu dubius †festoque remissus†
nec mora, vocalis occupat ense canis.
omnia praebebant somnos: sed Iuppiter unus
decrevit poenis invigilare tuis.
prodiderat portaeque fidem patriamque iacentem,
nubendique petit, quem velit ipse, diem.
at Tatius (neque enim sceleri dedit hostis honorem)
«Nube» ait «et regni scande cubile mei!»
dixit, et ingestis comitum super obruit armis.
haec, virgo, officiis dos erat apta tuis.
a duce Tarpeia mons est cognomen adeptus:
o vigil, iniustae praemia sortis habes.

5

Terra tuum spinis obducat, lena, sepulcrum
et tua, quod non vis, sentiat umbra sitim;
nec sedeant cineri Manes, et Cerberus ultor
turpia ieiuno terreat ossa sono!
docta vel Hippolytum Veneri mollire negantem,
concordique toro pessima semper avis,
Penelopen quoque neglecto rumore mariti
nubere lascivo cogeret Antinoo.
illa velit, poterit magnes non ducere ferrum
et volucris nidis esse noverca suis.
quippe et, Collinas ad fossam moverit herbas,
stantia currenti diluerentur aqua.
audax cantatae leges imponere lunae
et sua nocturno fallere terga lupo,
posset ut intentos astu caecare maritos,
cornicum immeritas eruit ungue genas;
consuluitque striges nostro de sanguine, et in me
hippomanes fetae semina legit equae.

отмечая первый день возведения городской стены;
пастухи справляли его ежегодными пирами, в городе веселились;
столы ломились от сельских яств,
и через редко поставленные зажжённые кучи сена
перепрыгивала пьяная, грязноногая толпа.
Ромул на праздник распустил караульных,
велел умолкнуть трубам и сохранять тишину.
Тогда-то Тарпея и выбрала время, чтобы явиться к врагу.
Она заключила с ним договор, условившись и о будущем браке. Был один
труднодоступный горный склон, который на праздник оставили
без охраны; тотчас же меч заставил смолкнуть голосистых собак.
Всё погрузилось в сон — один Юпитер
решил бодрствовать на твою погибель.
Она предала вверенные ей ворота и спящую родину
и требует, чтобы он сам назначил день для их свадьбы.
А Таций (хоть и враг, он не пожелал воздать честь за преступление)
сказал: «Иди замуж, возляг на моём царском ложе!»
Сказал — и обрушил на неё доспехи своих спутников.
Вот, дева, дар, который был достоин твоей услуги.
Скала же эта получила своё имя от проводницы-Тарпеи —
стражница, вот тебе воздаяние за твою неверную службу!

5

Сводня, пусть зарастёт колючками твоя могила
и — ты ведь не хочешь этого — пусть мучается жаждой твоя тень;
пусть Маны не успокоятся в пепле и мстительный Цербер
устрашает голодным рёвом позорные кости!
Способная смягчить хоть Ипполита, если бы он отказал самой Венере,
зловещая птица для ложа, где прежде царило согласие,
она заставила бы и Пенелопу, пренебрегая слухами о муже,
выйти замуж за распутного Антиноя.
Она захотела бы — и магнит перестал бы притягивать железо,
а птица стала бы мачехой в собственном гнезде.
И если она положит в ров травы от Коллинских ворот,
его твёрдый берег потечёт вместе с водой.
Она дерзает подчинять своей власти очарованную луну
и прятать свою спину под обликом ночного волка,
а чтобы коварно ослеплять бдительных мужей,
она ногтями вырывает глаза у невинных ворон;
Она вопрошала у сычей о моей крови и против меня
собирала слизь из паха беременной кобылицы.

exorabat opus verbis †ceu blanda perure†
saxosamque forat sedula gutta viam:
«Si te Eoa †dorozantum† iuvat aurea ripa,
et quae sub Tyria concha superbit aqua,
Eurypylique placet Coae textura Minervae,
sectaque ab Attalicis putria signa toris,
seu quae palmiferae mittunt venalia Thebae,
murreaque in Parthis pocula cocta focis;
sperne fidem, provolve deos, mendacia vincant,
frange et damnosae iura pudicitiae!
et simulare virum pretium facit: utere causis!
maior dilata nocte recurret amor.
si tibi forte comas vexaverit, utilis ira:
post modo mercata pace premendus erit.
denique ubi amplexu Venerem promiseris empto,
fac simules puros Isidis esse dies.
ingerat Aprilis Iole tibi, tundat Omichle
natalem Maiis Idibus esse tuum.
supplex ille sedet: posita tu scribe cathedra
quidlibet; has artis si pavet ille, tenes!
semper habe morsus circa tua colla recentis,
litibus alterius quos putet esse datos.
nec te Medeae delectent probra sequacis
(nempe tulit fastus ausa rogare prior),
sed potius mundi Thais pretiosa Menandri,
cum ferit astutos comica moecha Getas.
in mores te verte viri: si cantica iactat,
i comes et voces ebria iunge tuas.
ianitor ad dantis vigilet: si pulsat inanis,
surdus in obductam somniet usque seram.
nec tibi displiceat miles non factus amori,
nauta nec attrita si ferat aera manu,
aut quorum titulus per barbara colla pependit,
cretati medio cum saluere foro.
aurum spectato, non quae manus afferat aurum!
versibus auditis quid nisi verba feres?
«Quid iuvat ornato procedere, vita, capillo
et tenuis Coa veste movere sinus?»
qui versus, Coae dederit nec munera vestis,
istius tibi sit surda sine aere lyra.
dum vernat sanguis, dum rugis integer annus,
utere, ne quid cras libet ab ore dies!

Она выпрашивала то, что ей нужно, так, как добивается своего капля, —
вкрадчивая и усердная, она находит себе путь сквозь скалы:
«Если тебе мил золотой берег Дорозантов на крайнем Востоке
и гордая раковина из Тирийских вод,
если ты любишь Еврипиловы ткани — труд Косской Минервы,
и покрытые налётом времени статуэтки, сорванные с Атталийских лож,
или то, что шлют на продажу пальмоносные Фивы,
или мировые чаши, обожжённые в Парфянских очагах, —
нарушая клятвы, низвергни богов; пусть торжествует ложь,
пусть будет сломано тягостное ярмо стыдливости!
Выдумать мужчину — тоже приносит деньги; измышляй уловки:
если перенести ночную встречу, любовь распаляется сильнее.
Растреплет тебе случаем волосы — пользуйся его гневом:
потом нажмёшь на него, чтобы купил примирение.
Затем, продав ему объятья, посули ему любовь
и вдруг притворись, что теперь дни Изиды и нужно воздержание.
Пусть Иола напоминает, что уже наступил апрель; пусть Омихла
трубит, что в майские иды — твой день рождения.
Он сидит и тебя умоляет: принеси кресло и что-нибудь пиши.
Если тогда оробеет — он у тебя в руках!
Пусть у тебя на шее всегда будут следы от свежих укусов,
пусть он думает, что они достались тебе от другого.
Не соблазняйся бесславием Медеи, пожелавшей последовать за мужем
(она отважилась просить первой и в ответ получила надменную
холодность), следуй другому примеру, вот — дорогостоящая Фаида
утонченного Менандра, девка из комедии, язвящая хитрых Гетов.
Приноравливайся к нравам мужа: если он хвалится песнями,
иди рядом и, как пьяная, присоединяй к его голосу свой.
Привратник пусть бодрствует для щедрых: если кто стучится
с пустыми руками, пусть дремлет, как глухой, затворив засовы.
Не питай отвращения ни к воину, не созданному для любви,
ни к моряку с истёртыми руками — лишь бы нёс монету;
ни даже и к варвару, кто стоял среди рынка с вывеской на шее
и подпрыгивал на ногах, вымазанных мелом.
Смотри на золото, а не на то, чья рука приносит золото!
Ну послушаешь ты стихи — и останешься при одних словах!
«Жизнь моя, что пользы, когда ты выступаешь с пышным убором волос,
когда твоё тело нежно овевает Косская ткань?»
Кто дарит тебе стихи, а не Косские одежды,
лучше уж будь глуха к его безденежной лире!
Пока весною кипит кровь, пока на юном лице нет морщин,
пользуйся; как бы завтрашний день не убавил твою красоту!

vidi ego odorati victura rosaria Paesti
sub matutino cocta iacere Noto».
his animum nostrae dum versat Acanthis amicae,
per tenuem ossa <mihi> sunt numerata cutem.
sed cape torquatae, Venus o regina, columbae
ob meritum ante tuos guttura secta focos!
vidi ego rugoso tussim concrescere collo,
sputaque per dentis ire cruenta cavos,
atque animam in tegetes putrem exspirare paternas:
horruit algenti pergula curta foco.
exsequiae fuerant rari furtiva capilli
vincula et immundo pallida mitra situ
et canis, in nostros nimis experrecta dolores,
cum fallenda meo pollice clatra forent.
sit tumulus lenae curto vetus amphora collo:
urgeat hunc supra vis, caprifice, tua.
quisquis amas, scabris hoc bustum caedite saxis,
mixtaque cum saxis addite verba mala!

6

Sacra facit vates: sint ora faventia sacris
et cadat ante meos icta iuvenca focos.
cera Philiteis certet Romana corymbis
et Cyrenaeas urna ministret aquas.
costum molle date et blandi mihi turis honores,
terque focum circa laneus orbis eat!
spargite me lymphis, carmenque recentibus aris
tibia Mygdoniis libet eburna cadis.
ite procul fraudes, alio sint aere noxae:
pura novum vati laurea mollit iter.
Musa, Palatini referemus Apollinis aedem:
res est, Calliope, digna favore tuo.
Caesaris in nomen ducuntur carmina: Caesar
dum canitur, quaeso, Iuppiter ipse vaces.
est Phoebi fugiens Athamana ad litora portus,
qua sinus Ioniae murmura condit aquae,
Actia Iuleae pelagus monumenta carinae,
nautarum votis non operosa via.
huc mundi coiere manus: stetit aequore moles
pinea, nec remis aequa favebat avis.
altera classis erat Teucro damnata Quirino,

Я видела розы в садах душистого Пестума — им бы цвести и цвести;
но их обжёг утренний Нот — и вот их больше нет».
Пока Аканфида смущала мою девушку такими речами,
от меня остались кожа да кости — хоть пересчитывай рёбра!
Но теперь прими, царица Венера, голубку в ожерелье из перьев,
положенную к твоим алтарям, — ты заслужила эту жертву!
Видел я, как распухло от кашля её морщинистое горло,
как окрашивались кровью плевки сквозь щербатый рот,
как она испускала дух, лёжа на отцовской циновке,
как содрогнулась её нищая конура, когда угас огонь в очаге.
Все её похороны были — ворованная повязка, лежащая
на редких волосах, выцветшая митра, испачканная в грязи и плесени,
и пёс, слишком — мне на горе! — чуткий,
когда надо было тайно открыть решётку.
Для могилы сводне довольно старой амфоры со сбитым горлышком;
пусть дикая смоква придавит её своими корнями.
Вы же, влюблённые, закидайте её курган острыми каменьями
и к острым каменьям добавьте побольше брани!

6

Пророк священнодействует; все да помогут его священнодействию,
и да падёт под ударом ножа тёлка у моего алтаря.
Пусть Римская навощённая табличка состязается с плющом Филита,
а кувшин принесёт воды, зачерпнув из Киренского источника.
Дайте мне сладостный кост, почтите меня благоуханным фимиамом,
и пусть шерстяная повязка трижды ляжет вокруг очага.
Окропите меня влагой, а ты, флейта из слоновой кости, посвяти
новым алтарям песнь, орошённую влагой из Мигдонских кувшинов.
Прочь, обманы, и ты, коварство, ищи себе другого неба:
очистительный дар облегчает пророку неслыханный путь.
Муза, поведай о храме Аполлона на Палатине:
Каллиопа, это заслуживает твоей благосклонности.
Во имя Цезаря будут слагаться стихи: и пока они поют
о Цезаре, молю, Юпитер, не оставь их своим вниманием!
Есть посвящённая Фебу гавань, сбегающая к Афамановым берегам,
где в заливе смиряется ропот Ионийского прибоя.
Море Акциума, памятник Юлиева флота,
необременительный путь, желанный для моряков.
Здесь сошлись мировые силы: громада сосновых тел
вспенила вёслами воду, но им сопутствовали разные птицы.
Один флот был обречён на гибель от руки Троянца-Квирина,

pilaque femineae turpiter apta manu:
hinc Augusta ratis plenis Iovis omine velis,
signaque iam patriae vincere docta suae.
tandem aciem geminos Nereus lunarat in arcus,
armorum et radiis [p]icta tremebat aqua,
cum Phoebus linquens stantem se vindice Delon
(nam tulit iratos mobilis un[d]a Notos)
astitit Augusti puppim super, et nova flamma
luxit in obliquam ter sinuata facem.
non ille attulerat crinis in colla solutos
aut testudineae carmen inerme lyrae,
sed quali aspexit Pelopeum Agamemnona vultu
egessitque avidis Dorica castra rogis,
aut qualis flexos solvit Pythona per orbis
serpentem, imbelles quem timuere lyrae.
mox ait: «O Longa mundi servator ab Alba,
Auguste, Hectoreis cognite maior avis,
vince mari: iam terra tua est: tibi militat arcus
et favet ex umeris hoc onus omne meis.
solve metu patriam, quae nunc te vindice freta
imposuit prorae publica vota tuae.
quam nisi defendes, murorum Romulus augur
ire Palatinas non bene vidit avis.
et nimium remis audent prope: turpe Latinis
principe te fluctus regia vela pati!
nec te, quod classis centenis remiget alis,
terreat (invito labitur illa mari),
quodque vehunt prorae Centaurica saxa minantis
(tigna cava et pictos experiere metus).
frangit et attollit vires in milite causa;
quae nisi iusta subest, excutit arma pudor.
tempus adest, committe ratis: ego temporis auctor
ducam laurigera Iulia rostra manu».
dixerat, et pharetrae pondus consumit in arcus:
proxima post arcus Caesaris hasta fuit.
vincit Roma fide Phoebi: dat femina poenas:
sceptra per Ionias fracta vehuntur aquas.
at pater Idalio miratur Caesar ab astro:
«Tu deus; est nostri sanguinis ista fides».
prosequitur cantu Triton omnesque marinae
plauserunt circa libera signa deae.
illa petit Nilum cumba male nixa fugaci,

его копья были — о позор! — сделаны для женской руки;
С другой стороны — корабль Августа, кому Юпитер послал
попутный ветер; — знамёна, привыкшие побеждать врагов отечества.
Вот Нерей изогнул в дугу оба строя,
и засверкала поверхность, отражая блеск оружия;
когда же Феб покинул свой Делос, по его воле застывший на месте
(ведь прежде тот был плавучим и не противился ярости Нота),
и встал на корме Августова корабля — неслыханный огонь,
божественный светоч трижды, изгибаясь, рванулся ввысь.
Он не пришёл с волосами, размётанными по шее,
не принёс собой черепаху-лиру с её мирными песнями:
так ужасен он был, когда глядел на потомка Пелопа — Агамемнона,
опустошая Дорийский лагерь ненасытными кострами,
или когда уничтожал Пифона, свернувшегося в кольца,
змея, которого страшились невоинственные лиры.
И вот он сказал: «О хранитель пространного мира,
ты, родом из Альба Лонги, превзошедший славой Троянских дедов,
одержи победу на море — суша и так твоя; на твоей стороне мой лук
и вся тяжесть колчана, свисающего с этого плеча.
Избавь отечество от страха: сегодня оно, доверяя лишь тебе,
возлагает свои надежды на клюв твоего корабля. Если ты
его не защитишь, то тщетны были гадания Ромула об этих стенах,
и не к добру явились ему птицы над Палатинским холмом.
Видишь, как дерзки их вёсла: позор для Латинян,
если море, которым ты правишь, пустит к себе царские паруса!
И не бойся, что их флот скользит со ста лопастями
у каждого судна — море противится его стремлению;
пусть Кентавры на их носах угрожают громадными скалами —
ты поймёшь, что это всего лишь дерево и размалёванные пугала.
Дело, за которое сражается воин, может удвоить, а может и сломить
его силы; если оно несправедливо — стыд выбьет оружие из рук.
Теперь пора, завязывай бой; я, указавший тебе срок,
поведу Юлиевы суда рукой, украшенной лавром».
Так он сказал — и начал опустошать свой колчан;
копьё Цезаря было вторым после его лука.
Рим, не зря ты надеялся на Феба — победа твоя; женщину ждёт кара;
её сломанный скипетр несёт волна Ионийского моря.
А отец Цезарь взирает на это с Идалийской звезды:
«Ты бог, таков дар нашей крови».
И Тритон с песней следует за тобой, и морские богини
все вместе плещут твоим знамёнам, защитникам свободы.
Она же бежит к Нилу, не в добрый час доверившись быстрому судну,

hoc unum, iusso non moritura die.
di melius! quantus mulier foret una triumphus,
ductus erat per quas ante Iugurtha vias!
Actius hinc traxit Phoebus monumenta, quod eius
una decem vicit missa sagitta ratis.
bella satis cecini: citharam iam poscit Apollo
victor et ad placidos exuit arma choros.
candida nunc molli subeant convivia luco,
blanditiaeque fluant per mea colla rosae,
vinaque fundantur prelis elisa Falernis,
perque lavet nostras spica Cilissa comas.
ingenium potis irritat Musa poetis:
Bacche, soles Phoebo fertilis esse tuo.
ille paludosos memoret servire Sycambros,
Cepheam hic Meroen fuscaque regna canat;
hic referat sero confessum foedere Parthum:
«Reddat signa Remi, mox dabit ipse sua:
sive aliquid pharetris Augustus parcet Eois,
differat in pueros ista tropaea suos.
gaude, Crasse, nigras si quid sapis inter harenas:
ire per Euphraten ad tua busta licet».
sic noctem patera, sic ducam carmine, donec
iniciat radios in mea vina dies.

7

Sunt aliquid Manes: letum non omnia finit,
luridaque evictos effugit umbra rogos.
Cynthia namque meo visa est incumbere fulcro,
murmur ad extremae nuper humata viae,
cum mihi somnus ab exsequiis penderet amoris
et quererer lecti frigida regna mei.
eosdem habuit secum quibus est elata capillos,
eosdem oculos: lateri vestis adusta fuit,
et solitum digito beryllon adederat ignis,
summaque Lethaeus triverat ora liquor.
spirantisque animos et vocem misit: at illi
pollicibus fragiles increpuere manus:
«Perfide nec cuiquam melior sperande puellae,
in te iam vires somnus habere potest?
iamne tibi exciderant vigilacis furta Suburae
et mea nocturnis trita fenestra dolis,

желая только одного: не умереть в назначенный победителем день.
Но боги решат иначе! Какой великий триумф — одна эта женщина,
которую проведут тем же путём, каким некогда шествовал Югурта!
За это Акцийский Феб получил свой памятник:
одна его стрела — и нет десяти вражеских кораблей.
Но довольно я воспевал войну: победитель Аполлон требует кифару,
он снимает оружие ради мирных хороводов.
Теперь пора устраивать блистательные пиры в нежной роще,
пусть розы, ниспадая по моей шее, ласкают её,
пора наливать вино, выжатое в Фалернских давильнях,
пора мне умастить волосы Киликийским шафраном.
Пусть Муза возбудит пыл растянувшихся на ложе поэтов —
Вакх, ты лучший помощник своему брату Фебу.
Тот пусть напомнит, как стали рабами болотные Сикамбры,
а этот воспоёт Цефееву Мерою и царство опалённых солнцем людей.
Иному достанутся и Парфяне, которые хоть поздно, но заключили мир:
верните нам Ремовы знамёна, а к ним прибавьте и свои!
Если Август всё же решит пощадить восточных стрелков,
пусть трофеи этой победы останутся его детям.
Радуйся, Красс, если среди чёрных песков тебе оставлены чувства:
теперь открыт путь через Евфрат к твоей могиле».
Так, сочиняя стихи, я проведу за кубком всю ночь,
пока утренний луч не сверкнёт в моём бокале.

7

Маны — не совсем ничто, и не всё кончается со смертью;
бледная тень ускользает от поверженного костра.
Недавно мне явилась Кинфия: она лежала, облокотившись на ложе, —
Кинфия, недавно погребённая в самом конце шумной улицы;
тогда я забылся сном, похоронив свою любовь,
и жаловался на холод, царящий в моей постели.
У неё были такие же волосы, как тогда, когда её выносили,
такие же глаза; костёр прожёг на боку её одежду;
его огонь испортил берилл, который она всегда носила на пальце;
краешки её губ уже посинели от Летейской влаги.
Она глубоко вздохнула и стала говорить,
и хрустнули пальцы на её хрупких руках.
«Неверный, ты, на которого не может положиться
ни одна девушка! и теперь ты в силах спать спокойно?
Ты больше не помнишь наши проделки в бессонной Субуре
и подоконник, истёртый ночным уловками, — сколько раз

per quam demisso quotiens tibi fune pependi,
alterna veniens in tua colla manu?
saepe Venus trivio commissa est, pectore mixto
fecerunt tepidas pallia nostra vias.
foederis heu taciti, cuius fallacia verba
non audituri diripuere Noti!
at mihi non oculos quisquam inclamavit euntis:
unum impetrassem te revocante diem:
nec crepuit fissa me propter harundine custos,
laesit et obiectum tegula curta caput.
denique quis nostro curvum te funere vidit,
atram quis lacrimis incaluisse togam?
si piguit portas ultra procedere, at illuc
iussisses lectum lentius ire meum.
cur ventos non ipse rogis, ingrate, petisti?
cur nardo flammae non oluere meae?
hoc etiam grave erat, nulla mercede hyacinthos
inicere et fracto busta piare cado.
Lygdamus uratur — candescat lamina vernae —
sensi ego, cum insidiis pallida vina bibi —
aut Nomas — arcanas tollat versuta salivas;
dicet damnatas ignea testa manus.
quae modo per vilis inspecta est publica noctes,
haec nunc aurata cyclade signat humum;
et graviora rependit iniquis pensa quasillis,
garrula de facie si qua locuta mea est;
nostraque quod Petale tulit ad monumenta coronas,
codicis immundi vincula sentit anus;
caeditur et Lalage tortis suspensa capillis,
per nomen quoniam est ausa rogare meum.
te patiente meae conflavit imaginis aurum,
ardent<e> e nostro dotem habitura rogo.
non tamen insector, quamvis mereare, Properti:
longa mea in libris regna fuere tuis.
iuro ego Fatorum nulli revolubile carmen,
tergeminusque canis sic mihi molle sonet,
me servasse fidem. si fallo, vipera nostris
sibilet in tumulis et super ossa cubet.
nam gemina est sedes turpem sortita per amnem,
turbaque diversa remigat omnis aqua.
unda Clytaemestrae stuprum vel adultera Cressae
portat mentitae lignea monstra bovis.

мне приходилось там виснуть на спущенной ради тебя верёвке
и спускаться по ней, чтобы тебя обнять и самой пасть в твои объятия.
Как часто мы обнимали друг друга на перекрёстке,
и — грудь с грудью — своими плащами нагревали улицу.
Увы! Горе нашему тайному союзу, и его лживые слова
разнесли ветры, глухие к обещаниям.
А меня никто не оплакал, когда угасал мой взор:
если бы ты меня позвал, я бы вырвала у смерти ещё один день!
Не стоял надо мной сторож, треща расщеплённым тростником,
и кусочек черепицы, упавший с крыши, поранил мне голову.
В конце концов — кто видел, чтобы ты, согбенный, шёл за мной
на похоронах и ронял горючие слезы на чёрную тогу?
Если было лень идти за ворота, так хоть велел бы,
чтобы до них мои носилки несли медленнее.
Почему ты сам, неблагодарный, не молил о ветре для моего костра?
Почему не благоухало нардом его горящее пламя?
Даже и это было в тягость — бросить туда ничего не стоящие гиацинты
и совершить жертву — разбить над кострищем кувшин с вином?
Нужно пытать Лигдама огнём — пусть раскалят железную пластину
для этого раба: я поняла, когда выпила вино с подмешанной отравой —
или Номаду — хитрая, прочь с ядовитой слюной!
Горячий черепок оставит следы преступления на руках виновного.
Та, которая только что задёшево торговала по ночам своим телом,
теперь метёт землю каймой расшитой золотой циклады;
она назначает тяжкие уроки, большие корзины
для тех служанок, которые сболтнут о моей красоте;
Старуха Петала за то, что отнесла веночек на мою могилу,
была наказана грязными колодками из жёсткого дерева.
Избита и Лалага, которую подвесили за её несчастные волосы,
а вся-то её вина была в том, что она дерзнула просить моим именем.
Ты не противился, когда она расплавила моё золотое изображение,
чтоб снискать себе приданое из нашего пылающего костра.
Но я не буду преследовать тебя, Проперций, хоть ты это и заслужил:
слишком долго я царила в написанных тобою книгах.
Клянусь пророчеством Судеб, переменить которое никто не в силах, —
и пусть лай трёхголового пса мне не будет страшен —
я была тебе верна! Если я лгу, то пусть гадюка
совьётся клубком над моим курганом и шипит на мои кости.
Ведь за мрачным потоком — два поприща нам на жребий,
и не один и тот же путь ведёт мёртвых по воде.
Первый несёт блудливую Клитемнестру и Критянку,
которая обманула быка с помощью деревянной коровы.

ecce coronato pars altera rapta phaselo,
mulcet ubi Elysias aura beata rosas,
qua numerosa fides quaque aera rotunda Cybebes
mitratisque sonant Lydia plectra choris.
Andromedeque et Hypermestre sine fraude maritae
narrant historiae tempora nota suae:
haec sua maternis queritur livere catenis
bracchia nec meritas frigida saxa manus;
narrat Hypermestre magnum ausas esse sorores,
in scelus hoc animum non valuisse suum.
sic mortis lacrimis vitae sanamus amores:
celo ego perfidiae crimina multa tuae.
sed tibi nunc mandata damus, si forte moveris,
si te non totum Chloridos herba tenet:
nutrix in tremulis ne quid desideret annis
Parthenie: potuit, nec tibi avara fuit.
deliciaeque meae Latris, cui nomen ab usu est,
ne speculum dominae porrigat illa novae.
et quoscumque meo fecisti nomine versus,
ure mihi: laudes desine habere meas!
pone hederam tumulo, mihi quae praegnante corymbo
molli<a> contortis alliget ossa comis.
ramosis Anio qua pomifer incubat arvis,
et numquam Herculeo numine pallet ebur,
hic carmen media dignum me scribe columna,
sed breve, quod currens vector ab urbe legat:
HIC TIBURTINA IACET AUREA CYNTHIA TERRA:
ACCESSIT RIPAE LAUS, ANIENE, TUAE.
nec tu sperne piis venientia somnia portis:
cum pia venerunt somnia, pondus habent.
nocte vagae ferimur, nox clausas liberat umbras,
errat et abiecta Cerberus ipse sera.
luce iubent leges Lethaea ad stagna reverti:
nos vehimur, vectum nauta recenset onus.
nunc te possideant aliae: mox sola tenebo:
mecum eris, et mixtis ossibus ossa teram».
haec postquam querula mecum sub lite peregit,
inter complexus excidit umbra meos.

А другие плывут на увенчанной ладье туда,
где ветерок ласкает розы на блаженных полях Элизиума, где поёт
мелодичная струна, где рокочут медные бубны Кибелы, где звучат
Лидийские плектры для хороводов дев, облачённых в митры.
Там Андромеда и Гиперместра — безупречные и верные жёны —
рассказывают известную повесть о своих деяниях;
одна жалуется на то, что запястья затекли от наложенных матерью
цепей, на холодные скалы, от которых страдали невинные руки;
а та говорит о сёстрах, отважившихся на великое злодейство,
и как её душа не допустила её до этого преступления.
Так смертные слёзы — лекарство для любви в нашей жизни; я не буду
выставлять на свет твою неверность — хоть ты и виновен многократно.
Я дам тебе такое поручение, если только оно тебя тронет,
если Хлорида со своей травой овладела тобою не до конца:
пусть кормилица, глубокая старуха, не нуждается ни в чём,
Парфения — для тебя она не была жадной, хотя и могла.
А Латрида, моя отрада, которой дано имя по её службе,
пусть не держит зеркало перед лицом новой госпожи.
А все стихи, которые ты сложил ради меня,
ради меня и сожги — моя слава не для тебя!
Посади на холмике плющ, пусть он своими извилистыми усиками
и тяжёлыми ветвями нежно опутает мой лёгкий прах;
где животворный Аниен подступает к полям, осенённым древесной
тенью, где благодаря Геркулесу не тускнеет благородная слоновая кость,
там на какой-нибудь колонне напиши стихи в мою честь,
достойные, но краткие, чтобы их прочёл торопливый путник:
КИНФИЯ, МОЁ ЗОЛОТО, ЛЕЖИТ ЗДЕСЬ В ТИБУРТИНСКОЙ ЗЕМЛЕ:
ЕЮ, АНИЕН, ВОЗРОСЛА СЛАВА ТВОИХ БЕРЕГОВ.
И не отвергай сновидения, которые приходят через благочестивые врата:
благочестивыми сновидениями пренебрегать нельзя.
Ночью мы носимся на свободе, ночь отпускает пленные тени,
и сам Цербер где-то блуждает, когда откинут засов.
Закон велит нам с рассветом возвращаться к Летейским водам;
кормщик везёт нас обратно и пересчитывает груз своей ладьи.
Пусть сейчас ты во власти других женщин — скоро будешь только моим;
ты будешь со мной, и твои кости соприкоснутся с моими».
И вот, закончив свою горькую жалобу,
тень растаяла и исчезла прямо из моих объятий.

8

Disce quid Esquilias hac nocte fugarit aquosas,
cum vicina novis turba cucurrit agris.
Lanuvium annosi vetus est tutela draconis,
hic tibi tam rarae non perit hora morae,
qua sacer abripitur caeco descensus hiatu,
qua penetrat virgo (tale iter omne cave!)
ieiuni serpentis honos, cum pabula poscit
annua et ex ima sibila torquet humo.
talia demissae pallent ad sacra puellae,
cum temere anguino creditur ore manus.
ille sibi admotas a virgine corripit escas:
virginis in palmis ipsa canistra tremunt.
si fuerint castae, redeunt in colla parentum,
clamantque agricolae: «Fertilis annus erit».
huc mea detonsis avecta est Cynthia mannis:
causa fuit Iuno, sed mage causa Venus.
Appia, dic quaeso, quantum te teste triumphum
egerit effusis per tua saxa rotis,
turpis in arcana sonuit cum rixa taberna,
si sine me, famae non sine labe meae!
spectaclum ipsa sedens primo temone pependit,
ausa per impuros frena movere locos.
serica nam taceo vulsi carpenta nepotis
atque armillatos colla Molossa canis,
qui dabit immundae venalia fata saginae,
vincet ubi erasas barba pudenda genas.
cum fieret nostro totiens iniuria lecto,
mu[l]tato volui[t] castra movere toro.
Phyllis Aventinae quaedam est vicina Dianae,
sobria grata parum: cum bibit, omne decet.
altera Tarpeios est inter Teia lucos,
candida, sed potae non satis unus erit.
his ego constitui noctem lenire vocatis
et Venere ignota furta novare mea.
unus erat tribus in secreta lectulus herba.
quaeris concubitus? inter utramque fui.
Lygdamus ad cyathos, vitrique aestiva supellex
et Methymnaei Graeca saliva meri.
Nile, tuus tibicen erat, crotalistria †phillis†,
et facilis spargi munda sine arte rosa;

8

Знай, что всполошило этой ночью обильный водою Эсквилин,
когда соседственная толпа сбежалась с новых полей.
Есть место — древний Ланувий (его защищает старый змей),
где задержишься хоть на час — и времени не потеряешь,
где священный спуск обрывается над слепой бездной.
Там с трудом пробирается дева (осторожно, весь этот путь страшен!),
чтобы почтить голодного змея, который ждёт ежегодной трапезы
и, сворачиваясь кольцами, шипит из нижних пропастей земли.
Бледнеют девушки, посланные на это таинство,
когда невзначай их руки оказываются у змеиной пасти.
Он хватает еду, протянутую девой, —
и даже корзины от страха трепещут в её руках.
Если дева чиста, она вернётся в объятья родителей,
а земледелец воскликнет: «Нас ждёт плодородный год».
Туда мою Кинфию увезли пони со стриженой гривой:
увезли ради Юноны, но ещё больше ради Венеры.
Камни Аппиевой дороги, умоляю, скажите, вы — свидетели,
что за триумф она справляла, давя вас стремительными колёсами?
Когда в потаённой таверне разразилась постыдная ссора
(пусть без меня, но там пострадало и моё доброе имя),
всем на загляденье она забралась на передок
и отправилась в путь по местам с дурной славой.
Я уж не говорю об отделанной шёлком повозке выщипанного хлыща
и его Молосских псах в роскошных ошейниках;
он продаст свою жизнь за жирный гладиаторский корм,
как только гнусная бородка пробьётся на выбритых щеках.
Слишком уж часты были издевательства над моим ложем,
и я решил сняться с лагеря и направиться к другой постели.
Есть тут одна Филлида, соседка Авентинской Дианы:
трезвая она не так уж и мила, но когда выпьет — хороша.
Есть ещё Тейя, её ты найдёшь где-нибудь в Тарпейской роще;
хорошенькая! Но пьяной ей одного мужчины мало.
Я решил пригласить их обеих, чтобы как-то скоротать бессонную ночь
и разнообразить мою тайную любовь неизведанной Венерой.
Для нас троих в траве нашлось лишь одно укромное ложе.
Ты спросишь, как мы расположились? Я был между той и другой.
Лигдам был виночерпием, в летнюю стеклянную посуду
лилась Греческая влага из самой Метимны.
Был флейтист с берегов Нила, с кастаньетами управлялась Филлида,
а вокруг безо всяких премудростей мы рассыпали розовые лепестки.

Magnus et ipse suos breviter concretus in artus
iactabat truncas ad cava buxa manus.
sed neque suppletis constabat flamma lucernis,
reccidit inque suos mensa supina pedes.
me quoque per talos Venerem quaerente secundos
semper damnosi subsiluere canes.
cantabant surdo, nudabant pectora caeco:
Lanuvii ad portas, ei mihi, totus eram.
cum subito rauci sonuerunt cardine postes
et levia ad primos murmura facta Laris;
nec mora, cum totas resupinat Cynthia valvas,
non operosa comis, sed furibunda decens.
pocula mi digitos inter cecidere remissos,
palluerant ipso labra soluta mero.
fulminat illa oculis et quantum femina saevit,
spectaclum capta nec minus urbe fuit.
Phyllidos iratos in vultum conicit unguis:
territa vicinas Teia clamat aquas.
lumina sopitos turbant elata Quiritis,
omnis et insana semita nocte sonat.
illas direptisque comis tunicisque solutis
excipit obscurae prima taberna viae.
Cynthia gaudet in exuviis victrixque recurrit
et mea perversa sauciat ora manu,
imponitque notam collo morsuque cruentat,
praecipueque oculos, qui meruere, ferit.
atque ubi iam nostris lassavit bracchia plagis,
Lygdamus ad plutei fulcra sinistra latens
eruitur, geniumque meum protractus adorat.
Lygdame, nil potui: tecum ego captus eram.
supplicibus palmis tum demum ad foedera veni[t],
cum vix tangendos praebuit illa pedes,
atque ait: «Admissae si vis me ignoscere culpae,
accipe, quae nostrae formula legis erit.
tu neque Pompeia spatiabere cultus in umbra,
nec cum lascivum sternet harena Forum.
colla cave inflectas ad summum obliqua theatrum,
aut lectica tuae se det aperta morae.
Lygdamus in primis, omnis mihi causa querelae,
veneat et pedibus vincula bina trahat».
indixit leges; respondi ego: «Legibus utar».
riserat imperio facta superba dato.

Сам Магн, коротышка с маленькими членами,
дрыгал мелкими ручками под звук полого самшита,
и даже пламя не удержалось в полных маслом лампах,
а стол, опрокинувшись, упал на собственные ножки.
Бросая кости, я ждал, что мне повезёт и выпадет Венера;
но всё время получались проклятые собачьи броски.
Пели песни, но я был глух; обнажали грудь — а я слепой;
всей душой — увы мне — я был у ворот Ланувия.
Но тут глухо заскрипела дверная ось
и послышался лёгкий шум у входа в моё жилище;
и вот — Кинфия, вот она распахнула двери;
её волосы были растрёпаны, но гнев ей только к лицу.
Я разжал пальцы, и кубок выпал у меня из рук;
тотчас побледнели губы, влажные от хмельного вина.
Она метала взоры, подобные молниям; рассвирепела, насколько это
вообще возможно женщине: зрелище не хуже, чем штурм города!
Яростными ногтями она вцепилась в лицо Филлиды:
Тейя в ужасе закричала: «Соседи! На помощь! Воды!»
Факелы на улицах устраивают переполох среди проснувшихся Квиритов:
вот безумная ночь — крик и шум на всех дорогах, и обе девушки —
с растрёпанными волосами, с распоясанными туниками —
находят приют в первой же таверне на тёмной улице.
Кинфия, гордясь трофеями, возвращается с победой
и тыльной стороной руки бьёт меня по лицу,
оставляет на шее знаки, кусает её до крови,
но особенно достаётся глазам — они больше всего и виновны.
А когда её руки устали от ударов по моему телу,
на свет был извлечён Лигдам, прятавшийся слева за обеденным ложем;
пойманный, он молит о пощаде ради моего гения;
Лигдам, тут я бессилен: я такой же пленник, как и ты.
И тогда я протягиваю ладони и начинаю молить её о мире,
а она, едва позволив прикоснуться к своим стопам,
отвечает: «Если ты хочешь прощения за совершённый проступок,
то тебе придётся принять предписанный мною закон!
Ни в Помпеевом портике не гулять тебе в изящном наряде,
ни на форуме по песку — на поприще распутства;
Не тяни шею и не оборачивайся, чтобы видеть тех, кто сидит
выше тебя в театре, и не задерживайся с открытыми носилками.
Главная же причина моих жалоб — Лигдам:
его следует продать, и пусть пока таскает на ногах кандалы».
Она назначила законы; я ответил: «Буду им повиноваться».
И тогда она засмеялась, возгордившись своей новой властью.

dein quemcumque locum externae tetigere puellae,
suffiit, ac pura limina tergit aqua,
imperat et totas iterum mutare lacernas,
terque meum tetigit sulpuris igne caput.
atque ita mutato per singula pallia lecto
respondi, et toto solvimus arma toro.

9

Amphitryoniades qua tempestate iuvencos
egerat a stabulis, o Erythea, tuis,
venit ad invictos pecorosa Palatia montis,
et statuit fessos, fessus et ipse, boves,
qua Velabra suo stagnabant flumine quaque
nauta per urbanas velificabat aquas.
sed non infido manserunt hospite Caco
incolumis: furto polluit ille Iovem.
incola Cacus erat, metuendo raptor ab antro,
per tria partitos qui dabat ora sonos.
hic, ne certa forent manifestae signa rapinae,
aversos cauda traxit in antra boves;
nec sine teste deo: furem sonuere iuvenci,
furis et implacidas diruit ira fores.
Maenalio iacuit pulsus tria tempora ramo
Cacus, et Alcides sic ait: «Ite boves,
Herculis ite boves, nostrae labor ultime clavae,
bis mihi quaesitae, bis mea praeda, boves,
arvaque mugitu sancite Bovaria longo:
nobile erit Romae pascua vestra Forum».
dixerat, et sicco torquet sitis ora palato,
terraque non [n]ullas feta ministrat aquas.
sed procul inclusas audit ridere puellas,
lucus ubi umbroso fecerat orbe nemus,
femineae loca clausa deae fontesque piandos,
impune et nullis sacra retecta viris.
devia puniceae velabant limina vittae,
putris odorato luxerat igne casa,
populus et longis ornabat frondibus aedem,
multaque cantantis umbra tegebat avis.
huc ruit in siccam congesta pulvere barbam
et iacit ante fores verba minora deo:
«Vos precor, o luci[s] sacro quae luditis antro,

Затем она окуривает все места, которых касались
чужие девушки, вытирает порог чистой водой,
велит переменить все покрывала и трижды
касается моей головы разожжённой серой.
Так я с ней помирился, постелив на ложе другие покрывала,
и мы сложили оружие, скрепив договор на постели.

9

В то время, когда, о Эритея, сын Амфитриона
гнал быков из твоего стойла, он подошёл
к непобедимому холму, обильному скотом Палатину,
и — утомившись и сам — расположил на отдых усталое стадо —
в Велабрах, где застаивалась река и где моряк
мог распустить свои паруса над городскими водами.
Но коварный гостеприимец Как не дал им остаться в покое —
своим воровством он оскорбил Юпитера.
Как жил здесь — разбойник, насельник ужасной пещеры,
трёхглавая тварь, и каждая из трёх его голов издавала особенный звук.
А чтобы следы грабежа не были слишком заметны,
он схватил быков за хвосты и потащил их в свою пещеру.
Но бог был свидетелем: быки замычали, изобличая грабителя,
и Геркулесов гнев разбил твёрдые двери вора.
Как пал наземь, поражённый ударом Меналийской палицы
в каждую из своих голов, и герой сказал: «Ступайте, быки,
ступайте, быки Геркулеса, последний подвиг моей дубины,
быки, которых я дважды искал и нашёл:
освятите Бычьи поля своим долгим мычанием —
ваше пастбище станет для Рима знатным форумом».
Сказал — и ощутил мучительную жажду в иссохшем нёбе;
а плодородная земля не дала ему ни капли воды.
Но вдруг он услышал где-то вдали приглушённый девичий смех,
где тенистый лес, закругляясь, образовал священную рощу — уединённое
место, посвящённое женской богине, с прозрачными родниками
и таинствами, которые ни один мужчина не может увидеть безнаказанно.
Пурпурная ткань укрывала тайный порог,
и благовонное пламя освещало убогую хижину;
высоколиственный тополь украшал скромное жилище,
а тень его щедро давала приют певчим птицам.
Он рвётся сюда, покрытый пылью, с сухой свалявшейся бородою,
и перед дверями роняет слова, которые недостойны бога:
«Молю вас, чей смех я слышал в священной пещере этой рощи,

pandite defessis hospita fana vi<r>is.
fontis egens erro circaque sonantia lymphis,
et cava succepto flumine palma sat est.
audistisne aliquem, tergo qui sustulit orbem?
ille ego sum: Alciden terra recepta vocat.
quis facta Herculeae non audit fortia clavae
et numquam ad vastas irrita tela feras,
atque uni Stygias homini luxisse tenebras?
[accipit haec fesso vix mihi tecta patet]
angulus hic mundi nunc me mea fata trahentem
accipit: haec fesso vix mihi tecta patet.
quodsi Iunoni sacrum faceretis amarae,
non clausisset aquas ipsa noverca suas.
sin aliquem vultusque meus saetaeque leonis
terrent et Libyco sole perusta coma,
idem ego Sidonia feci servilia palla
officia et Lydo pensa diurna colo,
mollis et hirsutum cepit mihi fascia pectus
et manibus duris apta puella fui».
talibus Alcides; at talibus alma sacerdos,
puniceo canas stamine vincta comas:
«Parce oculis, hospes, lucoque abscede verendo;
cede agedum et tuta limina linque fuga.
interdicta viris metuenda lege piatur
quae se summota vindicat ara casa.
magno Tiresias aspexit Pallada vates,
fortia dum posita Gorgone membra lavat.
di tibi dent alios fontis: haec lympha puellis
avia secreti limitis unda f<l>uit».
sic anus: ille umeris postis concussit opacos,
nec tulit iratam ianua clausa sitim.
at postquam exhausto iam flumine vicerat aestum,
ponit vix siccis tristia iura labris:
«Maxima quae gregibus devota est Ara repertis,
ara per has» inquit «maxima facta manus,
haec nullis umquam pateat veneranda puellis,
Herculis aeternum ne sit inulta sitis».
hunc, quoniam manibus purgatum sanxerat orbem,
sic Sanc[t]um Tatiae composuere Cures.
sancte pater, salve, cui iam favet aspera Iuno:
Sanc[t]e, velis libro dexter inesse meo.

распахните гостеприимные двери святилища перед усталым мужем.
Я ищу здесь источник и слышу у вас шум воды:
мне будет довольно зачерпнуть отсюда одну горсть.
Слышали вы о том, кто держал тяжесть мира на своей спине?
Это я; освобождённая земля зовет меня Алкидом.
Кто не знает о деяниях Геркулеса с мощной палицей,
о стрелах, без промаха бьющих громадных чудовищ,
о единственном из людей, кто видел свет
в Стигийских сумерках?
А сейчас судьба привела меня в этот уголок земли,
и ваше жилище не желает облегчить мою усталость.
Если бы вы даже вершили таинства гонительницы Юноны,
кажется, и мачеха бы не скрыла от меня свои воды.
Если кто боится моего облика, львиной шкуры
и волос, опалённых Ливийским солнцем, знайте:
я совершал труд рабыни над Сидонским пурпуром
и выполнял на Лидийской прялке ежедневный урок.
Нежная повязка обнимала мою косматую грудь,
и, несмотря на мощные руки, я был ничем не хуже девушки».
Так говорил Алкид; и так ему ответила благая жрица
с пурпурными повязками на седых волосах:
«Побереги глаза, чужеземец, и отойди от страшной рощи;
ступай, удались от нашего порога спасительным бегством.
Тот алтарь, который кроется в уединённой хижине,
по страшному закону недоступен мужам.
Дорогую цену заплатил пророк Тиресий, однажды взглянув на Палладу,
когда она, сняв покров с головою Горгоны, омывала могучее тело.
Пусть боги пошлют тебе другой источник: эта влага
вдали от хоженых троп струится только для девушек».
Так сказала старица: он плечом нажал на кроющиеся в тени двери,
они затряслись и не выдержали его разгневанной жажды.
Затем, зачерпнув из ручья и победив мучительный жар,
он изрёк сухими губами такой суровый закон:
«О великий алтарь — благодарность за найденное стадо!
Великий алтарь, который воздвигли эти руки,
пусть тебя никогда не смогут почитать девушки:
такова будет вечная месть за Геркулесову жажду».
За то, что своими руками он очистил и освятил весь мир,
Как Санка его почтили Тациевы Куры.
Здравствуй, священный отец, к тебе милостива и суровая Юнона:
Санк, будь же и ты милостивым гостем в моей книге.

10

Nunc Iovis incipiam causas aperire Feretri
armaque de ducibus trina recepta tribus.
magnum iter ascendo, sed dat mihi gloria vires:
non iuvat e facili lecta corona iugo.
imbuis exemplum primae tu, Romule, palmae
huius, et exuvio plenus ab hoste redis,
tempore quo portas Caeninum Acron[t]a petentem
victor in eversum cuspide fundis equum.
Acron Herculeus Caenina ductor ab arce,
Roma, tuis quondam finibus horror erat!
hic spolia ex umeris ausus sperare Quirini
ipse dedit, sed non sanguine sicca suo.
hunc videt ante cavas librantem spicula turris
Romulus et votis occupat ante ratis:
«Iuppiter, haec hodie tibi victima corruet Acron».
voverat, et spolium corruit ille Iovi.
Urbis virtutisque parens sic vincere suevit,
qui tulit a parco frigida castra lare.
idem eques et frenis, idem fuit aptus aratris,
et galea hirsuta compta lupina iuba.
picta neque inducto fulgebat parma pyropo:
praebebant caesi baltea lenta boves.
Cossus at insequitur Veientis caede Tolumni,
vincere cum Veios posse laboris erat,
necdum ultra Tiberim belli sonus, ultima praeda
Nomentum et captae iugera terna Corae.
heu Vei veteres! et vos tum regna fuistis
et vestro posita est aurea sella foro:
nunc intra muros pastoris bucina lenti
cantat, et in vestris ossibus arva metunt.
forte super portae dux Veiens astitit arcem
colloquiumque sua fretus ab urbe dedit:
dumque aries murum cornu pulsabat aeno,
vinea qua ductum longa tegebat opus,
Cossus ait: «Forti melius concurrere campo».
nec mora fit, plano sistit uterque gradu<m>.
di Latias iuvere manus, desecta Tolumni
cervix Romanos sanguine lavit equos.
Claudius a<t> Rheno traiectos arcuit hostis,
Belgica cui vasti parma relata ducis:

10

Теперь я поведаю о происхождении Юпитера Феретрия
и о том, как было захвачено оружие трёх вождей.
Я начинаю великий подъём, но слава придаёт мне силы:
что толку в венце, добытом на легкодоступной вершине?
Ты, Ромул, внушил мне стремленье примером своей первой победы —
ты вернулся от врага, нагруженный тяжкой добычей.
Когда Ценинец Акрон устремился к нашим воротам,
ты сбил его остриём копья прямо на поверженного коня.
Акрон, потомок Геркулеса, вождь ополчений Ценинской цитадели, —
когда-то, Рим, он был ужасом твоих границ!
Он, дерзнувший домогаться доспехов с плеч Квирина,
вместо того дал ему свои, влажные от собственной крови.
Ромул увидел, как он мечет дротики в полые башни,
и прежде него произнёс обет, который был услышан:
«Юпитер, сегодняшней жертвой тебе падёт Акрон».
Тот пал и достался добычей Юпитеру.
Отец города, отец доблести привык одерживать такие победы,
ему, выходцу из скудного дома, не был в тягость холод военного лагеря.
Он был и всадник, привыкший к узде, и пахарь, владеющий плугом,
а его шлем из волчьей шкуры украшала косматая грива.
У него не было расписного щита, отделанного пиропом,
а для гибкого пояса он брал кожу убитого быка.
Следующим будет Косс, сразивший Толумния, который царствовал
в Вейях: в те времена и победа над Вейями стоила большого труда.
Не слышно было бранного грома по ту сторону Тибра, а самой дальней
добычей был Номент и три югера земли после взятия Коры.
Увы, древние Вейи! И вы тогда были столицей царства,
и на вашем форуме стоял золотой трон;
теперь в черте городских стен раздаётся протяжный звук
пастушьего рожка, и жнец собирает жатву на твоих костях.
Тогда Вейский вождь стоял на стенах над воротами крепости и, чувствуя
себя в безопасности, завёл переговоры с высоты своего города.
Пока таран бил в стены медным рогом,
пока велись осадные работы под защитой длинных галерей,
Косс сказал ему: «Смелым лучше сойтись лицом к лицу».
И вот без промедленья оба направляются на открытое место.
Боги были на стороне Латинян: отсечённая Толумниева голова
обагрила брызгами крови Римских коней.
Затем был Клавдий: он перешёл через Рейн, отразив от него врагов, —
ему принесли Белгов щит рослого вождя Вирдомара:

Virdomari; genus hic Rheno iactabat ab ipso,
mobilis e recti<s> fundere gaesa rotis.
illi virgatis iaculanti ante agmina bracis
torquis ab incisa decidit unca gula.
nunc spolia in templo tria condita: causa Feretri,
omine quod certo dux ferit ense ducem;
seu quia victa suis umeris haec arma ferebant,
hinc Feretri dicta est ara superba Iovis.

11

Desine, Paulle, meum lacrimis urgere sepulcrum:
panditur ad nullas ianua nigra preces;
cum semel infernas intrarunt funera leges,
non exorato stant adamante viae.
te licet orantem fuscae deus audiat aulae:
nempe tuas lacrimas litora surda bibent.
vota movent superos: ubi portitor aera recepit,
obserat herbosos lurida porta rogos.
sic maestae cecinere tubae, cum subdita nostrum
detraheret lecto fax inimica caput.
quid mihi coniugium Paulli, quid currus avorum
profuit aut famae pignora tanta meae?
non minus immitis habuit Cornelia Parcas:
et sum, quod digitis quinque legatur, onus.
damnatae noctes et vos, vada lenta, paludes,
et quaecumque meos implicat unda pedes,
immatura licet, tamen huc non noxia veni:
det Pater hic umbrae mollia iura meae.
aut si quis posita iudex sedet Aeacus urna,
in mea sortita iudicet ossa pila:
assideant fratres, iuxta et Minoida sellam
Eumenidum intento turba severa foro.
Sisyphe, mole vaces; taceant Ixionis orbes;
fallax Tantaleu<s> corripiare liquor;
Cerberus et nullas hodie petat improbus umbras,
et iaceat tacita laxa catena sera.
ipsa loquor pro me: si fallo[r], poena sororum
infelix umeros urgeat urna meos.
si cui fama fuit per avita tropaea decori,
Afra Numantinos regna loquuntur avos:
altera maternos exaequat turba Libones

тот хвастал, что его предок — сам Рейн, и был искусен
в метании тяжёлого копья с колесницы на полном ходу.
Стоя в полосатых шароварах впереди строя, он метал свои дротики,
и тут-то у него с перерезанной шеи упала витая гривна.
Теперь в храме три трофея: потому Юпитер — Феретрий, что вождь,
когда по его знаку сам поражает вождя мечом, несёт ему оружие;
или потому, что на собственных плечах они носили доспех побеждённых,
Юпитер со своим гордым алтарём зовётся Феретрием.

11

Не надо, Павел, обременять мою могилу слезами:
чёрные врата не отворятся в ответ ни на какие рыдания.
Как только после погребения вступает в силу закон подземного мира,
на твоём пути стоит неумолимый адамант.
Если и выслушает твои обеты бог-хозяин мрачного дворца —
всё одно твои слезы выпьет сухой песок прибрежья.
Это вышние боги не глухи к обетам — а когда кормчий получит
свой медяк, мрачная дверь встаёт за поросшей травой могилой.
Так пели печальные трубы, когда жестокий факел
под нашим погребальным ложем объял огнём мою голову.
Что мне теперь брак с Павлом, что колесница с предками,
что мне дали — сколько бы их ни было — залоги моей славы?
Этим Корнелия не смягчила вас, свирепые Парки, и теперь
всё, что осталось от меня, можно поднять пальцами одной руки.
Проклятый сумрак и стоячая вода подземных озёр,
и ты, волна — чья бы ты ни была — омывающая мне ступни,
я пришла к вам раньше срока, но невинная:
пусть Отец подземного мрака не будет строг ко мне.
И если здесь сидит судья Эак со своей урной,
пусть он вытянет оттуда жребий моего праха;
Пусть сидят рядом и братья, а рядом с Минойским троном
суровая толпа Эвменид перед взорами внимательного форума.
Пусть Сизиф отдохнёт от своего камня и остановится Иксионово колесо,
а обманчивая влага коснётся несчастных Танталовых уст.
Злобный Цербер, оставь на день охоту за тенями,
не запирайся, засов, и ляг свободнее, цепь!
Я сама расскажу о себе, и если солгу, то пусть
злосчастный кувшин сестёр-Данаид давит и мои плечи.
Если кому прибавляла блеска слава дедовских побед, то за меня говорят
Африканские царства, покорённые предками — победителями
Нуманции; не меньше и ветвь с материнской стоны — Либоны,

et domus est titulis utraque fulta suis.
mox, ubi iam facibus cessit praetexta maritis,
vinxit et acceptas altera vitta comas,
iungor, Paulle, tuo sic discessura cubili:
in lapide hoc uni nupta fuisse legar.
testor maiorum cineres tibi, Roma, colendos,
sub quorum titulis, Africa, tunsa iaces,
et Persen proavi s[t]imulantem pectus Achilli,
quique tuas proavo fregit Achille domos,
me neque censurae legem mollisse neque ulla
labe mea vestros erubuisse focos.
non fuit exuviis tantis Cornelia damnum:
quin et erat magnae pars imitanda domus.
nec mea mutata est aetas, sine crimine tota est:
viximus insignes inter utramque facem.
mi natura dedit leges a sanguine ductas,
ne<c> possis melior iudicis esse metu.
quaelibet austeras de me ferat urna tabellas:
turpior assessu non erit ulla meo,
vel tu, quae tardam movisti fune Cybeben,
Claudia, turritae rara ministra deae,
vel cuius cassos cum Vesta reposceret ignis,
exhibuit vivos carbasus alba focos.
nec te, dulce caput, mater Scribonia, laesi:
in me mutatum quid nisi fata velis?
maternis laudor lacrimis urbisque querelis,
defensa et gemitu Caesaris ossa mea.
ille sua nata dignam vixisse sororem
increpat, et lacrimas vidimus ire deo.
et tamen emerui generosos vestis honores,
nec mea de sterili facta rapina domo.
tu, Lepide, et tu, Paulle, meum post fata levamen,
condita sunt vestro lumina nostra sinu.
vidimus et fratrem sellam geminasse curulem;
consule quo factus tempore rapta soror.
filia, tu specimen censurae nata paternae,
fac teneas unum nos imitata virum.
et serie fulcite genus: mihi cumba volenti
solvitur aucturis tot mea fata meis.
haec est feminei merces extrema triumphi,
laudat ubi emeritum libera fama rogum.
nunc tibi commendo communia pignora natos:

так что оба дома знатны и прославились своими подвигами.
Вскоре после того, как претекста уступила место брачному факелу
и другая повязка охватила мои чудесные волосы,
я разделила твоё ложе, Павел, и разлучилась с тобой на том условии,
чтобы на этом камне прочли: у меня был только один супруг.
Призываю в свидетели прах памятных Риму моих предков,
благодаря которым когда-то пала перед нами Африка,
и Персея, подражающего мужеству пращура Ахилла,
и того, кто, несмотря на пращура Ахилла, разрушил Персеевы твердыни:
ради меня строгому цензору не приходилось смягчать свои правила,
и я не опозорила и не осквернила семейный очаг.
Корнелия ничем не умалила столь великое наследие —
напротив, став частью великого рода, она была примером для прочих.
Жизнь меня не изменила, она вся — без единого пятна,
я оставалась безупречной от первого факела до последнего.
Такой меня создала природа и моя благородная кровь,
а их законы верней и надёжней, чем страх перед судьёй.
Пусть жребий из урны вынесет мне суровый приговор —
ни одной девушке не будет стыдно сесть рядом со мной,
даже и тебе, Клавдия, истовая жрица увенчанной башнями богини,
которая когда-то увлекла на канате задержанную безветрием Кибелу,
ни тебе, дева, чьё белое покрывало оживило умирающий очаг,
когда Веста потребовала вновь разжечь свой огонь.
Не обидела я и тебя, милая моя мать, Скрибония:
что бы ты хотела во мне изменить, кроме горькой участи?
Меня прославляют материнские слёзы и жалобы всего города,
и защита моему праху — рыдания самого Цезаря.
Он сетует, что нет больше девы — достойной сестры его дочери,
и я вижу, как сам бог проливает надо мною слёзы.
К тому же я по заслугам носила одежду матери семейства:
смерть похитила меня не из бесплодного дома.
Ты, Лепид, и ты, Павел, моё утешение после смерти —
мои глаза навсегда смежились в ваших объятиях.
Я видела, как брат во второй раз получил курульное кресло;
он лишился сестры тогда, когда стал консулом.
Ты, дочь, воплощённая строгость своего цензора-отца,
следуй моему примеру: пусть муж у тебя будет один.
И помните: опора рода — дети; оттого-то мне и не тяжело
взойти на последнюю лодку: их будущее — продолжение моей жизни.
Высшая награда для женщины, её величайший триумф,
когда на погребальном костре её хвалит людская молва.
А тебе, Павел, я вверяю детей, залог взаимной любви:

haec cura et cineri spirat inusta meo.
fungere maternis vicibus pater: illa meorum
omnis erit collo turba ferenda tuo.
oscula cum dederis tua flentibus, adice matris:
tota domus coepit nunc onus esse tuum.
et si quid doliturus eris, sine testibus illis!
cum venient, siccis oscula falle genis!
sat tibi sint noctes, quas de me, Paulle, fatiges,
somniaque in faciem credita saepe meam:
atque ubi secreto nostra ad simulacra loqueris,
ut responsurae singula verba iace.
seu tamen adversum mutarit ianua lectum,
sederit et nostro cauta noverca toro,
coniugium, pueri, laudate et ferte paternum:
capta dabit vestris moribus illa manus;
nec matrem laudate nimis: collata priori
vertet in offensas libera verba suas.
seu memor ille mea contentus manserit umbra
et tanti cineres duxerit esse meos,
discite venturam iam nunc sentire senectam,
caelibis ad curas nec vacet ulla via.
quod mihi detractum est, vestros accedat ad annos:
prole mea Paullum sic iuvet esse senem.
et bene habet: numquam mater lugubria sumpsi;
venit in exsequias tota caterva meas.
causa perorata est. flentes me surgite, testes,
dum pretium vitae grata rependit humus.
moribus et caelum patuit: sim digna merendo,
cuius honoratis ossa vehantur avis.

забота о них не даёт покоя даже моему пеплу.
Тебе, отцу, предстоит заменить для них мать; тебе одному
нести всех их — мою стайку — на своей шее.
Когда они расплачутся и ты будешь их целовать, поцелуй их
и за мать тоже: бремя нашего дома отныне легло на тебя.
А если тебя вдруг охватит печаль, они не должны быть свидетелями!
Когда придут и будут целовать, на щеках не должно оставаться слёз.
Довольно по ночам ты изнурял себя, Павел, тоскуя обо мне;
довольно я тебе являлась во сне, и ты принимал свои сны за правду;
а когда ты будешь украдкой от всех беседовать с моим изображением,
делай паузы между словами, как будто я тебе отвечаю.
Но если старое ложе будет вынесено за дверь
и хитрая мачеха воссядет на моём месте,
то вы, дети, хвалите отцовский брак и не противьтесь ему:
она сдастся, не устояв перед вашими нравами.
И не слишком хвалите свою мать — если сравнивать её с прежней женой,
новая воспримет как обиду искренность ваших слов.
Но, может быть, он не забудет меня и будет верен моей тени,
и самым дорогим на свете для него останется мой прах.
Тогда научитесь распознавать признаки наступающей старости
и всеми возможными способами заботиться об одиноком вдовце.
Что было отнято у меня, пусть прибавится к годам вашей жизни,
и пусть старость Павла будет радостной благодаря моему потомству.
В этом он был удачлив: никогда мне не приходилось надевать
траур по детям — вся их стайка пришла на мои похороны.
Речь моя подошла к концу. Поднимитесь, скорбящие свидетели,
пока милосердная земля воздаёт мне плату за жизнь.
За свой нрав я удостоилась неба: пусть я буду не менее достойна,
чтобы мои останки везли среди славных дедов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. К. ТРЕДЬЯКОВСКИЙ
ИЗ ЭЛЕГИИ 2, 6. СТИХИ 25-34

Что святили храмы Скромности Отроковиц?
Всем уже быть вольно без стыда из Женских Лиц.
Коя издала Рука срамные Картины,
И простерла в Доме те зрению холстины;
Та прельстила очи блазнию своею Дев,
Та и расплодила помыслов им блудных Сев.
Ах! да стенет на земли, кто, чрез мниму сладость,
У Супружства помутил истинную радость.
Зданий не пестрили в древни так сим времена:
Не блистала в цвете скверностьми Грехов Стена.

М. Н. МУРАВЬЕВ
ПЕРЕВОД ПРОПЕРЦИЕВОЙ XIX ЭЛЕГИИ КНИГИ III

Неволей долгий путь я ныне предприемлю
Да разрешусь любви, во Аттическу землю.
За тем, что боле чем жестокую я зрю,
Тем боле огнь растет, в котором я горю.
Любови пламень бо питается собою.
Я сердце вон изъять испытывал татьбою.
Не пользовало все. Все выходы храня
Сам Бог, сам бог любви, ко здаче ждет меня;
Но та, которою меня он побеждает
Ни тению отрад сих мук не услаждает.
Есть средство, Цинтия, сим мукам возбранить,
Едино средство: край другим переменить.
И верь, что будешь ты толикоже не зрима
От сердца отстоять, колико я от Рима.
Ну, други, на море нуждайте ладию
И каждой бей веслом во очередь свою,
Щастливое платно расправьте вы по древу,
Дыхание по нас поборствует без гневу.
Останьтесь, о друзья, приятны дни вести,

И ты, от коей я спасаюся, прости.
И так несуся я в Адриатийском море,
И приступлю молясь к богам ту сущим вскоре;
Потом я глубину Ионскую прейду,
В пристанище ладью Лехейское введу,
Где изчезает вдруг дыханий бурных сила
И зыбию идут колеблющись ветрила.
Тогда лежащего по суше часть пути,
Не обленитеся вы, ноги, перейти.
Труждайтесь: себо истм моря делящий оба.
Когдаж Пирейских вод покоящась утроба
Явит толь многих цель и странствий и стезей,
В сенистый вниду путь что создал ты, Тезей.
Во градеж буду чужд от шуму праздной черни,
В гуляньях мудрецов вкушать часы вечерни,
Пребудуль во среде Платоновых оград.
Во твой ли, Епикур, прейду я тайный сад
Поникнуль во трудах кипяща Димосфена,
В толпе завистников падущих на колена,
Или Менандровых стихов текущих чтец
Гражданска жития познаю образец,
Иль живопись мой взор конечно остановит,
Искуство, времени которо прекословит
И не дает преплыть забвения реки.
Или творения ваятельной руки.
Пучины между нас и лета, что минуют
В безмолвном недре их боль сердца уврачуют,
Иль смертию своей в покойный сниду гроб.
Поколь любови всех не испытаю злоб
И сердце, чувствия способно, не изноет,
Стыдом главы моей день смерти не покроет.

КНИГИ III. ЕЛ. 5

Мне мило в юности всходить на Геликон
И в хороводы Мус вступать безпреткновенно
Мне мило чтобы Вакх брал разум мой в полон,
Весенней розою обочье увязенно
Когда ж любитися лет старость воспретит
И бодрой шествие ноги отяготит
Тогда да будет мне угодно поучаться
Во тайнах естества: кий бог сей движет свет,
Где солнце восходя, где падая живет

Почто Луне расти, чтоб после уменьшаться
Как ветры восстают: дыханием своим
Кого имает Евр, по безднам мчась морским
Кто создал в небесах хранилища водныя
И день приидет ли погибели земныя.

И. И. ДМИТРИЕВ
ПОДРАЖАНИЕ ПРОПЕРЦИЮ

Вотще мы, гордостью безумною надменны,
Мечтаем таинства провидеть сокровенны,
И в ясных небесах планету зреть свою!
С Парфянами ли мы, с Британцами ль в бою —
На суше ль, на валах перуны в них бросаем, —
Когда и как умрем, увы! того не знаем.
Пределы смертного известны лишь богам.
Нет, невозможно знать в жару сраженья нам —
Тогда, как смерть равно с обеих стран карает —
Кому бессмертных суд победы лавр вручает.
Мы ведаем лишь то, что рок неизбежим;
Что всюду с нами смерть, хотя ее не зрим,
И что погибельны везде ее удары.
Землетрясение, болезни, яд, пожары
Лишают жизни нас и в недрах тишины,
В той самой хижине, в которой рождены.
Но рок свой предузнать старание напрасно!
Единый только тот, который любит страстно,
Имеет оный дар, чтоб ведать свой предел.
Не вострепещет он быть целью вражьих стрел;
Без страха под собой разверстое зрит море,
Когда Борей с волнами в споре,
И с треском молнии сверкают в небесах.
Вотще пред ним Харон на черных парусах
Стигийский мутный ток поспешно рассекает
И новой добычи алкает!
Предстань очам его любезная в тот час;
Взгляни с умильностью, простри свой нежный глас —
Скажи ему: живи! … и во мгновенье ока
Щастливый смертный сей увидит паки свет.
Любовь, любовь сильней вседействующа рока;
Любовь отъемлет жизнь и оную дает.

ТАРПЕЯ. ИЗ ПРОПЕРЦИЯ

Пою Тарпейский лес, постыдный гроб Тарпеи,
И в храме Зевсовом поставлены трофеи.
Был лес, где белый плющ в долинах возрастал,
Где вод журчание стон листьев заглушал;
Места прохладные Сильванова покоя,
Под тень которого от солнечного зноя
Пастух свирелию сзывал овец своих,
Чтоб там в источнике насытить жажду их.
Царь Таций оградил источник сей древами,
И войска храбрые поставил меж холмами. —
Каков был Рим тогда, Сабинский как кимвал
Печальным голосом храм Зевсов потрясал?
И побежденным где даются днесь законы,
Могли ли тут стоять Сабински легионы? —
Хребет высоких гор оградой Рима был;
И тут, где наш Сенат, конь бранный воду пил;
Отсель брала воды Богине в дар Тарпея,
Скудельный водонос на голове имея.
Довольноль казнь приять девице таковой,
Дерзнувшей погасить светильник, Веста, твой?—
Она зрит Тация на бреге с сильным войском,
И златордяный шлем зрит на челе геройском.
Взор Тациев, и войск великолепный вид
В девице помрачил и ум ее и стыд.
Она в смятении долг рук своих забыла,
И водонос с главы на землю уронила. —
Не редко выдумав мечты ночного сна,
Просилась на реку мыть волосы она.
Не редко белые лилеи приносила
Прекрасным Нимфам в дар; и жертвой сей молила,
Чтоб Римское копье вредити не могло
Сабинского Царя прекрасное чело. —
В начале тьмы ночной, взошед на гору Дия,
Простерла руки вверх цветами обвитыя,
И в страсти, коей в ней не мог терпеть Зевес,
Возсед на сем холме, рекла с потоком слез:
«О Тациевых войск жилища освещенны!
О вы Сабинские доспехи позлащенны!
Позвольте пленницей мне быти у себя,
Коль пленница давно я, Тация любя.

Прощайте, горы, вы Рим на хребтах держащи!
Прощай, и ты о град на высотах лежащий!
Прощай, о Веста! ты от времени сего,
Для коей гнусен грех бесстыдства моего!
А ты, конь Тация, толико мной любима,
Влеки, влеки меня к Сабинянам от Рима! —
Что дива в том, что дщерь, злодея полюбя,
Отважилась предать кровь рождшего ея [1]?
Что вместо Скиллиных составов благолепых [2]
Из чрева израсли псов челюсти свирепых?
Не дивно и сестре на брата посягнуть,
И дав Тезею нить, открыть безвестный путь [3]. —
Каким для Римских дев я буду поношеньем,
От жертвенных свещей столь гнусным удаленьем?
Простите мне, что огнь Богини погашен;
Олтарь ее моим весь плачем орошен.
Заутра слышу я, наступят в граде ссоры;
Ты Таций берегись ступить на страшны горы.
Опасен путь тебе: тут тихая вода
Сокрытым шествием опасна завсегда. —
О естьлиб знала я волшебных Муз законы,
Яб ныне помогла любезному чрез оны!
Тебе приличен трон, а не тому теперь,
Которого не мать питала, хищный зверь.
Коль буду у тебя другиней иль женою,
Не малой дар тебе, — я Рим предам с собою.
Когдаж не так, то ты Сабинских жен отмсти,
Похить меня, и тем обиду заплати.
Я прекратить сильна войны бесчеловечны;
Вы жены без меня в союз войдете вечный.
О Гимен! помоги! — Военный шум престань! —
Поверьте, что мой брак смягчит жестоку брань.
Но се четвертый страж свет дня предвозвещает;
И Океан в себя созвездья поглощает.
Уж время спать: хочу тебя узреть во сне;

1. Здесь разумеется Скилла дочь Ниса Царя Мегарского, которая, влюбившись в Миноя, неприятеля отца своего, отрезала роковой волос у отца, и чрез то как его, так и все отечество предала в руки неприятелю.

2. В тексте — благолепных, по-видимому, опечатка. — А. Л.

3. Ариадна, дочь Миноса Царя Критского, которая, влюбившись в Тезея, определенного на жертву Минотавру брату ее (чудовищу, заключенному в лабиринте) научила его убить Минотавра, и посредством нити вытти из лабиринта.

Предстань любезна тень, предстань пред очи мне!»
Рекла — и вместо сна в безумство погрузилась;
В неистовстве еще любовию томилась.
Богиня пламени, Троянских чистых дев
Заступница, к ее вине питая гнев,
По членам всем ея сей жар распростирает.
Во все страны себя Тарпея повергает,
Подобно Стримоне, отверзши вид красот,
Неистовствующей близ Термодонтских вод. —
Случилось празднество, зовомое Парили,
Тот день, что Римляне началом Рима чтили.
Веселье в граде, пир годичный пастухов,
Когда всяк гражданин был к пиршеству готов,
Когда через ряды в кострах горяща сена
Проскакивает чернь пиянством отягченна.
Тут Ромул повелел все стражи отменить,
Умолкнуть гласу труб, войну остановить.
Тарпея случай сей считая за полезный,
Спешит во стан врагов, где был ее любезный;
Вступает в договор с отечества врагом,
И хочет быть сама сопутницей во всём. —
Доселе бывшая гора неподходима,
Во время празднества отверзла путь до Рима. —
Немедленно по том изсунув острый меч,
Дерзает оным глас стрегущих псов пресечь. —
Все было дремлюще: лишь Юпитер единый
Был в мщении своем тогда неутомимый.
Тарпея Тацию вручает ключ от врат,
И с оным предает во сне лежащий град.
По том — у Тация о браке вопрошает,
Дабы назначил день, которой он желает.
Но вероломству дать наград не мог злодей:
«Будь мне женой, он рек, и царством всем владей!»
И вергнул на нее доспехи взяв от воин.
«Сей, дева, дар един любви твоей достоин!»
Отселе и гора Тарпейской названа.
Не стоишь ты и сей награды, что дана!

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

ПРОПЕРЦИЯ. К. I. 2. К ЦИНТИИ

К чему тебе наряд, столь пышной, столь блестящий,
Как легкий утра дым, в волнах зари горящий, —
Изшвенья Косского [4] образчик дорогой? —
Власы твои поят и мирра, и алой! —
Оронт весь дышет вкруг! О Роскоши заразы!
К чему все бисеры и редкие алмазы? —
К тому-ль чтоб бременем товаров покупных
Губить природный блеск приятностей твоих? —
Младые прелести скрывать под их корою,
И не собой... увы! — гордиться их ценою!...
Поверь все хитрости, все чары красоты,
Мой друг, не для тебя: без них ты будешь ты!...
Амур весь обнажен, не терпит украшенья,
Всмотрись в любезные лугов ты облаченья? —
Жизнь, нежность, простота в их ризе расписной!
Вот плющ: — ах, как он мил, вияся сам собой,
Без помощи руки по дереву прямому!...
Вот лилий куст: один, как бы к родному дому,
К пещере скромной он примкнулся и растет! —
Без правила поток струи свои несет:
Сама беспечность в них играючи кружится! —
Родными камнями унизан брег, пестрится; —
Деревья не чинясь, зелены кудри вьют,
И птицы не учась, мне сладостно поют!
Лициппа дочери приманок сих коварных
Не знали, чтоб пленить двух братьев лучезарных [5];
Идас и Аполлон держали важной спор
Не за наружный блеск и царственный убор;
И Гипподамия приятств не занимала,
Когда Пелопса грудь любовью к ней пылала? —
Несомая, как вихрь, на отческих конях
Без злата, жемчугов, в родных своих красах,
Супруга юного крушила нетерпенье,

4. На Острове Кос были славнейшие фабрики шелковых материй. Из Оронта получались все благовония.

5. Лицип — Царь Ахайский; в дочерей его страстно влюблены были Кастор и Поллукс.

И Апеллесово возжгла воображенье[6]! —
Науки нравиться не ведали в те дни:
Стыдливость, скромность: — вот алмазы их одни! —
Так мыслю я, и льщусь, что ты сама собою
Довольна без прикрас, когда любима мною!...
А если, сверх того, Парнасса светлый бог
Тебе вручил свой дар, побед твоих в залог,
И Муза арфою своей благословила; —
Когда словес твоих чарующая сила
Все то мне говорит, чем мудрость и любовь,
И восхищают ум, и сладко нежат кровь!...
О Цинтия! Оставь блеск роскоши презренной,
И жизнью будь моей отрадной, неизменной!...

ПРОПЕРЦИЯ. К. I. 19 К ЦИНТИИ

Нет, Цинтия, не смерть, не бледны Орка тени
Виной таинственных души моей смятений! —
Готов исполнить долг; не оробею я:
Боюся не того: — боюсь, чтоб смерть моя
Твоей любви ко мне со мной не погасила!...
Ах! мысль сия страшней, чем хладная могила!
Ужели так слаба любовь у нас в сердцах,
Чтоб с жизнью умерла и мысль о мне, как прах!
Герой Протезилай Айдеса в мгле унылой
Не в силах был забыть своей супруги милой[7]:
Но дух, он радостью обманчивой влеком,
Узреть, обнять ее, притек в свой древний дом!...
Поверь, каков я здесь, таков и в мраках ада: —
Любви моей ни Стикс, ни Цербер не преграда! —
И там любовник твой, душа души моей! —
Пускай красавицы давно минувших дней,
Героев дочери предстанут предо мною:
Не бойся: ни одной я не сравню с тобою! —
Клянуся именем в том матери — земли!...
Хотя бы вышние в совете изрекли
Тебе позднейшие увидеть жизни лета:
Не охладею я: на праге стану света,

6. Гипподамия, дочь Ономея, влюблена была в Пелопса. — Апеллес в превосходной картине изобразил ее, управляющую конями своего отца.

7. По баснословию: он получил позволение от Плутона, возвратиться на этот свет, и пробыть три часа у супруги своей Лаодамии.

Страсть ту же принесу поблекнувшим красам; —
С восторгом обниму притекшую к теням!...
Ах! если б ты всегда, подобно мне, пылала,
Тогда бы смерть нигде меня не устрашала,
Тогда б не умирал, я жил в тебе тобой! —
Но, может быть, увы! любовник молодой,
Тебя от моего на век отринув праха,
У тени моея последний дар — без страха —
Отнимет: — осушит твоих потоки слез,
И жертвой будешь ты ласканий, иль угроз!...
Ужасно!... Ускорим златое наслажденье!...
Живи сто лет, сто дней; — в любви одно мгновенье!

ПРОПЕРЦИЯ. К. I. 18. К ЦИНТИИ

Безмолвие окрест; пустыня почивает;
Едва листы дерев зефир перебирает. —
Обитель тайных дум, скалы седые, вам
Скорбь сердца моего вверяю, как друзьям!...
Чем, Цинтия, начну? — Гонимый грозным Роком, —
Чего я не терпел в плену твоем жестоком? —
Сама, сама назначь мне время первых слёз?...
Еще давно ли я, в венке из свежих роз,
Был первый посреде любовников щастливых?
И вдруг изчез мой рай, сей рай мечтаний льстивых!...
Что сделал я? — Отколь внезапной сей удар? —
Смущаюсь! — Плод ли то неведомых мне чар,
Иль новые в любви чистейшей подозренья? —
Соперница-ль опять предлогом отверженья?...
Ах! Цинтия, когда измена есть моя,
Когда так мыслишь ты: будь ветрена, как я! —
Отмсти мне... соглашусь на всякое терзанье,
Жестокости твоей достойное каранье!...
Отмсти!... Безумец! — ах принужу-ль я себя? —
Могу-ль подозревать на миг один тебя, —
Иль словом оскорбить, иль думою нещастной,
И быть виною слез, затмивших взор прекрасной?...
О, Цинтия! скажи, иль нежности моей
Не мог я доказать? — Ты усомнилась в ней? —
Иль изменился я, или, я страстен мало? —
Иль образ мой не есть души моей зерцало?...
Вы, сосны мрачные! — вы, дубы древних лет, —
Свидетели мои! — Вы дайте ей ответ!...

Сколь часто оглашал унылы наши сени
Я стонами моих томительных крушений? —
Сколь часто имя мне бесценное вверял
Чувствительной коре — и в тайне воздыхал!...
К чему меня твоя свирепость доводила?...
Так я, страдалец я, как темная могила,
С одними мертвыми предметами грустил;
К ним жалобы свои бесплодно возносил!...
Нет! гордости твоей быв жертвою смиренной,
Не смел и им сказать я мысли сокровенной: —
Молчал... бежал людей... в себе сокрылся сам,
Скитаясь в дебрях гор, по диким берегам
Неукротимых вод, в степи непроходимой!...
И там, казалось, жил! — И там.... непостижимой
Покой я обретал... То смерть, или покой?...
Ах! — Все окрест меня крушилося со мной;
Стенания мои вертепы повторяли,
И птицы песнь свою с моею соглашали!
. . . . . .
. . . . . .
Гордись... но знай: они отмстители мои!
Они внимали мне... и ярых вод струи,
И мрачные леса, и каменные горы,
Все Цинтию поют... об ней все разговоры!

И. П. БОРОЗДНА
К ЦИНТИИ (ПРОПЕРЦИЕВА ЭЛЕГИЯ)

О Цинтия! нет, нет, я смерти не страшусь!
Я бездну вечности узрю без содроганья!
Но с жизнью потерять любовь твою боюсь —
И для меня тяжка минута расставанья!..
Киприды сыном я навеки побежден!
Любовь воспламенит и пепл мой охлажденной...
Ты помнишь: по следам супруги несравненной
Протезилай преплыл мятежный Ахерон[8],
И, чтитель своего священного обета,
Казалось, пренебрег жестокость Парки злой...
И я, о Цинтия, умчу любовь с собой
К далёким рубежам незнаемого света!

8. Сошествие Протезилая во ад, по Мифологии известно. — Б.

Так тщетно б зрелись мне, во блеске вешних дней,
Красавицы сии, цвет милый дев Троянских,
Аргивян пленницы среди полей Дарданских —
Ничтожна прелесть их пред красотой твоей!..
О! если б, мощными гонимый небесами,
В юдоли суеты тебя я пережил;
Тогда, с печалию и тихими мольбами,
Над прахом бы твоим я вечно слёзы лил!
Но нет, живи, мой друг! и в грозный час кончины,
Мой тяжкий переход к бессмертью облегчай!
Роптаний дерзостных к богам не воссылай —
И я не устрашусь карающей судьбины!..
А если без меня, соперник молодой,
Набросит на тебя, мой друг, оковы плена,
Отторгнет Цинтию от урны роковой
И повлечет ее пред жертвенник Гимена…
Тогда… Но для чего смущаться сей мечтой,
Как неким горестным, зловещим сновиденьем?..
Будь мне всегда верна, о друг бесценный мой!
И целый век любви покажется мгновеньем!..

1823 г., Апреля 6-го
Москва

А. Н. МАЙКОВ
ТУЛЛУ. ИЗ ПРОПЕРЦИЯ

Под сельским портиком своим
За чашей греческою, полной
Лесбийским соком золотым,
Ты взором следуешь спокойно
За бегом лодок по реке,
Пловцов внимая песни стройной,
Ловя их парус вдалеке,
Или любуясь важным ходом
Влекомых вервями судов,
И на приветствия пловцов
Главой киваешь мимоходом.
Но, друг мой, Пафоса жрецу,
Мне не вкусить тех наслаждений!
Зато, когда на ложе лени,
Склонясь ко мне, лицом к лицу,
Задремлет Цинтия; когда я

В ее запутаю власах
Свои персты, в тиши внимая
Сквозь сонный лепет на устах
И ей любуясь, — что Пактолы
Златая россыпь для меня,
Всемирный скиптр, венец тяжелый
И бармы пышные царя!

Ф. К. СОЛОГУБ
ИЗ ЭЛЕГИИ 1, 2

Зачем вплелись цветы в поток твоих кудрей
И сдавлен белый лоб повязкою жемчужной?
Зачем роскошный стан и млечный цвет грудей
Закрыты тогою, богатой, но ненужной?
В природе просто всё, на что ни бросишь взор:
Молчит пустынный грот, плющом приосененный,
А из него ручей стремится на простор
И, прядая с горы, звенит, неугомонный.
Лежат кремни в песке на берегу ручья,
Видны в траве цветы, кусты зазеленели,
И с песней звонкого ночного соловья
Сравнится ли напев искуснейшей свирели?

27 июня 1894

Ф. Е. КОРШ
II, 3

Не ты ли хвастал, что терпеть
Уж от красавиц впредь не будешь?
Но вот запутался ты в сеть
И о себе скромней уж судишь.
Тебе досталася, бедняк,
Едва на месяц передышка,
И уж беспутства новый знак —
Твоя вторая зреет книжка.
На суше можно ль рыбе жить, —
Такой бывал я занят думой,
И век свой может ли пробыть
В морской пучине вепрь угрюмый,
А я могу ли, сон забыв,
Трудами сплошь свой ум тревожить?

Увы! возможно страсти взрыв
Отсрочить, но не уничтожить.
Не так лицом пленен я в ней —
Хоть что сравнить с ее красами?
Моей возлюбленной белей
Не могут лилии быть сами;
Меотский снег в нем будто спор
С иберским суриком затеял,
Иль словно розы кто убор
По молоку, сорвав, рассеял, —
Не кос волнистый водопад,
Что мода на плечи спустила,
И не глаза меня манят,
Два огонька, мои светила,
Не аравийской ткани шелк,
Наряд, встречаемый повсюду —
Из-за него я, зная толк,
Ничьим поклонником не буду —
Но я ценю, что так она
Красиво пляшет за попойкой,
Как Ариадна в честь вина
В восторге хор водила бойкий,
И что дерзает воскрешать
Мечтанья эолийской девы,
Струнам искусная внушать
Богинь достойные напевы,
И что в поэзии себя
Сличает с древнею Коринной
И, песен дар в себе любя,
Певицей брезгует старинной[9].
Когда явилась ты на свет,
Уж не принес ли, дорогая,
Амур младенцу свой привет,
Тебе во здравие чихая?

9. Переведено по догадке, так как рукописное Carminaqu(a)e quivis можно истолковать только с натяжкой, что и сделал Ротштейн. Но к чему было Проперцию в предшествующем стихе писать Et sua cum antiquae с элизией односложного слова, когда он мог избежать ее, сказав veteris? Перевод основан на подозрении, что подлинное чтение было именно таково, а второй стих начинался Carminaque antiquae, откуда antiquae попало в первый стих, после чего во втором явилась контаминация из -que и vis вместо -ris. Коринна могла в то время производить впечатление грубой старины своим беотийским диалектом.

Такие блага даровать
Тебе могла богов лишь сила;
Оставь и мысль о том, что мать
Тебя так щедро одарила.
Дары такие не могло
Тебе людское дать рожденье;
Не в десять месяцев пришло
Такое благ соединенье.
Великой славы ты пример
Меж римских дев одна покажешь:
С владыкою небесных сфер
Из них ты первая возляжешь.
Всегда не будешь с нами ты
Людских лишь спален видеть стены.
Ты совершенство красоты
Явила вновь со дней Елены.
Так что ж за диво в том, что к ней
Пылает юношество наше?
Вот, от кого и Трои всей
Разгром конечный был бы краше!
За этот образ мог бы сам
Ахилл найти себе кончину,
Да был бы должен и Приам
Войны приветствовать причину.
Когда-то я не мог понять,
Что Запад встретился с Востоком
У стен Пергамских, рать на рать,
Из-за жены в бою жестоком.
Теперь, Парид и Менелай,
Уж я смотрю на вас иначе:
Ты прав, что все твердил: «отдай»,
А ты — что медлен был в отдаче.
Кто хочет больше кисть свою
Творений древности прославить,
Тот должен милую мою
За образец себе поставить.
Восток ли блеск ее лица
Иль Запад узрит в списках точных,
Она и западных сердца
Зажжет любовью и восточных.

I, 15 B [10]

Нет, Кинфия, ложью не сильсяготовой
Свое вероломство прикрыть;
Богов не испытывай клятвою новой:
Дай прежние им позабыть.
О дерзкая, знай, что грозит тебе кара
И с нею печаль для меня,
Когда рокового ты силу удара
Почуешь средь ясного дня.
Ведь раньше речные покатятся воды
Назад от пучины морской,
И прежде в годичном порядке природы
Обратный окажется строй,
Чем будет на миг мое сердце свободно
От страстной заботы о том,
Чтоб ты, если хочешь, жила, как угодно,
Лишь мне не чужею во всем,
И чем хоть на каплю потерпят утраты
В любви моей глазки твои,
Которыми часто, когда мне лгала ты,
Сомненья смирялись мои.
Глаза мне залогом своих беззаконий
Ты ставила, ими клянясь,
Чтоб, если лукавишь, они на ладони
Упали к тебе в тот же час.
И их ты дерзаешь на встречу сиянья
Великого солнца возвесть,
И дрожь не объемлет тебя от сознанья
Того, что забыла ты честь?
И кто заставлял тебя щек твоих розы
На бледность менять столько раз,
И кто выжимать принуждал твои слезы
Из холодно блещущих глаз?
От этих уловок и гибну я ныне,
И вот мой влюбленным совет:
«Не верьте вы нежного чувства личине:
В ней правды ни на волос нет».

10. Эта элегия, представляющая в рукописях последнюю часть элегии 15 (ст. 25–42), выделена Риббеком.

А. И. ЛЮБЖИН

II, 14

Не радовался так Атрид, Дарданской власти
Могущество сломив и сокрушив Пергам,
И, завершив свой путь, не знал такого счастья
Улисс, к Дулихия приплывший берегам,
Не ликовала так, живым Ореста видя,
Электра, только что оплакав прах его,
И вряд ли радостно так было Миноиде
В Дедаловом дворце Тезея торжество,
Как этой ночью мне: о если б дали боги
Ещё такую ночь, бессмертия б достиг!
А ведь недавно брёл, несчастный, без дороги,
Смеялись надо мной: вот высохший родник!
Уступчивей к мольбам, не хмурится уж грозно,
Не ищет повода напрасный гнев излить...
О если бы не так леченье было поздно
Болящему дано! Как пепел исцелить?
Уж под ногами путь глаза не различали:
Безумная любовь кого не ослепит!
Любимой пренебречь — вот средство от печали: —
Противилась вчера — сегодня поспешит!
Она была со мной! со мной делила ложе,
Пока любовники толпились у двери!
Парфянского венца такой венец дороже:
Вот колесница мне, доспехи и цари!
Венере пышный дар прибью я пред колонной,
И будет стих такой под именем моим:
«Проперций сей доспех богине благосклонной
За ту приносит ночь, когда он был любим».
Пока плывет к тебе над светлою волною,
Не сядет ли на мель тяжёлая ладья?
Ведь, огорчив тебя какой-нибудь виною,
Лежать перед дверьми останусь мертвым я!

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящие примечания не являются научным комментарием в полном смысле слова и предназначены только для того, чтобы дать образованному читателю возможность знакомиться с переводом, не имея под рукой справочников и словарей; они включают указания по мифологии, географии, римским древностям в тех случаях, когда это необходимо, и важнейшие параллельные места. Самые элементарные сведения в примечания не включены. Кроме того, мне хотелось бы исполнить приятный долг и поблагодарить за помощь, оказанную мне в работе, Роберто Кристофоли, всегда быстро и с готовностью откликавшегося на мои просьбы, Елену Сергеевну Иванюк, которая была скорее соавтором, нежели редактором перевода, Галину Даниловну Муравьеву, Александра Евгеньевича Кузнецова, Олега Дмитриевича Никитинского, Андрея Александровича Россиуса, Алексея Ивановича Солопова и Дмитрия Олеговича Торшилова — за ценные советы и консультации, Андрея Анатольевича Винберга — за помощь в области информационных технологий, т. е. за спасение погубленной уже было моим компьютерным невежеством части готового труда, Алексея Евгеньевича Беликова, составившего именной указатель к книге, Марину Владиславовну Ленчиненко и Ольгу Леонидовну Соломину — за помощь в атрибуции анонимно опубликованного перевода, принадлежащего М. Н. Муравьеву, библиографические сведения и подготовку текста неопубликованного перевода, а Ирину Леонидовну Великодную — за постоянное участие и внимание к моему труду, много способствовавшее его выходу в свет.

К ПЕРВОЙ КНИГЕ

1 **1** Апулей (*apol.* 10, 7) даёт подлинное имя возлюбленной Проперция — Гостия (*Hostia*). Кинф — гора на о. Делос, который был одним из центров культа Аполлона; по преданию, этот блуждающий остров был единственным, который согласился дать приют Латоне для рождения Аполлона и Дианы, после чего обрёл постоянное место в море.

1 слл. Ср. AP 12, 101 (Мелеагр).

9 *Тулл* — друг поэта, племянник консула 33 г. до Р. Х. Л. Волкация Тула. *Миланион* — возлюбленный Аталанты, дочери Иасия, царя Аргоса. Ср. Ov. *ars* 2, 187 слл.

11 *Парфений* — горный хребет в Аркадии.

13 *Гилей* — кентавр, преследовавший Аталанту; тяжело ранил Миланиона палицей (или стрелой, как у Овидия).

19 *Обманщицы* — ср., напр., Tib. 1, 2, 47 слл.

24 *Китея* — город в Колхиде, упоминается в «Аргонавтике» Аполлония Родосского.

27 Железо и огонь — обычные атрибуты описания работы хирурга.

2 1 слл. Ср. Tib. 1, 8, 9–16.

2 *Кос* — остров в Эгейском море недалеко от побережья Малой Азии;

Косские ткани славились качеством выделки и были практически прозрачными.

3 — *Оронт* — самая полноводная река Сирии, на которой располагалась её столица Антиохия.

15–16 — *Феба* и *Гилаира* — дочери *Левкиппа*, царя Мессении; Диоскуры спорили за них с сыновьями Афарея.

17–18 — *Эвен* — бог реки в Этолии; Идас и Аполлон спорили за его дочь Марпессу, которая отдала предпочтение Идасу.

19 — *Гипподамия* — дочь царя Элиды Эномая; Пелопс, желая взять её в жёны, победил Эномая в колесничном беге.

28 — *Аонийская* — по имени героя Аона; эпитет относится к Музам.

3 — Стихотворение послужило образцом для *Der Besuch* Гёте.

3 — См. прим. к 3, 22, 29.

5 — *Эдоняне* — племя, живущее во Фракии, на родине культа Диониса; Эдонянка — вакханка; Апидан — река в Фессалии.

14 — *Либер* — древнеиталийский бог, отождествлённый с Вакхом.

20 — *Инах* — сын Океана и Тефии, основатель и первый царь Аргоса. *Аргус* — стоглазое чудовище, которому Гера поручила стеречь превращённую в корову Ио; по приказу Зевса был убит Меркурием.

4 1 — *Басс* — ямбический поэт, друг Проперция и Овидия.

5 — Подробнее см. 3, 15, 11 слл. с прим.

6 — *Гермиона* — дочь Менелая и Елены, жена Неоптолема, затем Ореста.

5 5 — Ср. Hor. *carm.* 2, 1, 7–8.

6 — *Фессалия* была знаменита своими волшебницами (ср., напр., Эрихто у Лукана — 6, 507 слл.) и, следовательно, волшебными травами.

6 1 — Об опасности Адриатического моря см., напр., Catull. 4, 6; Hor. *carm.* 1, 33, 15; 2, 14, 14; 3, 3, 5; 3, 9, 23.

3–4 — *Рипейские* горы располагались на границах Скифии; жилище Мемнона — Эфиопия, где последний был царём; то и другое означает северный и южный пределы обитаемого мира.

8 — Ср. Ov. *am.* 3, 9, 36.

13–14 — *Афины* славились прежде всего как центр философского образования; знаменитые города Малой Азии непременно посещали в своих путешествиях на Восток молодые римляне из образованных, богатых и знатных семейств (ср. напр. Catull. 46). Пергамское царство славилось своим богатством.

34 — *Пактол* — золотоносная река с истоком у горы Тмол в Лидии.

7 1–2 — *Понтик* сочинял эпическую поэму, по-видимому, обрабатывая материал циклической «Фиваиды» (временем создания считают VIII в. до Р. Х.).

19 — *Нежные стихи* — любовные элегии (в противовес эпическому гекзаметру, «мощным стихам», *versus duri*).

8 — Как προπεμπτικόν ср. Ov. *am.* 2, 11.

7–8 — Ср. Verg. *ecl.* 10, 49.

10 — *Вергилии* — Плеяды. Восход Плеяд был признаком времени, благоприятного для мореплавания.

18 — *Галатея* — одна из Нереид, дочерей морского бога Нерея.

19 — *Керавния* (Акрокеравны) — горы в Эпире на берегу Адриатического моря; близлежащие воды считались опасными для кораблей.

20 — *Орик* — приморский город и гавань в Эпире.

25–26 *Атракс* — город в Фессалии.

36 Имеются в виду колесничные состязания, введённые *Эномаем* для того, чтобы помешать браку его дочери Гипподамии с Пелопсом.

43 Чаще для выражения восторга употребляется «коснуться звёзд головой». Ср. Hor. *carm.* 1, 1, 36, Ov. *met.* 7, 61, а также Sen. *Thyest.* 886–888.

9 5 *Хаония* — провинция в Эпире, где располагался знаменитый Додонский оракул Зевса со священным дубом; священными птицами оракула были голуби.

10 *Воздвигнутые Амфионовой лирою стены* — Фивы; см. прим. к 1, 7, 1–2.

11 *Мимнерм* Колофонский — элегический поэт VI в. до Р. Х.; первый из греческих элегиков, который ввёл в рамки жанра любовную тематику.

19 *Повстречаться с армянскою тигрицей* — первый тигр в Риме был представлен в клетке на открытии театра Марцелла (11 г. до Р. Х.). В римской поэзии Армения часто обозначается как родина тигров.

20 *Колесо в преисподней* — этому наказанию был подвергнут царь Лапифов Иксион за попытку принудить Геру разделить с ним ложе.

11 1 *Байи* — модный курорт на берегу Неаполитанского залива; с моральной точки зрения пользовался дурной репутацией.

2 *По берегу, прославленному именем Геркулеса* — участок суши, отделяющий Лукринское озеро от моря. Считалось, что это дамба, созданная трудом Геркулеса.

4 *Мизены* — имеется в виду не мыс, а городок с тем же названием.

11 Упоминание Мисийского царя Тевтранта; в Мисии располагались Эолийские Кумы, совпадающие по названию с Кумами в Кампании; последние были колонией Халкидики с Эвбеи.

12 4 *Эридан — от Гипаниса…* Эридан — греческое название По; Гипанис, по-видимому, современная Кубань.

15 *Felix, qui potuit* — цитата из Verg. *georg.* 2, 490.

13 21 слл. На мысе *Тенар* располагался знаменитый храм Нептуна. *Салмонида* — Тиро, дочь Салмонея; Посейдон разделил с ней ложе, приняв облик речного бога Энипея.

30 У Еврипида (*Iph. Aul.* 50–51) наряду с Клитемнестрой и Еленой упоминается некая Феба.

14 2 См. прим. к 3, 9, 13.

19 *Аравийского камня* — оникса; Аравия Счастливая была знаменита своими богатствами.

20 слл. Ср. Tib. 1, 2, 77 слл.

24 См. Hom. *Od.* 8, 392 слл.

15 15 Предпочтение мужа братьям — поступок, противоречащий нормам эллинской морали. — *Алфесибея* была дочерью Аркадского царя Фегея и женой Алкмеона.

18 *Гипсипила* — царица государства на о. Лемнос, состоящего из одних женщин. Когда женщины на острове перебили всех мужчин, спасла своего отца Фоанта. Когда Аргонавты остановились на Лемносе, полюбила Язона.

21 *Эвадна* — жена Капанея, одного из участников похода Семерых против Фив; не захотела пережить своего мужа и бросилась в его погребальный костёр.

21–22 Ср. Eur. *Suppl.* 1014 слл.

31 слл. Ср. Verg. *ecl.* 1, 59, слл. Ср. также Eur. *Med.* 413; Ap. Rhod. 3, 529 слл.; Ov. *trist.* 1, 8, 1–2.

16 1 слл. Παρακλαυσίθυρον — стихотворение на следующий сюжет: влюблённый у закрытых дверей возлюбленной. Александрийский жанр, о котором говорит Плутарх (*Moral.* 753 A). Стихотворения на эту тему встречаются, напр., у Асклепиада Самосского. Элегии на данный сюжет у Катулла — *carm.* 67, у Овидия — знаменитая *am.* 1, 6; см. также Tib. 1, 2, 5 слл.

29 Ср. Eur. *Med.* 1331–32; Verg. *Aen.* 4, 365 слл.; Catull. 60, 1–3; 64, 154–156; Tib. 1, 1, 63–4; 3, 4, 90; Sen. *Herc. Oet.* 143–146; топос восходит к Hom. *Il.* 16, 33 слл.

17 3 *Кассиопа* — по-видимому, имеется в виду порт на северной оконечности Керкиры (ныне о. Корфу).

18 *Тиндариды* — Диоскуры, покровители плавающих по морю.

24 Лёгкая земля как напутствие и пожелание для умершего; ср. Ov. *ars* 3, 740; Iuv. 7, 207; пародийная эпитафия Марциала — 9, 29, 11.

25 *Дочери Дориды* — Нереиды.

18 20 *Аркадского бога* — т. е. Пана.

31–32 Ср. Verg. *ecl.* 1, 5.

19 7 слл. *Потомок Филака* — Протесилай, уроженец Филаки, основанной его предком Филаком; первым сошёл на Троянскую землю с корабля и был убит Гектором; получил позволение на один день покинуть подземный мир и повидаться со своей супругой Лаодамией.

13 Елисейские поля как загробное жилище славных своими доблестями героинь — эллинистическая традиция. Ср. также Tib. 1, 3, 57 слл.

20 4 *Минийцы* — аргонавты; Миний — царь Фессалии, чьими потомками были некоторые из них. Асканий — река в Вифинии.

6 *Гилас, сын Теодаманта*, царя Дриопов, Пеласгийского племени, жившего в области горы Эта, был спутником Язона в походе Аргонавтов.

9 *Берег, прославленный Гигантами* — Флегрейские поля у Кум, где происходила битва богов с гигантами. Ср. также прим. к 3, 9, 47.

11 Проперций не проводит различий между дриадами, гамадриадами и наядами (первые и вторые — нимфы леса и деревьев, последние — источников).

12 *Авзония* — Италия, по названию древнейшего населения (*Ausones*).

17 *Пагаса* (или *Пагасы*) — Фессалийская гавань, откуда отправились Аргонавты.

18 *Фасис* — река в Колхиде, ныне Риони.

19 *Воды, славные именем дочери Афаманта* — Геллеспонт.

20 *Мисийские берега* — Мисия граничила с Вифинией.

31 *Зет* и *Калаид* были сыновьями Борея (Аквилона) и Орифии, дочери Эрехтея и внучки Пандиона, похищенной Бореем.

33 *Арганф* — гора в Вифинии, откуда берёт своё начало источник Пеге.

34 *Финийские нимфы* — *Thyni*, племя, жившее во Фракии, а затем — на северо-западе Вифинии.

21 2 *Этрусские стены* — имеется в виду Перузинская война 41–40 гг. до Р. Х., восстание под руководством консула Луция Антония, брата триумвира Марка Антония, и жены последнего Фульвии против Октавиана. Войска Октавиана осадили Перузию и принудили её к сдаче голодом, после чего город был разграблен и разрушен, а большая часть населения — перебита. Галл сражался на стороне Луция Антония. О чудовищной

жестокости резни пишет Светоний (*Aug.* 15–16); Веллей Патеркул, напротив, пытается снять с вождя ответственность за резню (2, 74).

7 *Цезарь* — имеется в виду Октавиан.

22 3 См. прим. к 1, 21, 2.

КО ВТОРОЙ КНИГЕ

1 3 *Каллиопа* как Муза наиболее престижного жанра — эпической поэзии — занимает среди своих сестёр первое место.

17 Проперций был членом Меценатова литературного кружка.

19–20 «Титаномахия» (произведение неизвестного автора, сочинённое предположительно в VII в. до Р. Х.) также входила в число циклических поэм. *Осса, взгроможденная на Олимп* — имеется в виду восстание гигантов Ота и Эфиальта против богов.

21 См. прим. к 1, 7, 1–2.

22 Во время своего похода на Грецию Ксеркс приказал прорыть канал, чтобы соединить Фракийское море с Сингитским заливом и дать своему флоту возможность не огибать опасный бурями Афон. Это соединение двух морей, как и переправа персидского войска через Геллеспонт, — (корабли, идущие по суше, и войска — по морю) служили впоследствии одной из наиболее популярных тем для риторических упражнений. Эпическая поэма, посвящённая Персидской войне, принадлежала поэту Херилу (2-я половина V в. по Р. Х.). В ту эпоху описание современных событий в эпосе было новаторством; ко времени Проперция этот сюжет для эпоса мало отличался по своему характеру от мифологической древности.

23 Имя Рема вместо имени Ромула часто используется по метрическим соображениям. События первой Пунийской войны были отражены в *Bellum Poenicum* Невия, второй — в «Анналах» Энния. Последний сюжет позднее избрал для исторического эпоса Силий Италик.

24 Марий одержал победу над Тевтонами при Секстиевых водах в 102 г. до Р. Х. и над Кимврами на Раудийских полях в 101 г.

25 См. прим. к 1, 21, 7.

27 В *Мутинской* битве (43 г. до Р. Х.) Антоний был побеждён армией под командованием консулов Гирция и Пансы, но победа стоила им жизни; вскоре после этого последнего успеха республиканских войск измена Октавиана обеспечила переход власти ко Второму триумвирату и вызвала массовые проскрипции. Трудно понять, как можно было бы повествовать об этих событиях, прославляя Августа. Битва при Филиппах (в Македонии) и гибель Кассия и Брута — 42 г. до Р. Х.

28 Имеется в виду победа над Секстом Помпеем, сыном Гнея Помпея Магна, которому удалось спастись во время испанской войны и, опираясь на пиратов, создать мощную опорную базу на Сицилии. Победа над ним была одержана полководцем Августа Випсанием Агриппой в 36 г. до Р. Х. Обстоятельства борьбы против Секста Помпея также не всегда свидетельствовали о полководческих дарованиях и мужестве Октавиана.

29 См. прим. к 1, 21, 2.

30 слл. События 31 г. до Р. Х.; предшествовавшую им победу при Акциуме Проперций воспоёт в 4, 6.

	34	При Акциуме (31 г. до Р. Х.) Октавиан одержал решительную победу над флотом Антония и Клеопатры, окончательно определив тем самым исход гражданских войн в Риме. Проперций часто упоминает это событие.
	37–38	Два мифологических примера верной дружбы.
	39	Во вступлении к «Причинам» Каллимах пишет (*frg.* 1, 20 PFEIFFER: «Громыхать громом — дело не моё, а Зевса», βροντᾶν οὐκ ἐμόν, ἀλλὰ Διός).
	40	О Флегрейских полях см. прим. к 1, 20, 9.
	41	*Мощный стих* — см. прим. к 1, 7, 19.
	42	Основателем Юлиева рода считался Иул, сын Энея.
	54	*Иолк* — город в Фессалии; убийству дочерей Пелия была посвящена одна из ранних трагедий Еврипида, «Пелиады». Этот сюжет обрабатывают Аполлоний Родосский и — несколько позднее — Овидий в «Метаморфозах» (7, 1 слл.).
	58	Ср. Theocr. *id.* 11, 1–2; Tib. 2, 3, 11 слл.; Ov. *heroid.* 5, 149; *met.* 1, 523.
	60	*Сын Филиры* — мудрый кентавр Хирон; *Феникс* — сын Аминтора, предводитель Долопов и воспитатель Ахилла; был обвинён в попытке соблазнить наложницу отца и ослеплён последним.
	61	*Андрогей* — сын Миноса, убитый стрелой Эгея во время состязаний в Афинах; предание о его оживлении Асклепием (Эскулапом) более нигде не засвидетельствовано. *Эпидавр* был центром культа Асклепия.
2	9	*Исхомаха* — невеста Пирифоя; во время свадьбы из-за неё возник спор между Лапифами и кентаврами.
	11	*Бойбеида* — озеро в Фессалии. *Бримо* почиталась как богиня в Ферах — одном из крупнейших городов Фессалии на берегу этого озера.
	16	*Годы Сивиллы Кумской* — т. е. долголетие; ср. напр. Ov. *Pont.* 2, 8, 41–42.
3a	11	*Меотида* — Азовское море.
	17	*Иакх* — изначально восклицание, произносимое во время Элевсинских мистерий; впоследствии — одно из имён Вакха.
	20	*Аганиппа* — источник на Геликоне, посвящённый Музам.
	21	*Коринна* — Беотийская поэтесса V в. до Р. Х.; считалась наставницей Пиндара.
	24	Ср. Catull. 45, 9 и 18.
	37	Ср. Hom. *Il.* 3, 156–158.
3b	47 слл.	Ср. Ov. *am.* 1, 2, 13; *ars* 1, 471.
4	7	*Мелампа* — сын Амифаона, пророк, похитивший для своего брата Бианта быков Ификла, которых царь Пилоса Нелей назначил платой за руку своей дочери Перо; был пойман и год провёл взаперти; после этого получил быков.
	8	*Перимеда* — Феокрит (*id.* 2, 14–16) упоминает её — наряду с Киркой и Медеей — как могущественную волшебницу.
5	6	Поэт, обеспечивающий славу возлюбленной своими стихами: ср. Ov. *ars* 3, 535–536, *am.* 3, 9, 31–32.
	11	См. прим. к 3, 7, 12.
	14 слл.	Ср. Catull. 8.
	21–22	Разорванная одежда и взломанные двери — реквизит Новой комедии (ср., напр., Ter. *Adelph.* 120–121, *Eun.* 646, 820). Ср. также Tib. 1, 10, 59 слл.
6	1	*Эфира* — древнее название Коринфа.
	4	*Народ Эрихтония* — Афиняне, по имени древнего царя Аттики.

5 — *Фрина* получила от Александра Македонского позволение восстановить Фивы, разрушенные по его приказу за упорное сопротивление.

23 — *Алкестида* пожертвовала жизнью ради спасения мужа Адмета; этот миф послужил сюжетом для одноимённой трагедии Еврипида.

7 1 слл. — Имеется в виду Августов закон о браке, не тождественный принятому в 18 г. до Р. Х. *Lex Iulia de maritandis ordinibus*; тот, о котором пишет Проперций, судя по реплике Тацита (*ann.* 3, 28), был принят в 28 г. до Р. Х. и отменён вскоре после принятия. Закон, принятый в 18 г., преследовал цель насильственными мерами склонить римлян к семейной жизни и деторождению и предусматривал суровые санкции для закоренелых холостяков, а также для вдовых и разведённых, не вступавших в новый брак.

15 — Любовь как военная служба: ср. напр. Tib. 1, 1, 75 слл.; Ov. *am.* 1, 9, Hor. *carm.* 3, 26.

18 — *Борисфен* — ныне Днепр.

19 — *Только ты мне нравишься.* — Дословная цитата из Tib. 3, 19, 3; эти слова цитирует и Овидий (*ars* 1, 42).

8 21–22 — Проперций пересказывает один из эпизодов «Антигоны» Софокла.

35 — *Брисеида* — дочь жреца Брисея (или уроженка Брисы на Лесбосе), пленница и возлюбленная Ахилла; Агамемнон потребовал её в обмен на Хрисеиду, которую согласился вернуть отцу; это вызвало гнев Ахилла, о котором идёт речь в «Илиаде».

38 — *Гемонийский* — Фессалийский, по имени Гемона, отца Фессала.

9 16 — *Деидамия* — дочь Ликомеда, царя Скироса, и мать Пирра (Неоптолема).

31–32 — Женщина как мастерица обманывать — одна из любимых мыслей героев Еврипида: *Med.* 407–409, *Hipp.* 480–481, *Iph. Taur.* 101 F, *frg.* 321, 1; *frg.* 671, 2; *Andr.* 85.

33 — *Сирты* — два изобилующих отмелями и опасных для кораблей залива у северного побережья Африки, между Киреной и Карфагеном.

49–50 — Сюжет «Семерых против Фив» Эсхила — гибель Этеокла и Полиника. Вряд ли, однако, Проперций имеет здесь в виду какой-либо конкретный образец.

10 2 — См. прим. к 2, 8, 38.

5 — Ср. Ov. *Pont.* 3, 4, 79.

12 — Обращение к Музам (*Пиерия* — горный массив в Фессалии).

14 — Битва при Каррах, в которой потерпели поражение и погибли Марк Красс и его сын Публий, произошла в 53 г. до Р. Х.

15 — Титул Августа был получен Октавианом от сената в 27 г. до Р. Х. Индийское посольство прибыло к Августу в 26–25 г. до Р. Х.

16 — Поход против Аравии был предпринят под командованием Элия Галла в 25 г. до Р. Х. и закончился неудачей.

25 — *Аскра* — деревня в Беотии, из которой был родом Гесиод, ставший одним из образцов для Каллимаха и Вергилия; здесь он играет роль представителя жанра дидактического эпоса.

26 — *Пермесс*, река, посвящённая Музам, представляет здесь у Проперция любовную поэзию.

12 10 — *Кносс* — один из крупнейших городов Крита. В античности критские стрелки из лука пользовались репутацией наиболее искусных.

13a 1 — *Суза* — одна из столиц Персидской державы; до завоевания Александ-

ром Македонским Персией правила династия Ахеменидов; Проперций имеет в виду не только старинную тактику боя персидской армии, но и современные ему обычаи Парфян.

5 Намёк на Орфея, который жил во Фракии, а не в Фессалии.

6 *Исмар* — горная цепь и приморский город во Фракии; местность, славная своим вином.

8 *Лин* — сын Аполлона, брат и учитель Орфея. *Инахийский* = Аргосский (см. прим. к 1, 3, 20).

13b 22 *Атталийская перина* — с золотой вышивкой; соответствующий обычай приписывался Пергамскому царю Атталу III.

38 *Фтийский герой* — Ахилл; *Фтия*, город в Фессалии, где правил его отец Пелей; погребение Ахилла в Троаде показывали долго после его смерти; так, ему приносил жертвы Александр Македонский в начале своего похода. *Кровавый курган* — о жертвоприношении Поликсены на могиле Ахилла Еврипид написал трагедию «Троянки».

44 *Три сестры* — Парки.

48 *Галльский* — Фригийский; *Галл* в данном случае — название реки во Фригии.

54 *Идалий* — горная цепь и город на востоке Кипра; эта местность была связана с культом Венеры.

14 1 *Дардан* — сын Юпитера и Электры, дочери Атланта, родоначальник Троянцев.

2 *Лаомедонт* — Троянский царь, сын Ила, отец Приама; при нём Аполлон и Нептун возвели неприступные стены Трои.

4 *Дулихия* — небольшой остров недалеко от Итаки; зд. метонимически вместо Итаки.

5–6 Проперций резюмирует сюжет одного из эпизодов «Электры» Софокла.

7 *Миноида* — Ариадна.

8 *Дедалов путь* — лабиринт, построенный Дедалом, Афинянином из рода Эрехтидов, отцом Икара.

25 *Киферея* — Венера; Киферы — остров и город у входа в Лаконский залив с древним культом Афродиты.

15 15 *Эндимион* — юноша, возлюбленный Селены (Луны), погружённый ею в вечный сон на горе Латм.

23–24 Ср. Catull. 5, 6.

31 слл. Ср. Verg. *ecl.* 1, 59 слл. Ср. также Eur. *Med.* 413; Ap. Rhod. 3, 529 слл.; Ov. *trist.* 1, 8, 1–2.

16 3 *Акрокеравнские скалы* — известный своими бурями мыс на севере Эпира.

17 *К берегам Океана* — т. е. к берегам Индии.

18 *Тир* (как и *Сидон*) — один из самых знаменитых городов Финикийского побережья, славного добычей и производством пурпура.

19–20 См. 4, 1, 1 слл. с прим.

29 *Эрифила* — жена прорицателя Амфиарая, Аргосского царя, одного из Семерых, выступивших против Фив; обольщённая золотым ожерельем, уговорила мужа отправиться в роковой для него поход.

Креуса — дочь Коринфского царя Креонта, невеста Язона.

47–48 Топосом является противоположное утверждение: ср. Hes. *frg.* 124 Merkelbach-West); ср. Apollod. II 5, 8–6, 1; AP 5, 8, 5 (Мелеагр); AP 5, 133,

4 (Мекий); Менандр (*sent.* 26); Филонид (*frg.* 7 Кок); Trag. adesp. *frg.* 525 Nauck; Ксенарх (из комедии «Пятиборье», *frg.* 6 Кок); Callim. *epigr.* 25 и перевод Кв. Лутация Катула; Нонн (*Dionys.* 8, 122–123); Catull. 30, 9–10; 64, 58–59; Publ. Syr. *sent.* 38; Tib. 1, 4, 21–22; 3, 6, 27–28; 3, 6, 49–50; Ov. *am.* 2, 16, 45–46; *ars* 1, 633–634.

51 Созвездия, восход которых был приметой дождливой и бурной погоды.

18a 7 сл. *Тифон* — сын Троянского царя Лаомедонта, отец Мемнона, муж Эос; выпросив для возлюбленного вечную жизнь, она забыла о вечной молодости; дряхлый Тифон был превращён в цикаду. Мемнон был союзником Приама в Троянской войне и пал от руки Ахилла; скорбящие по нём спутники были превращены в птиц, которые ежегодно слетались на его могилу.

18b 23 По Цезарю (*Gall.* 5, 14, 2) Британцы красили себе лица в синий цвет.

26 *Color Belgicus* (*spuma Batava*) — рыжая краска для волос.

33 Ср. Hom. *Il.* 6, 429–430.

19 25 *Клитумн* — река в Умбрии; упоминается также в 3, 22, 23–24.

20 2 *Андромаха* — жена Гектора; после взятия Трои и гибели их сына Астианакса досталась в рабство сыну Ахилла Неоптолему.

5 Имеется в виду миф о Филомеле, убившей своего сына Итиса в отместку мужу Терею, насильственно овладевшему её родной сестрой Прокной; Филомела в наказание за убийство была превращена в соловья и обречена непрестанно оплакивать сына (соловьиная трель казалась грекам похожей на его имя). Такова версия, распространённая в Римской поэзии; в исходном греческом мифе в соловья была превращена Прокна.

6 *Кекропия* — Аттика. Кекроп — основатель и первый царь Афин; считался получеловеком-полузмеем, как он изображён, в частности, в «Метаморфозах» Овидия.

7 *Ниоба* — дочь Тантала и жена Фиванского царя Амфиона; хвасталась перед Латоной своей многодетностью и за это была наказана.

8 *Сипил* — гора близ Магнесии, на границе Фригии и Лидии.

10 *Даная* — дочь Акрисия, возлюбленная Зевса; была заперта отцом в медную башню; бог сошёл к ней золотым дождём, и Даная родила от него Персея.

31 *Титий* — сын Геи (или Зевса и Элары), великан, живший на о. Эвбея; за покушение на честь Латоны низвергнут в Тартар, где его печень терзают коршуны.

22a 15–16 Имеются в виду оргии в честь Фригийской богини Кибелы, которым посвящён «Аттис» Катулла (*carm.* 63).

19 *Фамира* — Фракийский поэт; вступил в состязание с Музами, которые за дерзость наказали его слепотой.

41 Ср. Eur. *Phaeth.* 124–125 Diggle.

24 43–44 Неверность как семейная традиция: Демофон — сын Тезея, обольстивший и бросивший Филлиду, дочь Фракийского царя Ситона.

25 4 Условное имя девушки, прославленной Г. Лицинием Кальвом, — Квинтилия; Катулл под именем Лесбии имел в виду Клодию (тождество её со средней из трёх сестёр, женой Метелла Нумидийского, вероятно, но не доказано).

12 *Перилл* — медник; сделал для Акрагантского тирана Фаларида медного

быка, в котором должны были запекаться приговорённые к смерти, и сам был первым подвергнут этой каре.

15–16 Ср. Ov. *Pont.* 4, 10, 5–6.

26 5–7 *Гелла* — дочь Афаманта и Нефелы; вместе с братом Фриксом бежала от мачехи Ино на спине барана с золотой шерстью; упала в море и утонула — в её честь пролив, где это произошло, был назван Геллеспонтом.

9 Диоскуры — *Кастор* и *Полидевк* — считались покровителями мореплавателей.

10 *Левкотея* — имя обожествлённой Ино, дочери Кадма и Гармонии.

13 *Главк* — морской бог, обладающий даром пророчества.

23 *Золотые реки Камбиза и Крёза* — Пактол.

38 Эллинский флот был уничтожен на обратном пути от Трои у берегов Эвбеи; *Навплий*, мстя за несправедливую казнь своего сына Паламеда, ночью развёл обманные огни, заманив корабли к рифам.

39–40 *Два берега* — Симплегады, движущиеся скалы, которые делали Боспор недоступным для кораблей и остановились после того, как через пролив прошёл Арго.

56 Упоминаются созвездия, восходившие зимой.

28 Ср. Tib. 1, 5, 9 слл.

7–8 См. прим. к 2, 16, 47–48.

29 *Меонийские героини* — Гомеровские; античная традиция считала Меонию родиной Гомера.

36 Речь идёт о дурном предзнаменовании.

41 Ср. Ov. *am.* 2, 13, 15–16.

61–62 Имеется в виду Изида, отождествляемая с Ио.

29 17–18 Ср. Catull. 13, 11–12.

30 3 Ср. Catull. 58 a 2 слл.

13 Ср. Catull. 5, 2–3.

19 *Фригийские воды* — Геллеспонт.

20 *Гирканское море* — Каспийское.

30 Имеется в виду похищение Ганимеда.

35 слл. Каллиопа была влюблена во Фракийского царя Эагра; их сыновьями были Орфей и Лин.

36 *Бистонийские утёсы* — Фракийские; племя Бистонов жило рядом с городом Абдеры.

39–40 Ср. Hor. *carm.* 1, 1, 29–30.

31 1 Портик храма Аполлона на Палатине; храм был начат строительством в 36 г. до Р. Х., после победы над Секстом Помпеем, и освящён в 28 г. до Р. Х. в честь победы при Акции. Гораций прославляет это событие в *carm.* 1, 31.

3 *Пунийские колонны* — из знаменитого своим качеством Нумидийского мрамора.

7 *Миронов скот* — произведения Мирона, знаменитого скульптора V в. до Р. Х.; корова Мирона была одним из любимых предметов эллинистических описательных эпиграмм (AP 9, 713; 714; 715; 716; 718; 720; 724; 725 и др.).

10 *Ортигия* — Делос; Астерия, сестра Лето, чтобы избежать любви Зевса, бросилась в море и была превращена в перепёлку (Ортигия — остров перепелов).

	13	Имеется в виду отражение войска Галлов под предводительством Бренна от Дельфийского святилища (278 г. до Р. Х.).
	14	*Плачевная гибель Танталидов* — гибель детей Ниобы.
	16	Пеплос был торжественным облачением певцов (ср., напр., аналогичное описание Аполлона у Ov. *met.* 11, 165 слл.).
32	3	Имеется в виду храм Фортуны Примигении в Пренесте.
	4	По преданию Тускул был основан Телегоном, сыном Одиссея и Цирцеи, которая жила на острове Ээя.
	5	*Тибур* (ныне Тиволи) — город в верховьях Аниена. Летом служил местом отдыха для римлян. Большой известностью пользовался его храм Геркулеса.
	10	*Тривия* — Diana Nemorensis.
	11	*Помпеев портик* был открыт в 55 г. до Р. Х.
	12	См. прим. к 2, 13, 22.
	14	Статуя *Марона*, сына Эванта и жреца Аполлона в Исмаре.
	16	*Тритон* — морской бог, сын Нептуна и нимфы Салации; обычно изображался с витой раковиной, в которую он трубил.
	31	*Тиндарида* — Елена.
	53	*Девкалион* и его жена *Пирра* были единственными людьми, уцелевшими во время потопа; камни, которые они бросали за спину, превращались в людей и положили таким образом начало человеческому роду.
	59	См. прим. к 2, 20, 10.
33a	3–4	См. прим. к 2, 28, 61–62.
33b	24	*Икар* — житель Афин, который в царствование Пандиона положил начало виноградарству и виноделию в Аттике; убит согражданами и превращён в созвездие.
	32	На свадьбе Гипподамии опьянённый Эвритион попытался похитить её, но был убит.
	39	*Фалернское вино* — одно из лучших вин Италии; *Falernus ager* располагался на северо-востоке Кампании.
34	29	*Земляк Эрехтея* — Афинянин. Трудно сказать, кто именно из аттических писателей имеется в виду.
	31	*Филит Косский* — эллинистический поэт рубежа IV–III в. до Р. Х.; Проперций рассматривал его как одного из наиболее авторитетных предшественников.
	32	Встреча Муз с Гесиодом на Геликоне (гора в Аонии, в Беотии, посвящённая Музам) — *Theog.* 23 слл. — упоминалась в «Причинах» Каллимаха (*frg.* 2 Pfeiffer).
	38	Один из эпизодов похода Семерых против Фив: Немейские игры в честь умершего Архемора.
	45	*Антимах* (посл. четв. V — первая пол. IV в. до Р. Х.) — последний из великих эпических поэтов Греции классической эпохи; высоко ценился Платоном; был автором поэмы «Фиваида».
	52	Имеется в виду лунное затмение.
	67 слл.	*Галез* —река в Южной Италии, впадающая в море близ Тарента. Ниже перечисляются эпизоды из «Буколик» Вергилия.
	83–84	Противопоставление лебедя громко кричащей птице — один из топосов эллинистической эстетики в её защите достоинства малых жанров сравнительно с эпосом; ср., эпиграмму в честь Эринны Антипатра Сидонского — 7, 713; см. также Lucr. 4, 180–182 = 909–911.

85–86 *М. Теренций Варрон Атацинский* — автор поэмы «Аргонавтика» и стихотворений, посвящённых Левкадии.

91 Возлюбленную *Гн. Корнелия Галла*, родоначальника римской любовной элегии, звали Киферидой.

К ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ

1 Стихотворение послужило одним из образцов для *Mânes de Callimaque, ombre de Philétas* Андре Шенье.

8 Ср. Catull. 1, 2.

11–12 Ср. описание триумфа Амура у Овидия — *am.* 1, 2, 23 слл.

16 *Бактры* — столица Бактрианы, входившей в состав державы Ахеменидов и расположенной на реке Окс (Амударья).

19 *Пегасиды* — Музы; священный источник Гиппокрена возник от удара копыт Пегаса.

25 Ср., напр., Theogn. 243 слл.; Hor. *carm.* 4, 9, 25.

29 *Деифоб, Гелен, Парис* — сыновья Приама, Троянские герои; *Пулидамант* — сын Пантоя и Фронтиды, друг Гектора.

32 *Этейский бог* — Геркулес, окончивший свою земную жизнь в костре на г. Эте.

38 *Ликийский бог* — Аполлон, храм и оракул которого находились в Патарах в Ликии (Малая Азия).

2 5 *Киферон* — лесистая горная цепь в Беотии, отделяющая её с юга от Аттики и Мегариды; служила местом вакхических празднеств.

7 слл. *Миф о Галатее и Полифеме* — сицилийского происхождения: Theocr. *id.* 11; позднее в римской поэзии — Ov. *met.* 13, 750–897. Кроме Феокрита, из сицилийских поэтов этот материал обрабатывали Эпихарм (а также другие комедиографы), Стесихор Младший, Филоксен из Киферы (о содержании эклоги последнего Κύκλωψ см. Ael. *Var.* XII 44).

9 Бедность как поэтический топос: ср. Tib. 1, 1; [Tib.] 3, 3; Hor. *carm.* 2, 18; Ov. *am.* 1, 3, 9.

14 *Марциев* акведук был построен в 144 г. до Р. Х.; Марциева вода славилась своей чистотой.

19 Ср. «Памятник» Горация (*carm.* 3, 30).

20 *Храм Зевса Элейского* — святилище в Олимпии (Элида на западе Пелопоннеса).

3 1 *Сон на Геликоне* — во вступлении к «Анналам» Эннию на Геликоне является во сне Гомер. См. также прим. к 2, 34, 32.

2 *Ключ* — Гиппокрена (ср. прим. к 3, 1, 19).

8 *На Эмилиевом корабле* — имеется в виду возвращение Л. Эмилия Павла после победы при Пидне, одержанной над Македонским царём Персеем (167 г. до Р. Х.).

13 *Кастальская роща* — Кастальский ключ располагается у подножия Парнаса, а не Геликона.

45 Победа над *Свевами* у берега Рейна была одержана в 29 г. до Р. Х.

5 5 слл. См. прим. к 3, 2, 9.

6 По преданию, знаменитая *Коринфская бронза* возникла из золотых, серебряных и медных статуй, расплавленных во время пожара при взятии города в 146 г. до Р. Х. Пользовалась большой популярностью и ценилась очень высоко.

33 *Пинд* — горный хребет, отделяющий Фессалию от Македонии и Эпира; *Перребия* — одна из провинций Фессалии между Олимпом и Пенеем.

40 *Тисифона* — одна из Фурий.

41 *Алкмеон* — сын Амфиарая из Аргоса; убил мать и впал в безумие. Финей — царь Салмидесса во Фракии; по внушению своей второй жены ослепил сыновей от брака с первой, за что боги наслали на него гарпий, пожиравших и осквернявших его трапезу.

7 12 *Карпафийское море* — южная часть Эгейского моря, воды между Критом и Родосом (по названию острова Карпаф).

22 *Аргинн* — Беотийский юноша, любимец Агамемнона; утонул в реке Кефис.

26 Ср. Hor. *carm.* 1, 3, 9 слл.; 3, 24, 35 слл.; Tib. 1, 3, 35 слл.; отсутствие мореплавания как признак Золотого века: Ov. *met.* 1, 132–133; Verg. *ecl.* 4, 38–39. Ср. также Ov. *am.* 2, 11.

39 *Каферейские скалы* — мыс на о. Эвбея, рядом с которым потерпел кораблекрушение греческий флот на обратном пути от Трои.

49 *Орицийский терпентин* — из Орика (см. прим. к 1, 8, 20).

9 1 Ср. Hor. *carm.* 1, 1, 1 (мотивы этой оды потом воспроизводятся в 17 слл.); ср. также другие обращения к Меценату в одах Горация.

9 слл. *Лисипп* — знаменитый скульптор IV в. до Р. Х. родом из Сикиона; *Каламид* — скульптор V в. до Р. Х., работавший в основном с бронзой; *Апеллес* — один из крупнейших художников IV в. до Р. Х.; *Паррасий* из Эфеса — художник V–IV в. до Р. Х.; *Ментор* — знаменитый мастер чеканных работ (в т. ч. по серебру) середины IV в. до Р. Х.; *Мис* — знаменитый художник-миниатюрист V в. до Р. Х.; статуя Зевса в Олимпии была одним из наиболее прославленных произведений Фидия (V в. до Р. Х.); *Пракситель* — один из крупнейших скульпторов IV в. до Р. Х., использовавший в своей работе Аттический (Пентелийский) мрамор.

31 *Камиллы* — самым знаменитым из Камиллов был М. Фурий (V–IV в. до Р. Х.), завоеватель городов Вейи и Фалерии, победитель Галлов, которого за спасение Рима называли «Вторым Ромулом».

32 *Ora virum* — цитата из автоэпитафии Энния (приводится у Cic. *Tusc.* 1, 34, 8).

37 *Кадмова цитадель, рухнувшая на пепел отцов*, — имеется в виду поход Эпигонов, сыновей Семерых, отомстивших за гибель своих отцов.

47 сл. Ср. прим. к 2, 1, 39. *Кей*, отец Латоны, был одним из Титанов; Евримедонт — царь Гигантов; Флегрейские поля античная традиция относила или к Македонии, или к Кампании.

55 *Пелузий* — крепость в дельте Нила, прикрывающая Александрию с востока.

10 9 *Гальциона* — дочь Эола, жена Цеикса; узнав о гибели своего мужа во время бури, бросилась в море; боги обоих превратили в зимородков. По преданию, когда зимородки высиживают птенцов, море спокойно и безопасно для моряков.

11 14 *Пентесилея* — царица Амазонок, союзница Трои; Ахилл, убив её, был поражён её красотой и пожалел о своём подвиге.

17 *Омфала* — царица Лидии, у которой Геркулес был в рабстве три года. Заставляла его носить женскую одежду и исполнять обязанности рабыни.

18 *Гиг* — царь Лидии, родоначальник династии Мермнадов. Гигово озеро располагалось близ Лидийской столицы — Сард.

19 *Геркулесовы столпы* — ныне Гибралтар.

37 В 50 г. Помпей, находясь в Неаполе, серьёзно заболел; его жизнь была в опасности.

39 *Канопа* — город в Нильской дельте, к северо-востоку от Александрии; славился как место развлечения своими вольными нравами; Сенека (*epist.* 51, 3) называет Каноп — наряду с Байями — приютом пороков, deversorium vitiorum; об угрозах Клеопатры ср. Hor. *carm.* 1, 37; Ov. *met.* 15, 826 слл.; Lucan. 10, 63 слл.

40 Птолемей I Сотер, основатель династии египетских царей-диадохов, выдавал себя за сына Филиппа Македонского.

46 Статуи и трофеи Мария были удалены с Капитолия по приказу Суллы и восстановлены Цезарем.

47 *Тарквиний Гордый* — последний Римский царь; после его изгнания в Риме был установлен республиканский образ правления. Самое название царской власти стало для Римлян одиозным, и титул царя (rex) был политически скомпрометирован.

68 Победы Помпея над Митридатом, приведшие к окончательному покорению Боспорского царства, были одержаны в 64–63 гг. до Р. Х.

59 *Сифак* — один из Нумидийских царей, союзник сначала Римлян, затем Карфагенян, зять Гасдрубала, выступавший на стороне Ганнибала; Рим противопоставил ему Масиниссу; в 203 г. до Р. Х. последний разбил Сифака, тот попал в плен и был выдан Римлянам.

61 В 362 г. *Курций* вместе с конём бросился в пропасть, возникшую на форуме; благодаря его самопожертвованию пропасть закрылась.

62 Два консула, носившие одно и то же имя, *П. Деций Мус*, совершили одинаковый подвиг, бросившись в гущу врагов и пожертвовав собой ради победы; первый был совершён во время Латинской войны (338 г. до Р. Х.), второй — во время третьей Самнитской войны при Сентине (в Умбрии).

63 *Горацию Коклесу* удалось сдержать войско Этрусского царя Порсенны, пока не был разрушен мост через Тибр.

64 *Валерий Корвин* получил своё прозвище потому, что ворон (corvus) сел ему во время битвы с Галлами на шлем и помогал в бою с противником.

69 *Левкадия* — мыс у западного побережья Акарнании.

12 8 *Аракс* — так назывались две реки: в Армении (нынешний Аракс) и в Персии, близ Персеполя (нынешний Бендемир).

15 *Трижды и четырежды* — эпическая формула. Ср. Hom. *Od.* 5, 36; Verg. *georg.* 2, 399; *Aen.* 1, 94–96; 4, 589; 12, 155; [Tib.] 3, 3, 26; Ov. *am.* 3, 1, 32; *met.* 1, 179; 2, 49; 9, 217; 12, 288.

25 *Кальпа* — ныне Гибралтар — один из столпов Геркулеса.

29–30 *Лампетия* — нимфа, дочь Гелиоса; пасла отцовских быков; несмотря на запрет, спутники Одиссея убили их; когда жарили мясо, оно мычало на вертелах.

31 *Ээйская дева* — Проперций, по-видимому, следует послегомеровской традиции, которая считала, что Цирцея, как и Калипсо, жила на о. Ээя.

13 5 О таком способе добычи золота пишет ещё Геродот (3, 102).

6 *Эрицинская жемчужная раковина* — в Эриксе (Сицилия) располагалось прославленное святилище Венеры.

7 *Кадм* был сыном Агенора, царя Тира.

10 *Дочь Икария* — Пенелопа.

27 *Кидония* — город на северо-западе Крита; славился своими меткими лучниками.

38 слл. Имеется в виду Парис.

54 Это событие было изображено на створках храма Аполлона на Палатине (см. прим. к 2, 31, 13).

55–56 Младший сын Приама, *Полидор*, был отправлен к Фракийскому царю Полиместору; тот убил мальчика, чтобы завладеть его золотом. Этот сюжет стал предысторией трагедии Еврипида «Гекуба».

60 Историческая концепция о губительном влиянии на Рим его чрезмерной удачливости и отсутствия опасного соперника типична для римской литературы (Саллюстий, напр., считал, что рубежом было взятие Карфагена — *Cat.* 10, 1).

62 Имеется в виду Кассандра.

14 1 слл. Совместные занятия спортом юношей и девушек в Спарте не подтверждаются иными источниками.

8 *Панкратий* — сочетание борьбы и кулачного боя. Отличался значительной жёсткостью и жестокостью.

15 *Тайгет* — горный хребет в окрестностях Спарты, столицы Лакедемона.

14 *Термодонт* — река в Понте, впадающая в Чёрное море; на её берегах жили Амазонки.

17 *Эврот* — река в Лаконии.

18 Цитата из Hom. *Il.* 3, 237.

15 11 слл. Пересказ содержания трагедии Еврипида «Антиопа» (сохранилась во фрагментах, впрочем, довольно значительных. Сыновья Зет и Амфион родились у дочери Никтея Антиопы от Зевса.

27 *Асоп* — река в Беотии.

42 *Аракинф* — горная цепь в южной Этолии и в Беотии.

16 11 Ср. Tib. 1, 2, 27–30.

17 1 слл. В элегии используются многочисленные подробности культа Вакха; *Ниса* — название местности, где Вакх был воспитан нимфами; Мела (3, 66) называет её знаменитейшим и величайшим городом Индийцев.

24 Гибели *Пенфея* от рук Вакханок посвящена трагедия Еврипида «Вакханки»; о трёх толпах Вакханок сообщает вестник в *Bacch.* 680.

35 *Кибела* — Великая Матерь богов с культом во Фригии; изображалась с короной, украшенной башнями.

18 3 *Мизен* — трубач Энея, погибший в море и давший своё имя мысу недалеко от Неаполя; см. Verg. *Aen.* 6, 162–234.

4 См. прим. к 1, 11, 2.

6 Имеется в виду Вакх.

12 *Марцелл* в 25 г. до Р. Х. женился на Юлии, дочери Августа. Ему посвящена 4 эклога Вергилия. См. также *Aen.* 6, 860 слл.

14 Марцелл в качестве эдила 23 г. до Р. Х. занимался организацией театральных представлений.

27 *Нирей* — сын Харопа и Аглаи; после Ахилла самый красивый в Греческом войске, осаждавшем Трою.

33 *М. Клавдий Марцелл*, один из талантливейших полководцев, выставленных Римом во время второй Пунийской войны; взял Сиракузы, несмотря на ожесточённое и умело организованное сопротивление; погиб, попав в засаду.

	34	О превращении *Цезаря в звезду* см. также Ov. *met.* 15, 843 слл.
19	8	*Малея* — мыс на юге Лаконии, опасный для мореплавателей.
	16	*Мирра* — дочь Кинира, мать Адониса; за преступную любовь к отцу была превращена в дерево, дающее благовония.
	21	Проперций излагает историю Сциллы в соответствии с версией поэмы *Ciris* из *Appendix Vergiliana;* ср. напр., 3, 19, 26 и *Ciris* 389–390: tum suspensa novo ritu de navibus altis / per mare caeruleum trahitur Niseia virgo. Овидий (*met.* 8, 6 слл.) излагает эту версию иначе: до превращения в птицу Сцилла осталась на берегу, а не была увезена как пленница на кораблях Миноса. Финал элегии Проперция, впрочем, близок к версии Овидия (101–102).
20	8	Возможно, имеется в виду эпический поэт II в. до Р. Х. Гостий, автор поэмы *Bellum Histricum*.
	18	Имеется в виду Венец Ариадны.
21	1 слл.	Путешествие как способ избавиться от любовной страсти — ср. Ov. *rem.* 213 слл.
	19	*Лехей* — гавань Коринфа в Коринфском заливе, соединённая с городом стенами; по другую сторону перешейка, в Сароническом заливе, Коринф располагал Кенхрейской гаванью. Там Проперцию предстояло вновь сесть на корабль, который должен был доставить его в Пирей. Расстояние между гаванями составляло 12 километров.
	24	*Тезеева дорога* вела из Пирея к Афинам.
	25	Имеется в виду Академия.
22	1	*Кизик* — город, расположенный на полуострове на южном берегу Пропонтиды (Мраморного моря), во Фригии.
	3	*Диндим* — гора во Фригии, центр культа Кибелы; по преданию, статуя Кибелы в Кизике была вырезана из древесины виноградной лозы.
	4	Имеется в виду похищение Прозерпины.
	5	Т. е. города, расположенные на берегу Геллеспонта.
	6	*Тулл* — см. прим. к 1, 1, 9.
	8	Медуза была дочерью *Форка*, сына Понта (Моря) и Геи (Земли).
	9	*Герион* — трёхглавый великан, живший на острове Эритея на крайнем Западе; у него Геркулес похитил стадо коров.
	9–10	Победа Геркулеса над *Антеем* была одержана в Ливии.
	15	*Каистр* — река в Малой Азии, берущая начало у горы Тмол и впадающая в море у Эфеса; знаменита обилием лебедей. Ортигия — древнее название Эфеса.
	17 слл.	Наиболее знаменитые *laudes Italiae* — Verg. *georg.* 2, 136–176, и Hor. *carm.* 1, 7, 1–20.
	26	По преданию, после победы при Регилльском озере, одержанной благодаря *Диоскурам* (начало V в. до Р. Х.), они поили своих коней в источнике Ютурна на Римском форуме, которому приписывался целительный эффект.
	29	*Андромеда* была дочерью Кефея, царя Эфиопии, и Кассиопеи. Она была отдана в жертву морскому чудовищу за дерзкое утверждение её матери, считавшей себя прекраснее Нереид.
	30	Имеется в виду одно из несчастий дома Пелопидов: Атрей подал Фиесту на пиру блюдо, приготовленное из его детей.
	31	Намёк на миф о Мелеагре; его мать Алфея, мстя ему за гибель своих братьев, бросила в огонь роковую для сына головню (пророчество утверждало, что он проживёт столько же, сколько и она).

34 Миф о замене Ифигении на алтаре ланью; на этой версии основывалась «Ифигения в Тавриде» Еврипида.

35–36 Миф об Ио.

37–38 Разбойник *Синис* жил на Коринфском перешейке.

23 1 Складные дощечки, с внутренней стороны натёртые воском, использовались для записи сообщений и для черновиков. — Стихотворение должно восприниматься читателем на фоне Catull. 42, тему которого оно, однако же, сильно видоизменяет.

24 15 Ср. Ov. *rem.* 811–812.

К ЧЕТВЁРТОЙ КНИГЕ

1 1 слл. Ср. Tib. 2, 5, 23 слл.; Ov. *fast.* 5, 91 слл.; особенно широкий размах приобрело строительство величественных и дорогостоящих построек при Августе (по свидетельству Светония, тот с полным правом гордился тем, что принял город кирпичным, а оставляет мраморным — *Aug.* 28, 3).

3 Храм Аполлона на Палатинском холме (см. прим. к 2, 31, 1).

4 *Эвандр* — сын Меркурия и прорицательницы Карменты; с особой симпатией (как и его сын Палант) описан в «Энеиде». Выходец из Аркадии; ещё до Троянской войны переселился в Италию, где на месте позднейшего Рима основал колонию Паллантий; ему приписывалось введение в Италии алфавита, искусств и нравственности.

6 Ср. Ov. *fast.* 1, 198 слл.

7 Храм Юпитера Капитолийского на Тарпейской скале был перестроен в 28 г.

9 Возможно, имеется в виду *casa Romuli* на Капитолии.

11 *Curia Iulia*, которая заменила прежнюю *Curia Hostilia*, была начата строительством при Цезаре и завершена при Августе в 29 г. до Р. Х.

13 *Квиритами* Римские граждане стали называться после объединения с Сабинянами (по названию города *Cures*).

14 По словам Ливия, сенат, созданный Ромулом, состоял изначально из ста человек, «либо потому, что это число представлялось достаточным, либо потому, что тогда только сто и было, кого можно было избрать на эту должность» (1, 8, 7).

15–16 Ср. Ov. *ars* 1, 103–104; первый постоянный театр в Риме (деревянный) был построен в 68 г. до Р. Х., и в 55 г. Помпей воздвигает первый каменный театр.

19 *Парилии* (или *Палилии*) — празднество в честь Палес, богини пастухов; отмечалось в годовщину основания Рима (21 апреля). Подробнее см. о празднике Ov. *fast.* 4, 721 слл.

20 Коня-победителя октябрьских скачек приносили в жертву, отрубая ему голову и хвост; кровь, пролитая при жертвоприношении, сохранялась для празднования Парилий.

21 Праздник в честь Весты справляли 9 июня.

23 Имеется в виду праздник *Компиталий* (отмечался в конце декабря — начале января).

25–26 *Луперкалии* отмечались 15 февраля для искупления стад; Фабии составляли одну из двух коллегий Луперков. В этот день они бичевали всех встречных, в особенности женщин (для более успешного деторождения).

29 *Ликмон* (*Лукумон*) — Этрусский царь, который пришёл на помощь Ромулу против Тита Тация. От Лукумона происходит Этрусская триба *Луцеров*, от Тита Тация — Сабинская, *Тиции*. Третья из древних патрицианских триб, учреждённых Ромулом, — *Рамнийцы* — по составу Латинская. По словам Ливия (1, 13, 8), название последней происходит от имени Ромула; происхождение названия трибы Луцеров ему неизвестно. *Солоний* — местность в Лации.

33 *Бовиллы* — город в 9 милях от Рима по Аппиевой дороге.

34 *Габии* — городок в 12 милях от Рима на Пренестинской дороге.

35 *Альба Лонга* была основана Асканием (Иулом), сыном Энея, предком рода Юлиев.

36 Фидены располагались в 5 милях от Рима по Салариевой дороге.

43 Бегство Энея из горящей Трои со стариком-отцом Анхизом описано в «Энеиде», 2, 692 слл.

45 О *Децциях* см. прим. к 3, 11, 62. *Юний Брут* был одним из инициаторов изгнания Тарквиния Гордого и первым консулом Рима. Приказал казнить собственных сыновей за участие в заговоре.

61 Жёсткий эпический венок из лавра противопоставляется плющу лириков. Здесь и ниже Проперций встраивается в эстетическую традицию Каллимаха, считавшего эпические формы устаревшими и предпочитавшего малые жанры; элегии с изложением этиологических мифов должны были ориентироваться на «Причины» — главное произведение последнего.

69 Отчасти исполнением этого плана служат и незавершённые «Фасты» Овидия. Последний в предисловии к поэме указывает не на имя предшественника, а на заглавие (tempora cum *causis*, «времена с причинами» — 1, 1 = 4, 11).

77 *Архит* — знаменитый математик и философ-пифагореец IV в. до Р. Х. из Тарента.

78 *Конон* — математик и астроном из Самоса III в. до Р. Х., друг Архимеда.

86 *Гесперийское море* — т. е. западное.

99 слл. *Луцина* — богиня родов; отождествлялась с Юноной (Iuno Lucina). Данный астрологом совет — нечто само собою разумеющееся.

103 слл. Имеется в виду знаменитый оракул Зевса Амона в Ливии. В дальнейшем перечисляются обычные способы гадания.

108 *Пять поясов* — на которые разделена земля: один жаркий, два умеренных, два холодных.

115 См. прим. к 2, 26, 38.

117 *Аякс Оилид*, царь Локров, был наказан за то, что похитил Кассандру, искавшую спасения у алтаря Паллады.

123 *Мевания* — город в Умбрии на берегу Клитумна.

128 слл. Проперций (как и Вергилий) пострадал от земельных конфискаций при Августе, проведённых для наделения землёй ветеранов.

130 Дети знатных семейств обычно носили на шее золотой амулет; становясь взрослыми и надевая мужскую тогу, его приносили в жертву домашним богам.

134 Ср. Ov. *trist.* 4, 10, 19–20.

2 2 Проперций образует имя Вертумна от *vertere* — *превращать*.

4 *Волсинии* — Этрусский город к югу от Клузия, на берегу озера Lacus Volsiniensis. Был взят в 264 г. до Р. Х. Фульвием Флакком.

7 *Тиберин* — царь Альбы; по преданию, его именем была названа река Тибр.

10–11 Вертумн получает начатки плодов с переменой времени года; с этим связана приводимая в данных стихах этимология имени бога.

50 *Тусская улица* (Vicus Tuscus) — улица, которая вела с Римского форума на Бычий; была одним из самых бедных районов города.

51 См. прим. к 4, 1, 29. *Ликомеды* — название, данное от имени Лукумона.

60 *Нума Помпилий* — третий царь Рима, знаменитый введением многочисленных культов.

61 *Мамуррий Ветурий* — кузнец, по преданию изготовивший одиннадцать щитов (*ancilia*), подобных упавшему с неба при царе Нуме Помпилии; щиты использовались Салиями; в их гимнах (*carmen Saliare*) упоминается его имя.

62 *Оски* — Италийское племя, жившее в Кампании.

3

7 По-видимому, имеются в виду походы 30 и 22 г. до Р. Х.; безусловно, *Бактры* означают Парфянскую державу как таковую: Римским войскам не удавалось проникнуть так далеко.

8–9 *Невры* — одно из племён европейской Скифии; *Геты* — Фракийское племя, жившее на берегах Дуная, к югу от Дакии.

21 *Окн* — в наказание за скупость обречён в подземном мире вить верёвку, которую обгрызает с другой стороны осёл.

43 *Ипполита* — царица Амазонок, полюбившая Тезея и вышедшая за него замуж; мать Ипполита.

45 Просьба разделить опасный поход с женой: ср. Ov. *met.* 11, 439–442.

48 *Африк* — юго-западный ветер, приносящий бури и дожди.

55 *Кравгида* — греч. *крикунья, звонкоголосая*.

69 Копьё триумфатора было без наконечника.

71 *Капенские* ворота располагались на Аппиевой дороге. Через них проходили войска, возвращаясь из Брундизия.

4

Овидий воспользовался художественными находками Проперция из этой элегии, чтобы описать предательство Сциллы (*met.* 8, 1–151).

7 См. прим. к 4, 1, 29.

71 Ср. прим. к 3, 14, 14.

72 *Стримон* — пограничная река между Фракией и Македонией. Намёк на Пентесилею, Амазонку, которая из Фракии пришла на помощь Троянцам.

5

О сводне ср. Ov. *am.* 1, 8. Кроме того, это распространённый персонаж Новой комедии (ср. Ov. *am.* 1, 15, 17–18 о Менандре). Ср. также Tib. 2, 6, 44 слл.

8 *Антиной* был предводителем женихов.

11 У *Коллинских ворот* находился *Campus sceleratus*, где живьём хоронили нарушивших обет целомудрия Весталок; поблизости от них было и кладбище.

21 *Дорозанты* — народ, живущий на Востоке; подробнее о нём ничего не известно.

22 *Еврипил* — легендарный правитель острова Кос.

23 См. прим. к 2, 13, 22; предположительно имеются в виду статуэтки из слоновой кости.

43 Ср. 2, 6, 3. *Гета* — типичное имя раба в комедии.

52 Ноги выставленных на продажу рабов мазали мелом.

55–56 Проперций цитирует самого себя 1, 2, 1–2.
57–58 Ср. Tib. 2, 4, 12 слл.; Ov. *ars* 2, 278–279.
61 *Пестум* — город на юге Италии, на западном побережье Лукании (первоначальное название — Посидония).
63 Греческое имя *Аканфида* — от аканфа, колючего растения.
6 3–4 См. прим. к 2, 34, 31; ср. 3, 1, 1 слл.
8 *Мигдония* — Фригия, по имени Мигдона, древнего царя страны. По-видимому, имеется в виду фригийский лад.
11 См. прим. к 2, 31, 1; ср. 4, 1, 3.
15 *Афамановы берега* — на юге Эпира.
21 *Тевкр* — первый царь Троады.
35 Гибель змея Пифона, семью кольцами окружившего Парнас, подробно описана в «Метаморфозах» Овидия (1, 438 слл.).
57 слл. См. прим. к 3, 11, 39.
74 *Киликия* — провинция на юго-востоке Малой Азии.
77 *Болотные Сикамбры* — одно из Германских племён, жившее в низовьях Рейна; покорились Августу, узнав, что он собирается предпринять поход против них (15 г. до Р. Х.).
78 *Мероя* — столица Эфиопии.
80 В 20 г. до Р. Х. Парфяне вернули Риму значки, захваченные при поражении Красса в 53 г. до Р. Х.
7 15 *Субура* — квартал и улица между Эсквилином и Квириналом, пользовавшиеся дурной репутацией.
67 *Гиперместра* — одна из Данаид, не убившая, в отличие от прочих, своего мужа, одного из сыновей Египта.
75 Имя *Латрида* по-гречески значит *служанка*.
82 Считалось, что в Тибуре, рядом с храмом Геркулеса Победителя, слоновая кость лучше сохраняла свои качества.
94 Ср. Ov. *heroid.* 12, 122; *met.* 11, 707.
8 3 *Ланувий* располагался в четырёх милях к юго-востоку от Рима по Аппиевой дороге, на Альбанском озере; он был известен своим храмом Юноны Спасительницы (*Iuno Sospita*).
24 *Молоссида* — область в центре Эпира, вокруг Додоны; там разводили знаменитую породу охотничьих собак.
38 *Метимна* — один из главных городов Лесбоса; Лесбосские вина отличались сладким вкусом.
45 сл. Бросок четырёх костей считался наилучшим, если все показывали разные значения (бросок Венеры); худшим считался бросок, когда на всех выпадало по единице.
9 1–2 *Сын Амфитриона* — Геркулес; см. прим. к 3, 22, 9.
5 *Велабры* — название двух улиц в Риме, где были сосредоточены продовольственные лавки: *Velabrum maius* располагался между Авентином и Капитолием, *Velabrum minus* — у Эсквилина. Ср. Tib. 2, 5, 33–34; Ov. *fast.* 6, 405–406.
7 *Как* — разбойник, сын Вулкана, огнедышащий великан.
15 *Меналы* — посвящённая Пану горная цепь в Аркадии; Меналийский — Аркадский.
20 Имеется в виду Бычий форум.
57 *Тиресий* — слепой Фиванский прорицатель.
10 Храм *Юпитера Феретрия*, построенный Ромулом, был восстановлен

Октавианом в 31 г. до Р. Х. Проперций в стихотворении использует две этимологии имени Феретрия — от *fero* (*нести*) и *ferio* (*ранить, поражать*). С современной точки зрения, более вероятно второе. В храм приносилось лишь то оружие, которое предподитель Римского войска получал в качестве трофея, сразив в единоборстве вражеского полководца.

7 *Ценина* — город в Лации, к северо-востоку от Рима. Его царь *Акрон* вёл свой род от Геркулеса.

11 *Квирин* — имя Ромула после обожествления.

24 *Вейи* — один из самых значительных городов Этрурии. А. Корнелий Косс был консулом в 428 г. до Р. Х.

26 *Номент* — город в Лации к северо-востоку от Рима. *Кора* — говор в области Вольсков в центре Лация.

39 М. Клавдий Марцелл, консул 222 г. до Р. Х., одержал победу над племенем Инсубров у Кластидия.

11 Элегия написана от имени Корнели, жены Павла Эмилия Лепида и дочери Скрибонии, второй жены Августа. Эмилий Павел был консулом в 34 г. до Р. Х. и цензором в 22 г. до Р. Х.

30 *Нуманция* — незначительный город в Тараконской Испании; разрушен Сципионом Африканским Младшим после долгой и кровопролитной осады (133 г. до Р. Х.).

31 *Либоны* — cognomen в роде Скрибониев; безусловно, предки Корнелии с материнской стороны не могли сравниться славой со Сципионами.

39 См. прим. к 3, 3, 8.

51 Весталка *Клавдия*, внучка Аппия Клавдия Цека, обвинённая в нарушении обета целомудрия, в 204 г. до Р. Х. сумела снять с мели на Тибре корабль с изображением Великой Матери богов; она помолилась, чтобы, если она сохранила свою девственность, корабль последовал за ней. Подробнее см. См. Ov. *fast.* 4, 305, Liv. 29, 14, 12.

53 Весталка *Эмилия*, обвинённая в том, что по её небрежности потух священный огонь, сумела вновь развести его с помощью своей одежды.

59 Корнелия была единоутробной сестрой Юлии Старшей.

63 Л. Эмилий Павел и М. Эмилий Лепид.

67 Дочь Эмилия родилась в 22 г., во время цензуры отца.

85 *Lectus genialis* располагался в атрии; в случае нового брака его меняли.

К ПРИЛОЖЕНИЮ

Переводы Проперция в русской поэзии довольно немногочисленны сравнительно с Горацием или Овидием; повезло в этом отношении только I, 2 — элегии, особенно любимой в России. Для приложения в целях экономии места были отобраны переводы, выполненные в классических формах русского рифмованного стиха. Если в публикации перевод приведён без названия, мы в качестве заголовка обозначаем курсивом соответствующую элегию оригинала.

В. К. Тредиаковский. *Из элегии 2, 6. Стихи 25–34* — Римская история от создания Рима до битвы Актийския, то есть по окончание Республики, сочиненная Г. Ролленем, прежде бывшим ректором Парижского Университета, Профессором Красноречия, и Членом Королевския Академии Надписей и словесных Наук. А с Французского переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского,

Надворного Советника, Члена Санктпетербургския Императорския Академии Наук. Том первыйнадесять. В Санктпетербурге 1764 года, с. IX.

М. Н. Муравьев. *Перевод Проперциевой XIX Элегии Книги III.* — Академические известия на 1779 год, Содержащие в себе Историю наук и новейшие открытия оных. Извлечение из деяний славнейших академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной Истории, Химии, Физике, Механике и в относящихся к оным художествах. Отличнейшие произведения в писменах во всей Европе; Академические задачи; любопытные и странные тяжбы и протчие примечательные произшествия. Часть III. Месяц Ноябрь. При С. Петербургской Императорской Академии наук, с. 306–308. Опубликовано анонимно. Атрибуция перевода (без ссылки на публикацию), как и ссылка на следующий перевод, дана в статье: Алехина Л. А. Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей. В кн.: РГБ. Записки Отдела рукописей. Т. 49. М., 1990, с. 68. Оригинал хранится в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки и представляет собой большой альбом, выполненный писарским почерком, с трудно читаемой авторской правкой (НИОР РГБ, ф. 18, к. 11161, ед. хр. 1, л. 62).
Книги III. Ел. 5. — НИОР РГБ, ф. 18, к. 11161, ед. хр. 1, л. 65 об. Публикуется впервые.

И. И. Дмитриев. *Подражание Проперцию.* — Московской журнал. Часть V. Книжка первая. Январь 1792. Москва, в Университетской Типографии, у В. Окорокова, с. 10–12, за подписью И. Перевод элегии 2, 27.
Тарпея. Из Проперция. — Приятное и полезное препровождение времени. Часть дватцатая. Москва, в Университетской Типографии у Ридигера и Клаудия. 1798, с. 155–160. Перевод элегии 4, 4.

А. Ф. Мерзляков. *Проперция. К. I. 2. К Цинтии. К. I. 19. К Цинтии. К. I. 18. К Цинтии.* — Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова. Часть вторая. М., в Университетской типографии. 1826, с. 284–285 (1, 2), 286–287 (1, 19), 288–290 (1, 18).

И. П. Бороздна. *К Цинтии (Проперциева Элегия)* — Московский Телеграф. Часть десятая. М., 1826, с. 4–5. Перевод элегии 1, 19.

А. Н. Майков. *Туллу. Из Проперция.* — Впервые опубликовано в кн.: Стихотворения Аполлона Майкова. СПб., 1842, с подзаголовком: *Из Проперция,* с. 57. Печатается по кн.: А. Н. Майков. Избранные произведения. Вступительная статья Ф. Я. Приймы. Составление, подготовка текста и примечания Л. С. Гейро. Л.: Советский писатель, 1977, с. 68. Перевод элегии 1, 14.

Ф. К. Сологуб. *Из элегии 1, 2.* — Впервые опубликовано в кн.: Федор Сологуб. Стихотворения. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания М. И. Дикман. Советский писатель. Ленинградское отделение, 1979, с. 499.

Ф. Е. Корш. *II, 3.* — Ф. Е. Корш. Римская элегия и романтизм. М., 1899, с. 64–67.
I, 15 b. — Там же. С. 81–82.

А. И. Любжин. *II, 14.* — Греко-Латинский Кабинет. Выпуск 3. М., 2000, с. 76. Печатается с небольшими изменениями.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Август 2, 10, 15; 3, 11, 50; 4, 6, 23 и 29 (Августов корабль); 6, 81.
Авентинский 4, 1, 50 (поля); 8, 29 (Диана).
Аверн 3, 18, 1.
Авзония 1, 20, 12; 2, 33a, 4; 3, 4, 5; 22, 30 (Авзонийские трапезы); 4, 43.
Авлида 4, 1, 109.
Аврора 2, 18a, 7; 3, 13, 15.
Австр 2, 16, 56; 26, 36.
Агамемнон 3, 7, 21 (Агамемноновы тяготы); 4, 1, 111 (Агамемнонова дщерь); 6, 33.
Аганиппы источник 2, 3a, 20.
Адмет 2, 6, 23.
Адонис 2, 13b, 54.
Адраст 2, 34, 37.
Адриатика 1, 6, 2; 3, 21, 17.
Азизий 4, 1, 125.
Азия 1, 6, 14; 2, 3a, 36.
Акантида 4, 5, 63.
Аквилон 1, 20, 25 (Аквилона сыны); 2, 5, 11; 3, 7, 13; 71.
Акрокеравнские скалы 2, 16, 3.
Акрон 4, 10, 7 (Ценинец); 9; 15.
Акциум 2, 1, 34; 15, 44; 16, 37; 34, 61; 4, 6, 17.
Александрия 3, 11, 33.
Алексис 2, 34, 73.
Алкид 1, 20, 49; 2, 24c, 34 (Алкидов труд); 4, 9, 38; 51.
Алкиной 1, 14, 24.
Алкмена 2, 22a. 25.
Алкмеон 3, 5, 41 (Алкмеоновы фурии).
Алфесибея 1, 15, 15.
Альба Лонга 3, 3, 4; 4, 1, 35; 6, 38.
Альбанское озеро 3, 22, 25.
Амазонки 3, 14, 15.
Амимона 2, 26, 47.
Амифаон 2, 3b, 54 (Амифаонов дом).
Амур 1, 1, 3; 17; 34; 2, 8; 3, 13; 4, 26; 5, 24; 7, 20; 26; 9, 12; 23; 28; 11, 30; 12, 16; 14, 8; 14, 15; 17, 27; 19, 21; 2, 1, 58; 2, 2; 3a, 24; 6, 22; 8, 40; 10, 26; 12, 1; 13a, 2; 13b, 36; 16, 39; 24c, 22; 29, 18; 30, 2; 7; 24; 33b, 42; 34, 1; 3, 5, 1; 15, 4; 16, 16; 19, 24; 20, 19; 21, 4; 23, 16; Амуры 3, 1, 11; 4, 1, 138.
Амфиарай 2, 34, 39 (Амфиараева квадрига); 3, 13, 57.
Амфион 1, 9, 10 (Амфионова лира); 3, 15, 29; 42.
Амфитрион 4, 9, 1.
Андрогеон 2, 1, 62.
Андромаха 2, 20, 2; 22a, 31 (Андромахино ложе).
Андромеда 1, 3, 4; 2, 28, 21; 3, 22, 29; 4, 7, 63.
Аниен 1, 20, 8; 3, 16, 4; 22, 23; 4, 7, 81; 86.
Антей 3, 22, 10.
Антигона 2, 8, 21 (Антигонина могила).
Антилох 2, 13b, 49.
Антимах 2, 34, 45.
Антиной 4, 5, 8.
Антиопа 1, 4, 6; 2, 28, 51; 3, 15, 19; 22; 39.
Антоний 3, 9, 56.
Анубис 3, 11, 41.
Аониды 3, 3, 42.
Аонийский 1, 2, 28 (лира).
Апеллес 1, 2, 21 (Апеллесовы картины); 3, 9, 11.
Апидан 1, 3, 6.
Аполлон 1, 8, 41; 2, 1, 3; 3, 2, 10; 9, 39 (Аполлонова твердыня); 11, 69 (Левкадский); 4, 1, 73; 133; 6, 11; 69.
Аппиева дорога 2, 32, 6; 4, 8, 17.
Арабский 2, 3a, 15 (шелка); 29, 17 (травы).
Арабы 3, 13, 8.
Аравийский 1, 14, 19 (камень).
Аравия 2, 10, 16.
Аракинф 3, 15, 42.
Аракс 3, 12, 8; 4, 3, 35.
Аргант 1, 20, 33.
Аргинн 3, 7, 22.
Арго 1, 20, 17; 2, 26, 40.
Аргосский 1, 15, 21 (девушки); 2, 25, 43

(стать); 26, 47 (берег); 3, 22, 14 (голубка).
Аргосцы 1, 19, 14.
Аргус 1, 3, 20.
Аретуза 4, 3, 1.
Ариадна 2, 3a, 18; 3, 17, 7.
Арион 2, 26, 18; 34, 37.
Аркадия 2, 28, 23.
Аркадский 1, 1, 14 (утёсы); 18, 19 (бог).
Армянский 1, 9, 19 (тигрица).
Аррия 4, 1, 89.
Архемор 2, 34, 38.
Архит 4, 1, 77.
Асканий 1, 20, 4; 16.
Аскрейский 2, 10, 25 (родник);13a, 4 (роща); 34, 77 (поэт).
Асоп 3, 15, 27.
Атлант 3, 22, 7.
Атракийский 1, 8, 25 (берег).
Атрид 2, 14, 1; 3, 7, 23; 18, 30; 4, 1, 112.
Атталийский 2, 13b, 22 (перина); 32, 12 (занавеси); 3, 18, 19 (уборы); 4, 5, 24 (ложа).
Аттика 2, 20, 5.
Афамант 1, 20, 19; 3, 22, 5; 4, 6, 15 (Афамантовы берега).
Афины 1, 6, 13; 3, 21, 1.
Африка 3, 20, 4; 4, 11, 30 (Африканские царства); 38.
Ахейцы 3, 18, 29.
Ахелой 2, 34, 33.
Ахеменидский 2, 13a, 1 (держава).
Ахеронт 3, 5, 13.
Ахея 2, 28, 53.
Ахеяне 2, 8, 31.
Ахилл 2, 1, 37; 3a, 39; 8, 29; 9, 9; 20, 1; 22a, 29; 3, 18, 27; 4, 11, 39–40 (Ахилла пращур).
Байи 1, 11, 1; 30; 3, 18, 2; 7.
Бактры 3, 1, 15; 11, 26; 4, 3, 7; 63 (Бактрийские стены).
Басс 1, 4, 1; 12.
Бассарей 3, 17, 31.
Белги 2, 18b, 26; 4, 10, 40 (Белгов щит).
Беллерофонт 3, 3, 2.
Бистонийский 2, 30, 36 (утёсы).
Бовиллы 4, 1, 33.
Бойбеида 2, 2, 11.
Борей 2, 26, 51; 27, 12.
Борисфен 2, 7, 18.
Боспор 3, 11, 68.
Бренн 3, 13, 50.
Бримо 2, 2, 11.
Брисеида 2, 8, 35; 9, 9; 20, 1; 22a, 29.
Британцы 2, 1, 76 (Британец-возничий); 2, 18b, 23; 27, 5; 4, 3, 9.
Брут 4, 1, 45.
Бычьи поля 4, 9, 19.
Вавилон 3, 11, 21.
Вакх 1, 3, 9; 2, 30, 38; 3, 2, 10; 17, 1; 13; 3, 17, 20 (Вакхово могущество); 4, 1, 62; 2, 31; 6, 76.
Вакханки 2, 3a, 18.
Варрон 2, 34, 85–86.
Вейи 4, 10, 23–24; 27; 31 (Вейский вождь).
Велабры 4, 9, 5.
Великие игры 3, 18, 20.
Венера 1, 1, 33; 2, 30; 14, 16; 2, 13b, 56; 15, 12; 16, 13; 19, 18 (Венерина служба); 21, 2; 22a, 22 (Венерины труды); 28, 9; 32, 33; 3, 3, 31; 4, 19; 5, 23; 6, 34; 8, 12; 9, 11; 10, 30; 13, 2; 16, 20; 17, 3; 20, 16; 24, 13; 4, 1, 46; 137; 3, 50; 5, 5; 65; 8, 16; 34; 45.
Венеты 1, 12, 4.
Вергилии 1, 8, 10.
Вергилий 2, 34, 61.
Вертумн 4, 2, 2; 10; 48.
Веста 2, 29, 27; 3, 4, 11; 4, 1, 21; 4, 18; 36; 69; 11, 54.
Вик Туск 4, 2, 50.
Вирдомар 4, 10, 40.
Волопас 3, 5, 35.
Вольсингов очаг 4, 2, 4.
Габии 4, 1, 34.
Галатея 1, 8, 18; 3, 2, 7.
Галез 2, 34, 67.
Галл 1, 5, 31; 10, 5; 13, 1; 15; 20, 1; 13; 51; 21, 7; 2, 34, 91; 4, 1, 95.
Галла 3, 12, 1; 4; 19; 22.
Галлы 2, 31, 13.
Галльский 2, 13b, 48 (воин); 3, 13, 53 (рать).
Гамадриады 2, 32, 37; 34, 76.
Ганнибал 3, 3, 11; 59 (Ганнибаловы войны).
Геба 1, 13, 23.
Гектор 2, 8, 32 (Гекторов факел); 38; 22a, 31; 34; 3, 1, 28; 8, 31.
Гелен 3, 1, 29.
Геликон 2, 10, 1; 3, 3, 1; 5, 19.
Гелла 2, 26, 5; 3, 22, 5.
Гемон 2, 8, 21.

Гемонийский 8, 38 (кони); 2, 10, 2 (скакун); 3, 1, 27 (герой).
Герион 3, 22, 9 (Гериновы стойла).
Геркулес 1, 11, 2; 13, 23; 20, 16; 2, 23, 7; 3, 18, 4; 4, 7, 82; 9, 14 (Геркулесов гнев); 17; 39; 70 (Геркулесова жажда); 10, 9.
Гермиона 1, 4, 6.
Гесперид 3, 22, 10.
Гесперийский 2, 24c, 26 (змей); 4, 1, 86 (море).
Геты 4, 3, 9; 5, 44.
Гиг 3, 11, 17 (Гигово озеро).
Гиганты 1, 20, 9.
Гилаира 1, 2, 16.
Гилас 1, 20, 6; 32; 49; 52.
Гилей 1, 1, 13 (Гилеева коряга).
Гилейский 1, 8, 26 (берега).
Гименей 4, 4, 61.
Гипанис 1, 12, 4.
Гиперместра 4, 7, 63.
Гипподамия 1, 2, 20; 8, 35.
Гипсипила 1, 15, 17.
Гирканское море 2, 30, 20.
Главк 2, 26, 13.
Гомер 1, 7, 3; 9, 11 (Гомеровы песни); 2, 1, 21 (Гомерова слава); 34, 46; 3, 1, 33.
Гор 4, 1, 77.
Гораций 3, 3, 7 (Горациевы копья); см. также *Коклес*.
Горгона 2, 2, 8; 25, 13; 3, 3, 32 (Горгонина вода); 4, 9, 58.
Греки 2, 6, 19; 34, 65; 3, 22, 37.
Греция 2, 9, 17; 3, 7, 40; 4, 1, 116.
Гречанки 2, 32, 61.
Греческий 3, 1, 4 (хороводы); 9, 41 (плуг); 4, 8, 38 (влага).
Данаиды 4, 11, 28.
Данай 2, 31, 4.
Данайский 2, 26, 38 (флот); 3, 9, 40 (корабли); 11, 14 (то же); 22, 34 (суда).
Данайцы 4, 1, 53; 1, 113.
Даная 2, 20, 10; 12 (Данаино жилище); 32, 59.
Дарданский 1, 19, 13 (девы); 2, 14, 2 (триумф); 4, 1, 40 (корабли).
Дафнис 2, 34, 68.
Девкалион 2, 32, 53–54 (Девкалионов потоп).
Дедал 2, 14, 8 (Дедалов путь).
Деидамия 2, 9, 16.
Деифоб 3, 1, 29.
Делос 4, 6, 27.
Демосфен 3, 21, 27.
Демофон 2, 22a, 2; 13; 24c, 44 (Демофонова любовь).
Деций 3, 11, 62; 4, 1, 45.
Диана 2, 19, 18 (Дианины таинства); 28, 60; 4, 8, 29.
Диндим 3, 22, 3.
Дирка 3, 15, 11 (bis); 37; 39.
Дит 3, 22, 4.
Дия 3, 17, 28.
Додонов дуб 2, 21, 3.
Дорида 1, 17, 25.
Дорийский лагерь 2, 8, 32; 4, 6, 34.
Дорозанты 4, 5, 21.
Дулихия 2, 2, 7; 14, 4; 21, 13.
Евримедонт 3, 9, 48.
Еврипил 4, 5, 23 (Еврипиловы ткани).
Европа 2, 3a, 36; 28, 52.
Евфрат 2, 10, 13; 23, 21; 3, 4, 4; 11, 25; 4, 6, 84.
Египет 2, 1, 31; 33a, 15.
Елена 2, 1, 50; 3a, 32; 34, 88; 3, 8, 32; 14, 19.
Зависть 1, 8, 29.
Запад крайний 2, 3a, 43.
Земля 2, 18a, 14.
Зет 1, 20, 26; 3, 15, 29; 41 (Зетовы луга).
Зефир 1, 16, 34; 18, 2.
Иасида 1, 1, 10.
Иберский 2, 3a, 12 (пурпур).
Ида 2, 2, 14; 32, 35.
Идалийский 2, 13b, 53 (холм); 4, 6, 59 (звезда).
Идас 1, 2, 18.
Идейский 2, 32, 39 (утёсы); 3, 13, 40 (пастух); 17, 37 (хоровод).
Изида 4, 5, 34.
Икар 2, 33b, 24 (Икаровы быки); 29.
Икарий 3, 13, 10.
Иксион 2, 1, 38 (Иксионов сын); 4, 11, 23 (Иксионово колесо).
Илиада 2, 1, 14; 50; 2, 34, 66.
Илион 2, 13b, 48 (Илионов вал); 3, 1, 31; 4, 1, 54.
Илионский 3, 13, 60 (менада).
Иллирия 1, 8, 2; 2, 16, 1; 10.
Инах 1, 3, 20; 13, 31.
Инахида 2, 33a, 3.
Инд 1, 8, 40; 2, 9, 29.

Индийский 2, 22a, 10 (самоцвет); 3, 13, 5 (муравьи); 17, 22 (рать).
Индийцы 2, 18a, 11; 4, 3, 10.
Индия 2, 10, 15; 3, 4, 1.
Ино 2, 28, 19.
Ио 2, 28, 17; 30, 29; 33a, 7.
Иола 4, 5, 35.
Иолкский 2, 1, 54 (огонь).
Ионийское море 2, 26, 2; 14; 3, 11, 72; 21, 19; 4, 6, 16 (прибой); 58.
Иония 1, 6, 31.
Ипполит 4, 5, 5.
Ипполита 4, 3, 43.
Ир 3, 5, 17.
Исмарийский 2, 13a, 6 (долины); 33b, 32 (напиток); 3, 12, 25 (гора).
Истм 3, 21, 22.
Исхомаха 2, 2, 9.
Итака 1, 15, 9.
Итакийцы 3, 12, 29.
Италийский 3, 1, 4 (таинства); 3, 22, 28 (волны).
Италия 1, 22, 4; 3, 7, 63; 4, 3, 40.
Итис 3, 10, 10.
Иул 4, 1, 48.
Ифигения 3, 7, 24.
Ификл 2, 3b, 52.
Кавказ 1, 12, 10; 14, 6.
Кавказский 2, 1, 69 (скала); 25, 14 (птица).
Кадм 1, 7, 1 (Кадмов град); 3, 9, 37 (Кадмова цитадель); 13, 7 (Кадмов Тир).
Каистр 3, 22, 16.
Как 4, 9, 7; 9.
Калаид 1, 20, 26.
Каламид 3, 9, 10.
Калипсо 1, 15, 9; 2, 21, 13.
Каллимах 2, 1, 39; 34, 32; 3, 1, 1 (Каллимаховы Маны); 9, 43; 4, 1, 64 (Римский Каллимах, т. е. Проперций).
Каллиопа 1, 2, 28 (Каллиопея); 2, 1, 3; 3, 2, 16; 3, 38; 51; 4, 6, 12.
Каллисто 2, 28, 23.
Калхант 4, 1, 109.
Кальв 2, 25, 4; 34, 89.
Кальпа 3, 12, 26.
Камбиз 2, 26, 23.
Камены 3, 10, 1.
Камилл 3, 9, 31 (Камиллы); 11, 67.
Кампания 3, 5, 5.
Каннский 3, 3, 9 (битва).
Каноп 3, 11, 39.
Капаней 2, 34, 40.
Капенские ворота 4, 3, 71.
Капитолий 4, 4, 28.
Карпафийское море 3, 7, 12.
Карфаген 2, 1, 23.
Кассиопа 1, 17, 3.
Кастальский 3, 3, 13 (роща).
Кастор 1, 2, 15; 2, 7, 16 (Касторов конь); 26, 9; 3, 14, 17 (и Поллукс).
Катулл 2, 25, 4; 34, 87.
Каферейский 3, 7, 39 (скалы).
Квинтилия 2, 34, 90.
Квирин 4, 6, 21; 10, 11.
Квириты 3, 4, 3; 4, 1, 13; 68; 8, 59.
Кей 3, 9, 48.
Кекроп 2, 33b, 29 (Кекроповы земледельцы).
Кекропия 2, 20, 6.
Кентавры 2, 2, 10; 6, 17.
Керавнский 1, 8, 19 (скалы).
Кибела 3, 17, 36; 22, 3; 4, 7, 61; 11, 52.
Кидонский 3, 13, 27 (яблоко).
Кизик 3, 22, 1; 4.
Киконы 3, 12, 25.
Киликийский 4, 6, 74 (шафран).
Кимврский 2, 1, 24 (гроза).
Кимотоя 2, 26, 16.
Кинара 4, 1, 99.
Кинфий 2, 34, 80.
Кинфия 1, 1, 1; 3, 8; 22; 4, 8; 19; 25; 5, 31; 6, 15; 8, 7; 30; 42; 10, 19; 1, 11, 1; 8; 23; 26; 12, 3; 5; 20 (bis); 15, 1; 25; 17, 5; 9; 1, 18, 5–6; 22; 31; 1, 19, 1; 16; 19, 21; 2, 5, 1; 28 (bis); 30; 6, 40; 7, 1; 19; 13a, 7; 13b, 57; 16, 1; 11; 19, 1; 24a, 2; 5; 29, 24; 30, 25; 30, 33; 32, 3; 7; 33a, 2; 34, 93; 3, 21, 10; 24, 4; 26; 4, 7, 3–4; 85; 8, 15; 51; 63.
Киренский 4, 6, 4 (источник).
Китейский 1, 1, 24 (дева); 2, 4, 8 (то же).
Киферея 2, 14, 25.
Киферон 3, 2, 5 (Кифероновы камни); 15, 25.
Клавдий (победитель Вирдомара) 3, 18, 33.
Клавдий (победитель Сицилии) 4, 10, 39.
Клавдия 4, 11, 51.
Клитемнестра 3, 19, 19; 4, 7, 57.
Клитумн 2, 19, 25; 3, 22, 24.
Кносс 1, 3, 1.
Козерог 2, 26, 56; 4, 1, 86.

Коклес 3, 11, 63 (Коклесова тропа); см. также *Гораций*.
Коллинские ворота 4, 5, 11.
Колхида 3, 22, 11.
Колхидянка 2, 1, 54; 21, 11; 34, 8; 3, 11, 9.
Конон 4, 1, 78.
Кора 4, 10, 26.
Коридон 2, 34, 73.
Коринна 2, 3a, 21.
Коринф 3, 5, 6.
Корнелия 4, 11, 13; 43.
Косс 4, 10, 23; 35.
Косский 1, 2, 2 (ткань); 2, 1, 5; 3, 1, 1 (Филит); 9, 44 (поэт); 4, 2, 23 (ткань); 5, 23 (Минерва); 56; 57 (одежды).
Кравгида 4, 3, 55.
Красное море 1, 14, 12; 3, 13, 6.
Красс 3, 5, 48 (Крассовы знамёна); 4, 6, 83.
Крассы отец и сын 2, 10, 14; 3, 4, 9.
Крёз 2, 26, 23; 3, 5, 17; 18, 28.
Креуса 2, 16, 30; 21, 12.
Крит 2, 28, 53.
Критский 2, 1, 61 (травы); 12, 10 (колчан); 3, 19, 26 (корма).
Критянка 3, 19, 11; 4, 7, 57.
Ксеркс 2, 1, 22.
Кумский 2, 2, 16 (пророчица).
Купидон 2, 18a, 21.
Куриации братья 3, 3, 7.
Курций 3, 11, 61.
Куры 4, 4, 9; 9, 74.
Лавиний 2, 34, 64.
Лаида 2, 6, 1.
Лаконский 3, 2, 11 (мрамор); 14, 33 (палестра).
Лалага 4, 7, 45.
Лампетия 3, 12, 29 (Лампетиевы быки); 30.
Ланувий 2, 32, 6; 4, 8, 3; 48.
Лаомедонт 2, 14, 1 (Лаомедонтовы потомки).
Лапифы 2, 2, 9.
Лары 2, 30, 22; 3, 3, 11; 4, 3, 54.
Латиняне 4, 6, 45; 10, 37.
Латинянки 2, 32, 61.
Латрида 4, 7, 75.
Лев (созвездие) 4, 1, 85.
Левкадия 2, 34, 86.
Левкипп 1, 2, 15.
Левкотея 2, 26, 10; 28, 20.
Леда 1, 13, 29.
Лепид 4, 11, 63.
Лернейский 2, 24c, 25 (гидры); 26, 48 (болото).
Лесбия 2, 32, 45; 34, 88.
Лесбосский 1, 14, 2 (вина).
Летейский 4, 7, 10 (влага); 91 (воды).
Лехейская гавань 3, 21, 20.
Либер 1, 3, 14; 2, 3a, 17.
Либоны 4, 11, 31.
Ливийский 2, 31, 12 (кость); 4, 9, 46 (солнце).
Лигдам 3, 6, 2; 11; 19; 24; 31; 36; 41; 4, 7, 35; 8, 37; 68; 70; 79.
Лидийский 1, 6, 32 (пашни); 3, 17, 31 (митра); 4, 7, 62 (плектры); 9, 48 (прялка).
Лик 3, 15, 12.
Ликийский 3, 1, 38 (бог).
Ликомеды 4, 2, 51.
Ликорида 2, 34, 92.
Ликот 4, 3, 1.
Ликург 3, 17, 23.
Лин (Инахийский) 2, 13a, 8.
Линкей 2, 34, 9; 25.
Лисипп 3, 9, 9.
Лицинна 3, 15, 5; 43.
Лиэй 2, 33b, 35; 3, 5, 21.
Лукринское озеро 1, 11, 10.
Лукумон 4, 1, 29.
Луна 1, 10, 8; 2, 34, 52.
Луперк 4, 1, 93.
Луперкалии 4, 1, 26.
Луцеры 4, 1, 31 (Солониевы).
Луцина 4, 1, 99.
Мавсол 3, 2, 21 (Мавсолова усыпальница).
Магн 4, 8, 41.
Малейский мыс 3, 19, 7.
Мамуррий 4, 2, 61.
Маны 1, 19, 1; 4, 5, 3; 7, 1.
Марий 2, 1, 24; 3, 3, 43; 5, 16; 11, 46.
Марон 2, 32, 14.
Марс 2, 27, 8; 32, 33; 3, 4, 11; 11, 58; 4, 1, 55 (Марсова волчица); 83.
Марсово поле 2, 16, 34.
Марцелл 3, 18, 9.
Марциева вода 3, 2, 14; 22, 24.
Махаон 2, 1, 59.
Меандр 2, 30, 17.
Меандр 2, 34, 35 (Меандрова волна).
Мевания 4, 1, 123.

Медея 2, 24c, 45; 3, 19, 17; 4, 5, 41.
Меламп 2, 3b, 51.
Мемнон 1, 6, 4; 2, 18a, 16.
Мемфис 3, 11, 34.
Менада 3, 8, 14.
Меналийский 4, 9, 15 (палица).
Менандр 2, 6, 3 (Менандрова Фаида); 3, 21, 28; 4, 5, 44.
Менелай 2, 3a, 37 (Менелаева мудрость); 15, 14 (Менелаев покой); 2, 34, 7.
Менетий 2, 1, 38 (Менетиев сын).
Ментор 1, 14, 2 (Менторова работа); 3, 9, 13.
Меонийский 2, 28, 29 (героини).
Меотида 3, 11, 13.
Меотийский 2, 3a, 11 (берега).
Меркурий 2, 2, 12; 30, 6 (Меркуриев путь).
Мероя 4, 6, 78.
Метимна 4, 8, 38.
Меценат 2, 1, 17; 73; 3, 9, 1; 21; 34; 59.
Мигдонский 4, 6, 8 (кувшины).
Мидийский 3, 9, 25 (копья); 12, 11 (стрелки).
Мизен 3, 18, 3.
Мизены 1, 11, 4.
Микенский 2, 22a, 32 (флот).
Микены 3, 19, 20.
Миланион 1, 1, 9.
Мимнерм 1, 9, 11 (Мимнермовы песни).
Минерва 1, 2, 30; 4, 1, 118.
Минийцы 1, 20, 4.
Миноида 2, 14, 7; 24c, 43.
Минойский 4, 11, 21 (трон).
Минос 2, 32, 57; 3, 19, 21; 27.
Миронов скот 2, 31, 7.
Мирра 3, 19, 15.
Мис 3, 9, 14 (Мисов акант).
Мисийский 1, 20, 20 (берега); 2, 1, 63 (юноша).
Молва 3, 1, 9; 22, 20.
Молосский 4, 8, 24 (псы).
Муза 2, 1, 35; 10, 10; 12, 22; 13a, 3; 3, 1, 9; 4, 4, 51; 6, 11; 75.
Музы 1, 8, 41; 2, 34, 31; 3, 1, 14; 3, 2, 15; 5, 20.
Мутина 2, 1, 27.
Навплий 4, 1, 115.
Наксос 3, 17, 29.
Наяда 1, 20, 45; 2, 32, 39.
Невры 4, 3, 8.
Неми озеро 3, 22, 25.
Непорочность 2, 6, 25.
Нептун 2, 16, 4; 26, 9; 45–46; 3, 7, 15; 3, 9, 41 (Нептунов труд).
Нереиды 2, 26, 15.
Нерей 3, 7, 67; 4, 6, 25.
Несея 2, 26, 16.
Нестор 2, 13b, 46; 25, 10.
Никтей 1, 4, 5 (Никтеева дочь); 3, 15, 12.
Нил 2, 1, 31; 28, 18; 33a, 4; 20; 3, 11, 42; 51; 4, 6, 63; 8, 39.
Ниоба 2, 20, 7; 3, 10, 8 (Ниобин камень).
Нирей 3, 18, 27.
Ниса 3, 17, 22 (Нисейский хоровод).
Номада 4, 7, 37.
Номент 4, 10, 26.
Нот 2, 5, 12; 3, 15, 32; 4, 5, 62; 6, 28.
Нума 4, 2,60.
Нуманция 4, 11, 30.
Оилей 4, 1, 117.
Океан 2, 9, 30; 16, 17; 4, 4, 64.
Окн 4, 3, 21.
Олимп 2, 1, 19; 3, 2, 20.
Омихла 4, 5, 35.
Омфала 3, 11, 17.
Орик 1, 8, 20.
Орион 2, 16, 51; 26, 56.
Орифия 1, 20, 31; 2, 26, 51; 3, 7, 13.
Орк 3, 19, 27.
Оронт 1, 2, 3; 2, 23, 21.
Оропс 4, 1, 77.
Ортигия (Делос) 2, 31, 10.
Ортигия (Эфес) 3, 22, 15.
Орфей 1, 3, 42 (Орфеева лира); 3, 2, 3.
Оскский 4, 2, 62 (земля).
Осса 2, 1, 20.
Павел 4, 11, 1; 11; 35; 63; 73; 81; 96.
Пагасейский 1, 20, 17 (верфь).
Пактол 1, 6, 32; 14, 11; 3, 18, 28.
Палатин 3, 9, 49; 4, 1, 3; 6, 11; 9, 3.
Палатинский 4, 6, 44 (холм).
Паллада 2, 2, 7.
Паллада 2, 28, 12; 30, 18; 3, 9, 42; 20, 7; 4, 4, 45; 9, 57.
Пан 3, 3, 30 (Тегейский); 13, 44; 17, 35.
Пандиона дочь 1, 20, 31.
Панф записка 2, 21, 1–2.
Парилии 4, 1, 19; 4, 73.
Парис 2, 3a, 37; 15, 13; 32, 35; 3, 1, 29; 8, 29; 13, 62.
Парки 3, 5, 18; 4, 11, 13.

Парнасский 2, 31, 13 (вершина); 3, 13, 52 (гора).
Парразий 3, 9, 12.
Парфений 1, 1, 11.
Парфения 4, 7, 74.
Парфяне 2, 14, 23; 27, 5; 4, 6, 79.
Парфянский 2, 10, 13 (всадники); 3, 4, 6 (трофеи); 17 (всадник); 9, 54 (стрелы); 12, 3 (добыча); 4, 3, 36 (конь); 4, 3, 67 (земля); 4, 5, 26 (очаги).
Пасифая 2, 28, 52.
Патрокл 2, 8, 33.
Пегас 2, 30, 3 (Пегасова спина).
Пегасиды 3, 1, 19.
Пеге источник 1, 20, 33.
Пелей 2, 9, 15.
Пелид 2, 22a, 34.
Пелион 2, 1, 20.
Пелионский 3, 22, 12 (сосна).
Пелоп 3, 19, 19 (Пелопов дом); 4, 6, 33.
Пелузий 3, 9, 55.
Пенаты 1, 22, 2; 2, 30, 21; 3, 7, 45; 4, 1, 39; 91; 121; 4, 33.
Пенелопа 2, 9, 3; 3, 12, 38; 13, 24; 4, 5, 7.
Пентесилея 3, 11, 13.
Пенфей 3, 17, 24; 22, 33.
Пергам 2, 1, 21; 3, 9, 40; 13, 61.
Пергамский 2, 3a, 35 (стены); 4, 1, 51 (пророчица); 4, 69 (очаг).
Перилл 2, 25, 12.
Перимеда 2, 4, 8.
Пермесский 2, 10, 26 (влага).
Перо 2, 3b, 53.
Персей (царь Македонии) 4, 11, 39; 40 (Персеевы твердыни).
Персей 2, 28, 22; 30, 4 (Персеевы крылья); Персеева рука 3, 22, 8.
Персефона 2, 13b, 26; 28, 47; 48 (Персефонин супруг).
Персы 3, 11, 21.
Перузия 1, 22, 3.
Пестум 4, 5, 61.
Пет 3, 7, 5; 17; 26; 27 (Петова могила); 43; 47; 54; 66.
Петала 4, 7, 43.
Пиериды 2, 10, 11.
Пиерийский 2, 13a, 5 (дубы).
Пинд 3, 5, 33.
Пиндар 3, 17, 41 (Пиндаровы уста).
Пирейский 3, 21, 23 (порт).
Пирифой 2, 6, 18.
Пирр 3, 11, 60.
Пифийский 2, 31, 15 (бог); 3, 13, 51 (царство).
Пифон 4, 6, 35.
Платон 3, 21, 25 (Платоново ристалище).
Плеяды 2, 16, 51; 3, 5, 36.
Полидор 3, 13, 55.
Полимнестор 3, 13, 54.
Полифем 2, 33b, 32; 3, 2, 7; 12, 26.
Поллукс 1, 2, 16; 3, 22, 26.
Помпей 2, 32, 11 (Помпеев портик); 3, 11, 35; 68 (Помпеева рука); 4, 8, 75 (Помпеев портик).
Понтик 1, 7, 1; 11; 9, 26; 12, 1.
Постум 3, 12, 1; 15; 23.
Пракситель 3, 9, 16.
Пренесте 2, 32, 3.
Приам 2, 3a, 40; 28, 54; 4, 1, 52.
Прозерпина 3, 22, 4.
Прометей 1, 12, 10; 2, 1, 69; 3, 5, 7.
Проперций 2, 8, 17; 14, 28; 24c, 36; 34, 94; 3, 3, 17; 10, 15; 4, 1, 71; 7, 49.
Пропонтида 3, 22, 2.
Пса созвездье 2, 28, 4.
Птолемей 2, 1, 30 (Птолемеев Фарос).
Пулидамант 3, 1, 29.
Пунийский 2, 31, 3 (колонны).
Рак 4, 1, 150.
Рамнийцы 4, 1, 31.
Рассудок 3, 24, 19.
Рейн 3, 3, 45; 4, 10, 39; 41.
Рем 2, 1, 23; 3, 9, 50 (Ремова кровь); 4, 1, 9 (Ремов дом); 50; 6, 80 (Ремовы знамена).
Рим 1, 12, 2; 8, 31; 6, 22; 2, 5, 1; 15, 45; 16, 19; 19, 1; 32, 44; 33a, 16; 3, 1, 16; 35; 3, 44; 11, 36; 49; 55; 66; 12, 18; 13, 59; 14, 33; 21, 15; 22, 17; 20; 4, 1, 1; 33; 37; 67; 87; 2, 49; 4, 9; 35; 56; 73; 6, 57; 9, 20; 10, 10; 11, 37.
Римляне 4, 2, 55.
Римлянка 2, 18b, 26.
Римский 1, 22, 5 (раздоры); 2, 3a, 30 (девы); 33 (молодежь); 10, 4 (войска); 28, 55 (девушки); 34, 65 (писатели); 3, 4, 10 (история); 9, 23 (честь); 49 (быки); 55 (меч); 11, 31 (стены); 43 (труба); 52 (оковы); 4, 2, 6 (форум); 3, 45 (девушки); 4, 12 (форум); 35 (горы); 6, 3 (табличка); 10, 38 (кони).

Рипейские горы 1, 6, 3.
Ромул 2, 6, 19; 4, 1, 32; 4, 26; 79; 6, 43; 10, 5; 13.
Рыбы 4, 1, 85.
Сабинский 2, 6, 21 (девы); 4, 2, 52 (клинки); 3, 58 (трава); 4, 12 (копья); 32 (оружие); 57 (девы).
Сабиняне 2, 32, 47.
Салмонида 1, 13, 22; 3, 19, 13.
Санк 4, 9, 72; 74.
Сатурн 2, 32, 52; 4, 1, 84 (Сатурнова звезда).
Свевы 3, 3, 45.
Священная дорога 2, 1, 34; 23, 15; 24b, 14; 3, 4, 22.
Семела 2, 28, 26; 30, 29.
Семирамида 3, 11, 21.
Сивилла 2, 24c, 33 (Сивиллин возраст); 4, 1, 49.
Сидонский 2, 16, 55 (ткани); 29, 15 (митра); 4, 9, 47 (пурпур).
Сизиф 2, 17, 7 (Сизифов труд); 20, 32 (то же); 4, 11, 23.
Сикамбры 4, 6, 77.
Сиканский 1, 16, 29 (скалы).
Силен 3, 3, 30.
Силены 2, 32, 38.
Сильван 4, 4, 5.
Симоис 2, 9, 12; 3, 1, 26.
Синис 3, 22, 37.
Сирены 3, 12, 34.
Сирийский 2, 13b, 29 (дары).
Сирты 2, 9, 33; 3, 19, 6; 24, 16.
Сифак 3, 11, 59.
Сифил 2, 20, 8.
Сицилийский 2, 1, 28 (беглец); 3, 18, 33 (земля).
Скамандр 3, 1, 26.
Скейский 3, 9, 39 (ворота).
Скирон 3, 16, 12.
Скирос 2, 9, 16.
Скифский 3, 16, 13 (берег); 4, 3, 47 (хребты).
Скрибония 4, 11, 55.
Сократические книги 2, 34, 27.
Солнце 2, 15, 32; 18a, 10 (упряжка); 31, 11 (колесница); 4, 1, 82.
Спарта 3, 14, 1.
Спартанка 2, 15, 13.
Спартанский 3, 14, 21 (закон).
Стигийский 2, 9, 26 (влага); 27, 13 (тростники); 34, 53 (волна) 3, 18, 9 (волны); 4, 3, 15 (влага); 9, 42 (сумерки).
Стримон 4, 4, 71.
Субура 4, 7, 15.
Сцилла 2, 26, 53; 3, 12, 28; 19, 21; 4, 4, 39.
Сципион 3, 11, 67 (Сципионов флот).
Тайгет 3, 14, 12.
Танаис 2, 30, 1–2.
Тантал 2, 1, 66; 17, 5; 4, 11, 24 (Танталовы уста).
Танталиды 2, 31, 14.
Тарквиний 3, 11, 47.
Тарпейский 1, 16, 2 (дева); 3, 11, 45 (скала); 4, 1 (роща); 29 (скала); 8, 31 (роща).
Тарпея 4, 4, 1; 15; 81; 93.
Таций 2, 32, 47 (древние Тации); 4, 1, 30; 2, 52; 4, 7; 19; 26; 31 (Тациева турма); 34; 38; 89.
Тевтонский 3, 3, 44 (рати).
Тевтрант 1, 11, 11 (Тевтрантова влага).
Тезей 1, 3, 2 (Тезеев корабль); 2, 1, 37; 14, 7; 24c, 43; 3, 21, 24 (Тезеева дорога).
Тейя 4, 8, 31; 58.
Телегона Эейского стены 2, 32, 4.
Тенар 1, 13, 21.
Теодамант 1, 20, 6.
Термодонт 3, 14, 16; 4, 4, 72.
Тиберин 4, 2, 7.
Тибр 1, 14, 1; 2, 33a, 20; 3, 11, 42; 4, 1, 8; 10, 25.
Тибур 2, 32, 5 (Геркулесов); 3, 16, 2.
Тибуртинский 4, 7, 85 (земля).
Тигр 3, 4, 4.
Тиндарида 2, 32, 31; 3, 8, 30.
Тиндариды 1, 17, 18.
Тир 2, 16, 18; 3, 13, 7 (Кадмов).
Тиресий 4, 9, 57.
Тирийский 3, 14, 27 (одежды); 4, 3, 34 (шерсть); 4, 5, 22 (воды).
Тиро 2, 28, 51.
Тирренский 1, 8, 11 (море); 3, 17, 25 (моряки).
Тирсис 2, 34, 68.
Тисифона 3, 5, 40.
Титаны 2, 1, 19.
Титий 2, 20, 31; 3, 5, 44.
Титир 2, 34, 72.
Тифон 2, 18a, 7; 15; 25, 10.
Тиции 4, 1, 31.

Толумний 4, 10, 23; 37 (Толумниева голова).
Тривия 2, 32, 10.
Тритон 2, 32, 16; 4, 6, 61.
Троя 2, 3a, 34; 6, 16; 8, 10; 3, 1, 31; 4, 1, 39; 47; 87; 113.
Троянский 2, 30, 30 (жилища); 4, 6, 38 (деды).
Тулл 1, 1, 9; 6, 1; 14, 19; 22, 1; 3, 22, 1; 6; 39.
Улисс 2, 6, 23; 9, 7; 14, 3; 26, 37; 3, 7, 41; 3, 12, 23.
Умбрия 1, 22, 9; 4, 1, 63–64; 121.
Умбрский 3, 22, 23 (путь); 4, 1, 124 (озеро).
Фабии 4, 1, 26 (Фабиевы Луперкалии).
Фабий 3, 3, 9.
Фавн 4, 2, 34.
Фаида 2, 6, 3; 4, 5, 43.
Фалернский 2, 33b, 39 (напиток); 4, 6, 73 (давильни).
Фамира 2, 22a, 19.
Фарос 2, 1, 30; 3, 7, 6.
Фасис 1, 20, 18; 3, 22, 11.
Феаки 3, 2, 13.
Феб 1, 2, 18; 27; 2, 15, 16; 31, 2 (Фебов портик); 5; 10; 32, 28; 34, 62; 3, 1, 7; 3, 13; 12, 30; 20, 11; 22, 30; 4, 1, 3 (Корабельный); 2, 32 (Фебов облик); 6, 15; 27; 57; 67 (Акцийский); 76.
Феба 1, 2, 15.
Федра 2, 1, 51.
Феникс 2, 1, 60 (Фениксовы глаза).
Феспрот 1, 11, 3 (Феспротово царство).
Фессалиец 1, 19, 10.
Фессалийский 1, 15, 19 (гость); 2, 1, 63 (медь); 22a, 30 (копьё); 3, 24, 10 (колдунья).
Фессалия 1, 5, 6.
Фетида 3, 7, 68.
Фиванский 2, 8, 24 (дом); 9, 49 (вожди); 3, 2, 6 (стены); 18, 5 (бог).
Фивы 1, 7, 1; 2, 1, 21; 6, 5; 8, 10; 28, 54; 3, 17, 34 (Диркейские); 4, 5, 25.
Фидены 4, 1, 36.
Фидий 3, 9, 15 (Фидиев Юпитер).
Филак 1, 19, 7.
Филипп 3, 11, 40 (Филиппова кровь).
Филиппы 2, 1, 27.
Филит 2, 34, 31; 3, 3, 52 (Филитова влага); 4, 6, 3.
Филлида 2, 24c, 44; 4, 8, 29; 39; 57.
Филлира 2, 1, 60.
Филоктет 2, 1, 59 (Филоктетова рана).
Финей 3, 5, 41.
Финийский 1, 20, 34 (нимфы).
Финикийский 4, 3, 51 (пурпур).
Финикийцы 2, 27, 3.
Флегрейский 2, 1, 40 (схватки); 3, 9, 48 (хребты); 11, 37 (поля).
Форк 3, 22, 8.
Фортуна 3, 7, 32.
Фракийский 3, 2, 4 (лира).
Фригийский 1, 2, 19 (муж); 2, 1, 42 (предки); 22a, 16 (лад); 30, 19 (воды); 34, 36 (равнина).
Фригийцы 2, 22a, 30.
Фригия 3, 13, 62.
Фрина 2, 6, 5.
Фтийский 2, 13b, 38 (герой).
Фурии 4, 4, 68.
Хаонийский 1, 9, 5 (голуби).
Харибда 2, 26, 53; 3, 12, 28.
Хирон 2, 1, 60.
Хлорида 4, 7, 72.
Цезарь (победитель при Фарсале) 3, 18, 33; 4, 6, 56; 59.
Цезарь 1, 21, 7; 2, 1, 25–26; 42; 2, 7, 5 (bis); 2, 16, 41 (bis); 31, 2; 34, 62; 3, 4, 1; 13; 9, 27; 33; 11, 66; 72; 12, 2; 18, 12 (Цезарев очаг); 4, 1, 46; 6, 13–14; 11, 58.
Ценинский 4, 10, 9 (цитадель).
Цербер 3, 5, 44; 4, 5, 3; 7, 90; 11, 25.
Цефеева дочь 1, 3, 3.
Цирцея 2, 1, 53 (Цирцеина трава); 3, 12, 27.
Честь 3, 1, 22.
Эагр 2, 30, 35.
Эак 2, 20, 30; 4, 11, 19.
Эвадна 1, 15, 21; 3, 13, 24.
Эвандр 4, 1, 4.
Эвбейский 2, 26, 38 (утёсы); 4, 1, 114 (излучины).
Эвен 1, 2, 17 (дочь).
Эвмениды 4, 11, 22.
Эвр 2, 26, 35; 3, 5, 30; 15, 32.
Эвритион 2, 33b, 31.
Эврот 3, 14, 17.
Эгейское море 1, 6, 2 (пучина); 2, 5, 11 (волны); 3, 7, 57; 24, 12.
Эдонянка 1, 3, 5.
Элейская квадрига 3, 9, 17.
Электра 2, 14, 5. Орест 2, 14, 5.

Элида 1, 8, 36.
Элизиум 4, 7, 60.
Элия Галла 3, 12, 15; 38.
Эллада 2, 6, 2.
Эмилий 3, 3, 8 (Эмилиев корабль).
Эндимион 2, 15, 15.
Эней 2, 34, 63; 3, 4, 19; 4, 1, 2.
Энипей 1, 13, 21; 3, 19, 13.
Энкелад 2, 1, 40.
Энний 3, 3, 6; 4, 1, 61 (Энниевы стихи).
Эолийский плектр 2, 3а, 19.
Эпидаврский бог 2, 1, 61.
Эпикур 3, 21, 26.
Эрехтей 2, 34, 29.
Эридан 1, 12, 4.
Эринии 2, 20, 29.
Эритея 4, 9, 1.
Эрифила 2, 16, 29; 3, 13, 56.
Эрихтония народ 2, 6, 4.
Эрицинская раковина 3, 13, 6.
Эсквилин 3, 23, 24; 4, 8, 1.
Эсон 1, 15, 18 (Эсонов сын); 3, 11, 12.
Эсхил 2, 34, 41 (Эсхилов котурн).
Этейский 1, 13, 24 (костёр); 3, 1, 32 (бог).
Этна 3, 2, 7; 17, 21.
Этруск 4, 2, 3; 49.
Этрусский 1, 21, 2 (стены); 9 (горы); 22, 6 (пыль); 2, 1, 29 (род); 3, 9, 1 (цари).
Ээйская дева 3, 12, 31.
Югурта 3, 5, 16; 4, 6, 66.
Юлий (Август) 4, 6, 17 (памятник Юлиева флота); 54 (Юлиевы суда).
Юнона 2, 5, 17; 28, 11 (храм Юноны Пеласгийской); 33; 33а, 9; 3, 22, 35; 4, 1, 101; 8, 16; 9, 43; 71.
Юпитер 1, 13, 29; 2, 1, 40; 2, 4; 6 (супруга и сестра Юпитера); 3а, 30; 7, 4; 13а, 16; 16, 16; 47; 22а, 25; 26, 42; 46; 28, 1; 33; 44; 30, 28; 32, 60; 33а, 7; 13; 34, 18; 40; 3, 2, 20 (храм Юпитера Элейского); 3, 12; 4, 6; 9, 47; 11, 28; 41; 66; 15, 19; 22; 36 (потомство Юпитера); 39; 24, 20; Юпитер 4, 1, 7 (Тарпейский); 54; 81; 83 (светило Юпитера); 103 (ливийская пещера Юпитера); 4, 2 (пленный порог Юпитера); 10 (скалы Юпитера); 30; 85; 6, 14; 23; 9, 8; 10, 1 (Феретрий); 15–16; 45 и 48.
Язон 2, 21, 11; 24с, 45 (Язонова корма) 34, 85.

Секст Проперций

ЭЛЕГИИ

Перевод *А. И. Любжин*

Научный редактор *Е. С. Иванюк*
Макет и верстка *А. В. Иванченко*

Подписано в печать 26.04.2004. Формат 60 × 90 1/16
Усл. печ. л. 17,0. Тираж 1200 экз. Заказ 10088

Издательство «Греко-латинский кабинет»®
Ю. А. Шичалина
119435, Москва, Новодевичий пр., д. 6а
тел.: (095) 246-9726, 246-8347; факс: (095) 246-8347
e-mail: info@mgl.ru
http://www.mgl.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-87245-112-1